

Пионерский металл шагает по стране!

ПИОНЕР

МАЙ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1962 г. **5**

НАМ СОРОК ЛЕТ

Фотоэтюд С. Карасева.

ПИОНЕР

Год издания 38-й

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

К борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ,

КТО НОСИЛ И КТО НОСИТ КРАСНЫЙ ГАЛСТУК!

Всей многомиллионной красногалстучной гвардии пионеров 1962-го года,

всем папам и мамам, боевым пионерам двадцатых годов,

всем хорошим советским людям, которые были пионерами,

всем нашим вожатым — пионерам на всю жизнь,

всем коммунистам и комсомольцам, верным друзьям красного галстука!

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ:

Поздравляем с сорокалетием Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина!

МАЙ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1962 г. № 5

Путешествие в Страну
Необыкновенных Городов,
Космодром
Край Нехоженых троп
школа
Экспедиция Охотников за Тайнами
ЦЛХД
Царя Гороха и Королевы Кукурузы
Владения
Город Октябрятск
школа
школа
Дорога Дружбы
Озеро 100.000 уток
Дозоры

Краснозвездных школ и
школа
Охотников за тайнами
Пионерский штаб
Здесь жили 100 мальчиков и девочек с фотоаппаратами
Необыкновенный город
Обыкновенных ребят
Центральная лаборатория хороших дел
ЦЛХД
Хранилище
Город
Мастеров
1943
Республика Красных Следопытов
школа
Отважных

Путешествие в Страну Необыкновенных Городов, Краснозвездных Школ и Охотников за тайнами

Ты уже пропутешествовал по нашей карте сверху вниз, справа налево и даже по диагонали. И тебе, наверное, захотелось побывать в Необыкновенном Городе, узнать, кто бродит по Нехоженым Тропам, познакомиться с Охотниками за Тайнами и уж, конечно, проникнуть в Центральную Лабораторию Хороших Дел. А Космодром?!

Скорее, скорее в путь! На страницах журнала тебя уже ждут жители страны Краснозвездных Школ — они будут твоими проводниками.

По следам пионера пионеров

В столице Республики Красных Следопытов торжественно открылись двери Хранилища Пионерских Летописей. На полках Хранилища — толстые альбомы и тоненькие тетрадки, пачки пожелтевших фотографий и бережно свернутые пионерские знамена.

Тысячи тайн и загадок решили жители Республики Красных Следопытов, сотни открытий сделали они, прежде чем стали оживать страницы пионерской истории.

Откроем первую страницу...

Этот снимок нигде не публиковался. Ребята получили его от одного из первых пионеров. На снимке — совет первого пионерского отряда.

«Веруй не в бога, а в коммунизм!»,

«Умей владеть винтовкой и книгой!»,

«Умей узнавать врага и друга Советской республики!»,

«В случае опасности по первому же зову Республики будь всегда готов выступить вперед, на ее защиту!»,

«Твой девиз должен быть: Всегда готов!».

Такими были первые пионерские законы. Их передали первому отряду рабочие революционной Красной Пресни вместе со знаменем.

«Пионеру пионеров — І-му Краснопресненскому отряду юных пионеров от рабочих 16-й

типографии Мосполиграф» — было написано на этом знамени.

Прошло сорок лет. И мы гордимся, что в день юбилея передаем Дворцу пионеров летопись первого отряда и сделанную по рассказам первых пионеров копию отрядного знамени.

...Что мы знали о первом пионерском отряде в 1959 году, когда начинали свои поиски? Только то, что родился он в нашем районе, при 16-й типографии.

Когда и где был первый сбор отряда? Кто был первым вожатым? Кто первые пионеры? Где они сейчас?

И вот позади три года поисков...

В первый же год мы разыскали восемнадцать пионеров первого отряда. Узнали о делах отряда, о встречах с С. М. Буденным, Ем. Ярославским, Н. К. Крупской, о почетном пионере отряда Н. И. Подвойском.

Особенно радовались мы рассказам первых пионеров о Ленине. Вот один из эпизодов.

Лето 1923 года с помощью рабочих типографии отряд провел под Москвой, в Барыбине. Ребята организовали в деревне передвижные ремонтные мастерские (паяльные, сапожные, столярные), парикмахерскую, помогали крестьянам на полях.

За хорошую работу в деревне московский комсомол наградил первый пионерский отряд правом участвовать в 1-й Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке. Ребята разбили там свой лагерь — появились палатки, костровая площадка, выставка пионерских самоделок.

Накануне открытия выставки отряду было разрешено посмотреть павильоны. В тот же день на выставку приехал В. И. Ленин. Ему преподнесли большую корзину мичуринских яблок. Яблоки Владимиру Ильичу понравились. Он написал записку и послал корзинку с яблоками в подарок пионерам — участникам выставки. Записка Ильича долго хранилась в комнате отряда в Трехпрудном переулке.

В первый же год поисков мы узнали имя организатора и первого вожатого отряда — Миши Стремякова. Долгое время мы больше ничего о нем не знали. И только на второй год поисков получили письмо от его жены и дочери. Они рассказали о жизни Михаила Петровича Стремякова — первого пионерского вожатого Краснопресненского отряда.

Вместе с ребятами из отряда Стремяков создал в 1923 году первый пионерский журнал «Барабан». Это было началом всей пионерской печати. Стремяков долго работал журналистом, во время Великой Отечественной войны участвовал в боях под Ленинградом. Умер он в 1950 году.

Каждый год поисков приносил нам новые находки и задавал новые загадки.

Последняя наша находка — письмо первых пионеров В. И. Ленину. Оно хранилось в Центральном партархиве, но мы о нем ничего не слышали раньше. Теперь мы хотим разыскать тех, кто встречался с Лениным на Красной площади 19 мая 1919 года, тех, кто был у Ленина в Горках в 1923 и 1924 годах.

Летописцы первого пионерского отряда за работой

Работы еще много. Но сейчас историей первого отряда занимаются красные следопыты многих дружин Москвы — мы теперь работаем сообща.

Мы выполним клятву, которую дали первым пионерам, — история первого Краснопресненского отряда будет создана. Заветы первых пионеров будут жить в наших делах!

Красные следопыты отряда имени первых пионеров, 8-го класса «А» 103-й школы

г. Москва.

Сорок пионерских

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рисунки А. Брея.

Сорок,
Сорок,
Сорок
Пионерских лет.
Всем ребятам дорог
Их горячий след.

Сорок пар разбитых,
Стоптанных сапог.
Сорок незабытых
Пройденных дорог.

Песня на причале.
Каша в казанке.
Сорок за плечами
В рыжем рюкзаке.

Сорок,
Сорок,
Сорок
Огненных знамен.
Окна в темных шторах:
Город затемнен.

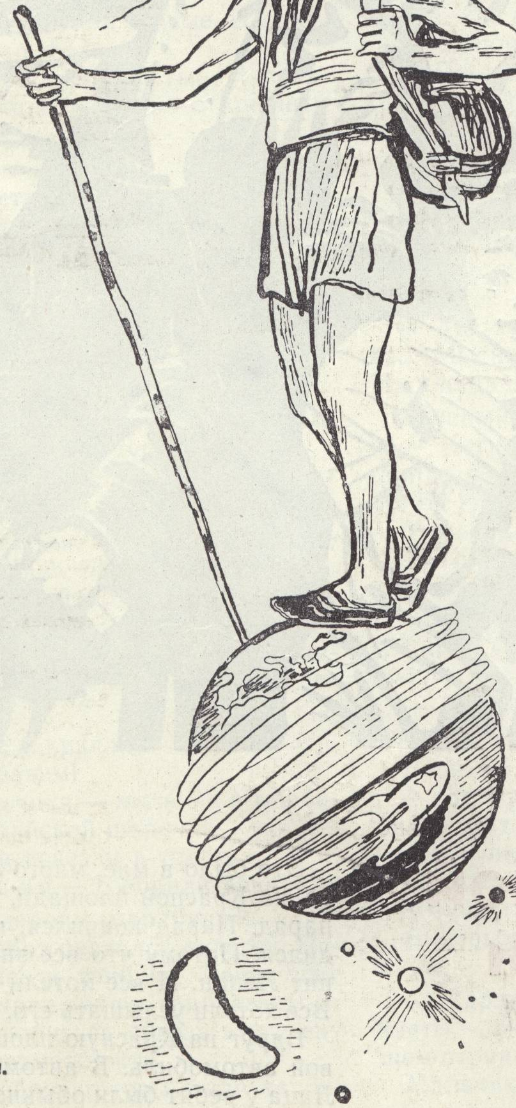
Сколько вас, шагавших,
Под огнем врага,
Жизнь свою отдавших
Сыновей полка!

Сосны в карауле.
Ветер на плече.
Дырочка от пули
В тонком кумаче...

Вражьей чащи шорох.
Гулкие бои.
Сорок,
Сорок,
Сорок —
Все они твои!

Перешло в наследство
Сыну от отца
Не простое детство —
Первый шаг бойца.

Пробуждайтесь рано
Со своей страной.
Нету барабана —
Бейте в шар земной.

Шумные привалы.
Дымные костры.
А у запевалы
Локотки остры.

Наши майки в соли,—
В поле духота.
На руках мозоли —
Наша красота.

Взрослым помогаем
Песней и плечом.
Скуку выжигаем
Красным кумачом.

Наши сборы — споры.
В жилах кровь течет!

Сорок,
Сорок,
Сорок —
Продолжаем счет.

Сорок пионерских,
сорок лет в пути.
А до коммунизма
Долго ли идти!

Нет, уже не долго,
Шире шаг, отряд!
Двадцать звезд горячих
Впереди горят.

Не стихает ветер...
И в мороз и в жар
Ходит по планете
Юный коммунар.

Снег искрится талый.
Лед идет на слом.
Стянут галстук алый
Огненным узлом.

Так идет он, юный,
В зелени весны,
Гражданин Коммуны —
Пионер страны.

На Красной площади

РАССКАЗ

Н. ХОДЗА

Это было в мае, много лет назад. В Москве, на Красной площади, только что прошел парад. Парад кончился, но народ не расходился. Потому что все знали: сейчас выступит Ленин. И все хотели увидеть Ленина. Все хотели услышать его.

Вдруг на Красную площадь въехал грузовой автомобиль. В автомобиле стояли дети. Лица у ребят были обыкновенные — русские. А вот одежда на них была необыкновенная.

На одном мальчике красовался индусский тюрбан. На другом — турецкая феска с кисточкой. Голова третьего была украшена лихой буденовкой. У четвертого на голове — китайская шапочка с красным шариком на макушке. Здесь же стоял мальчик в блузе рабочего. В его руках был молот. Рядом стоял мальчик в лаптях. В его руках был серп. А в центре грузовика, на возвышении, все увидели девочку. На ней развевалась пунцовая мантия. Девочка держала в руках красное знамя. На знамени было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

— Что за дети? Откуда они? — спрашивали люди на площади.

— Из Индии,— говорили одни. И показывали на мальчика в тюрбане.

— Из Турции,— говорили другие. И показывали на мальчика в феске.

— Из Китая,— говорили третьи. И показывали на мальчика в шапочке с красным шариком.

Кто-то крикнул:

— Откуда вы, дети? Кто вы такие?

Мальчик в буденовке сказал:

— Мы отряд юных коммунистов!

— А почему вы так одеты?

Ответила девочка в пунцовой мантии:

— Я одета так, потому что изображаю Пролетарскую Революцию.

А мальчик с молотом в руке сказал:

— Под ее знамя собрались все угнетенные народы: китайцы, индусы, турки. А негра у нас никто не изображает. Потому что мы черной краски не достали...

— Хорошо придумали, молодцы! — похвалили взрослые.— Жаль, что Владимир Ильич не видит вас. Он сейчас будет речь говорить. Вон, с той трибуны...

— Ребята! — закричал мальчик в лаптях.— Здесь товарищ Ленин! Позовем его к нам!

Все на грузовике закричали:

— Позовем! Позовем!

И тогда два мальчика — мальчик в тюрбане и мальчик в китайской шапочке — спрыгнули с грузовика и исчезли в толпе.

— Не пробиться им,— говорили вокруг.— Вон там сколько народу у трибуны!..

И верно, путь ребят оказался нелегок. Пока они пробирались к трибуне, Ленин уже начал говорить. Народ вокруг трибуны стоял плотной стеной, пробиться сквозь эту стену не было никакой возможности.

От огорчения ребята готовы были заплакать. Они не знали, что им делать. Неужели возвращаться назад?

Но вдруг все закричали «ура», и ребята догадались, что Ленин кончил выступать.

Они подумали: вот сейчас люди разойдутся, и мы подымемся к Ленину на трибуну. Но почему-то все продолжали стоять на месте. Только теперь народ не молчал, а все разговаривали между собою. И ребята снова начали протискиваться к трибуне.

Люди смотрели на них, улыбались и говорили:

— Мальчик в тюрбане, конечно, приехал из Индии. А этот мальчик, конечно, приехал из Китая. Пропустите их. Они, верно, хотят посмотреть на товарища Ленина.

И все расступались и давали им дорогу.

Наконец ребята оказались у трибуны. Здесь их остановил военный в кожаной тужурке. Он посмотрел на тюрбан, на китайскую шапочку с шариком и развел руками:

— По-индийски говорить не умею. И по-китайски не разумею. А скажу только, что на эту трибуну вам нельзя. Понятно? Нельзя!

Ребята сказали:

— Мы тоже не умеем по-китайски. И по-индийски пока не умеем. Это мы только изображаем угнетенные народы.

— Что же вам здесь нужно, товарищи угнетенные? — спросил военный.

— Мы хотим пригласить товарища Ленина... Мы на грузовике... Недалеко... Здесь... На площади...

Военный даже руками замахал:

— Нет, нет, нет! Владимир Ильич выступал сегодня три раза! Он очень устал! Дайте ему отдохнуть!

Мальчики сказали:

— Тогда позвольте нам только посмотреть на товарища Ленина. Мы только посмотрим на него и уйдем.

Вдруг совсем близко ребята услышали голос:

— Это что за народ? На кого они хотят посмотреть?

Военный взял под козырек и доложил:

— Это угнетенные народы, товарищ Ленин. Хотят на вас посмотреть.

Мальчики закричали:

— Мы не угнетенные! Мы из отряда юных коммунистов!

Быстрыми шагами Ленин спустился с трибуны.

— Здравствуйте, товарищи юные коммунисты,— сказал он.— Я уже слышал о вашем отряде...

Мальчики заговорили разом, перебивая друг друга:

— Ребята поручили нам пригласить вас...

Нас много... Мы на грузовике... А в середине — Революция со знаменем...

— Очень интересно! — сказал Ленин.— С удовольствием встречусь с Революцией. Пошли! Показывайте мне дорогу.

И он взял ребят за руки. Так они и шли. В середине — Ленин, а по бокам мальчик в индийском тюрбане и мальчик в китайской шапочке.

Когда Ленин подошел к грузовику, все ребята закричали изо всех сил «ура», Ленин покачал головой и спросил:

— Неужели вы меня для этого пригласили? Чтобы я услышал, как вы кричите «ура»?

— Это мы от радости! — объяснили ребята.— Оттого, что вы к нам пришли... Больше мы не будем...

— Ну тогда давайте знакомиться,— сказал Ленин.— Ага! Вот и сама Революция со знаменем...

Ленину очень понравилась Даша. Так звали девочку, которая изображала Революцию. Она стояла на возвышении и над головой держала красное знамя. Майский ветер трепал полотнище, и Ленин никак не мог прочесть, что там написано. Тогда ребята схватили за концы красное полотнище, и ветер надул его, словно парус. Издали казалось, что по Красной площади плывет корабль под алым парусом. А на парусе написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Юные коммунисты думали, что Владимир Ильич только посмотрит на них и уйдет. Но Ленин не ушел. Он стал беседовать с ребятами.

Ленин сказал:

— Помещики и фабриканты хотят отнять у нас свободу. Они хотят, чтобы рабочие и крестьяне снова стали рабами. И чтобы вы тоже выросли рабами. Но этого не будет! Ваши отцы, ваши старшие братья, не щадя жизни, бьются день и ночь с наймитами капиталистов, с белогвардейцами! И мы победим! Обязательно победим!

И еще Ленин сказал, что юные коммунисты обязаны всегда и во всем помогать большевикам.

Когда Ленин кончил говорить, ребята снова крикнули «ура». Но они тут же спохватились и разом умолкли. Наступила тишина. Однако тишина длилась не более секунды. Потому что Даша, которая изображала Революцию, подняла еще выше свое красное знамя и запела:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!

Ребята подхватили:

Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов...

Дети пели Интернационал. Гимн коммунистов. И вместе с ребятами пел Ленин.

Юные коммунисты не верили своему счастью. С ними поет Ленин! Вождь мирового пролетариата!

Но вот прозвучали последние слова гимна. Дети поняли: сейчас товарищ Ленин уйдет. Как же им проводить его? Мальчик в китайской шапочке не выдержал и сказал:

— Товарищ Ленин, позвольте нам тихонько крикнуть «ура». Мы тихонечко, тихонечко...

Владимир Ильич улыбнулся.

— Ну, уж если вам так хочется...

И тогда счастливые ребята закричали «ура». Сначала они закричали тихо, а потом не выдержали и закричали громко.

Но Ленин не рассердился на них. Он даже почему-то рассмеялся. А потом махнул рукой и поспешно пошел к своей машине.

КАК ОНО НАЧИНАЛОСЬ ДА КАК ПРОДОЛЖАЛОСЬ

Николай
БОГДАНОВ

Что за ребята шагают по булыжной мостовой босиком? А это первый пионерский отряд. Самый первый. Возникший в Москве, на Красной Пресне.

Смотрю я на эту давнюю-давнюю фотографию, и вспоминается мне, старому вожатому, как вот так же и я шагал с отрядом. У меня даже рубашка была точно такая, как у этого паренька, а рядом любопытные мальчишки бежали, прохожие пальцами показывали.

Ребята в красных галстуках тогда были в диковинку.

Внимательней, внимательней посмотрите. Знамя-то какое высокое! Подарено Московским Комитетом партии. Гордо несут его босоногие мальчишки. Не очень-то попечатаешь шаг по булыжнику босиком. А что делать: бедновато мы тогда жили. Вот и топали босиком. И ничего, смотрели вперед бодро. Верили: завоюем хорошую жизнь!

С самого начала пионеры заботились обо всех ребятах. Помогали, как только могли, бороться с беспризорностью. Брали шефство над теми, кто осиротел после гражданской войны и голода в Поволжье.

Вот этого мальчишку сняли с вагонных буферов. Ведут с ним разговор о жизни. Смущен парень первым знакомством с пионерами. Еще не уверен — к добру оно или к худу...

А этот (на снимке внизу, справа) уже внимательно слушает советы вожатого, как ему жить дальше, как учиться, чтобы стать человеком.

Много было тогда таких ребят. Нашему отряду беспризорники даже подкинули малыша, и мы его воспитывали как сына отряда.

Потом наш воспитанник стал летчиком-испытателем. Во время Великой Отечественной войны сбил шестнадцать фашистских самолетов. Это любимец летчиков Северо-Западного фронта Костя Груздев. Он сражался и погиб, как герой, в бою — один против десяти. Вот какие орлы вырастали из беспризорников!

Старый вожатый никогда не забудет тебя, Костя.

А это что за демонстрация? Какие странные плакаты и лозунги!..

Эти ребята в день получки преградили своим и чужим отцам путь в пивную.

Пионеры пришли не просто не пустить: они приглашают рабочих в культпоход, посмотреть детскую самодеятельность, кинокартину в клубе, послушать интересную лекцию, купить книгу вместо водки.

Пионеры не проходили мимо скверных явлений жизни, старались изменить жизнь к лучшему.

Вот посмотрите, как старательно учит пионерка неграмотных дедушку и бабушку правилам письма. Страна поднялась в поход против неграмотности и бескультурья. И пионеры тоже давали им бой.

Вот так выезжали тогда ребята в пионерлагеря. На своих на двоих, как говорится. Мой отряд тащил самовар и прочее оборудование на себе. А эти ребята везут все на колесах. Правда, «себя в коня преобразив».

И одеты они бедно — посмотрите, обувь-то какая на ногах!

А лица веселые! Ведь главное — вырваться из душного города на свежий воздух, в свой пионерский лагерь.

Прошло немного времени, и вот уже на стальном коне мчатся пионеры. Восторг-то какой! Наверное, первый раз в жизни прогулка на автомобиле.

А эти ребята — самые счастливые! На праздновании второй годовщины Октября стоят они рядом с великим Вожатым на Красной площади.

По этой же площади пройдут в день сорокалетия колонны юных ленинцев. И каждый будет мысленно держать перед Лениным отчет.

Вспоминаются мне студеные ночи января 1924 года. С комсомольской ячейкой нашего вуза, в которой было всего девять человек, пробираемся мы от костра к костру — к дверям Колонного зала. Печально звучат над Москвой траурные гудки фабрик и заводов. Печальная музыка встречает нас.

У гроба Ильича, не в силах сдержать слезы, стоят его друзья и товарищи по борьбе, закаленные суровые большевики. Словно окаменели красноармейцы. И особенно запомнились мне лица ребят-пионеров, стоявших в почетном карауле.

Сколько тревожных писем прислали ребята, узнав о болезни «дедушки Ленина»! Сколько в них было советов, как лучше лечиться! Какая звучала в них готовность пожертвовать жизнью, чтобы спасти Ильича!

Сто тысяч рабочих после смерти Владимира Ильича влились в ряды коммунистов, усилили партию Ленина.

Пионеры на торжественном слете назвали свою организацию именем Ленина.

Множество комсомольцев пошло вожатыми отрядов, чтобы развить и укрепить ленинское движение детей. Тогда же, весной 1924 года, стал вожатым и я.

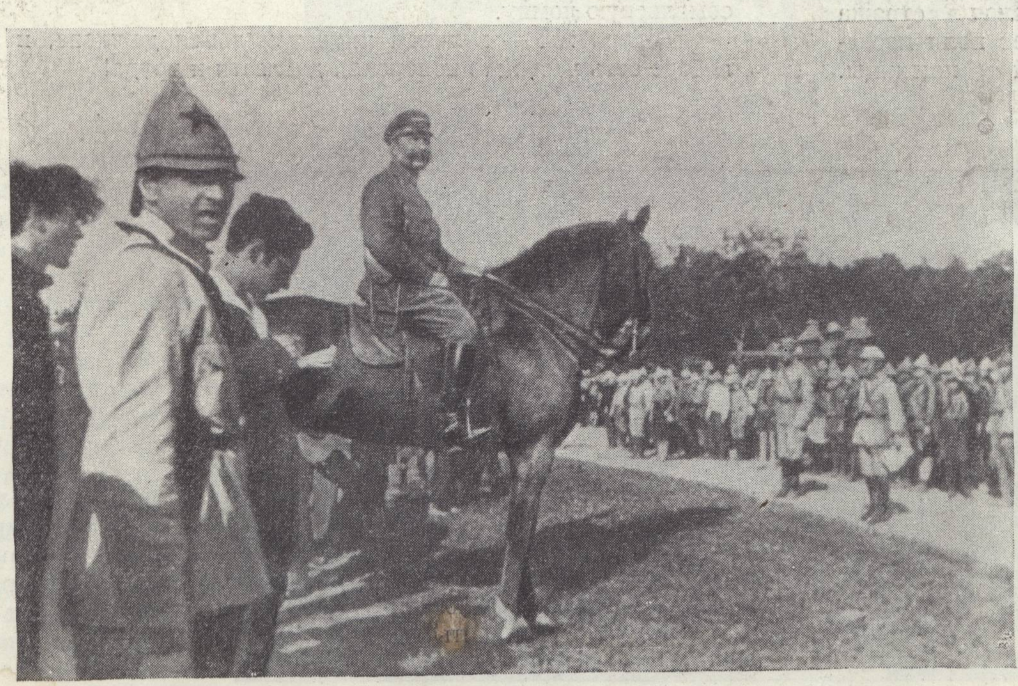
Пионеры не осиротели после смерти Ильича, нет, — партия не оставила их без отеческой заботы. Жена и друг Ленина, Надежда Константиновна Крупская, уделяла много внимания ребятам, вела громадную переписку с пионерами, в шутку даже называла себя «пионерской главнянькой».

Сестра Ленина, Мария Ильинична, соратники Ильича — Н. Подвойский, Ем. Ярославский, В. И. Бонч-Бруевич и многие другие — были большими друзьями пионеров.

А вот на коне любимец ребят, товарищ Буденный, перед строем пионеров, одетых в красноармейские шлемы. Герой гражданской войны проводит с московскими ребятами военную игру.

Помню такую игру на Воробьевых горах в 1925 году. Пионеры разделились на красных и синих. Две армии горячо сразились среди снежных сугробов.

И, конечно, красные победили!

Выполняя заветы Ленина, партия коммунистов повела великую борьбу за народное счастье.

Коллективизация деревни, индустриализация страны — вот главное направление ударов.

Больше хлеба, металла, угля!

Вот посмотрите — пионерская стража охраняет поля поспевающей пшеницы.

А это что за загадочный снимок? Русское слово «магнит»...

Паренек с пионерским галстуком. И рядом американский звездный флаг.

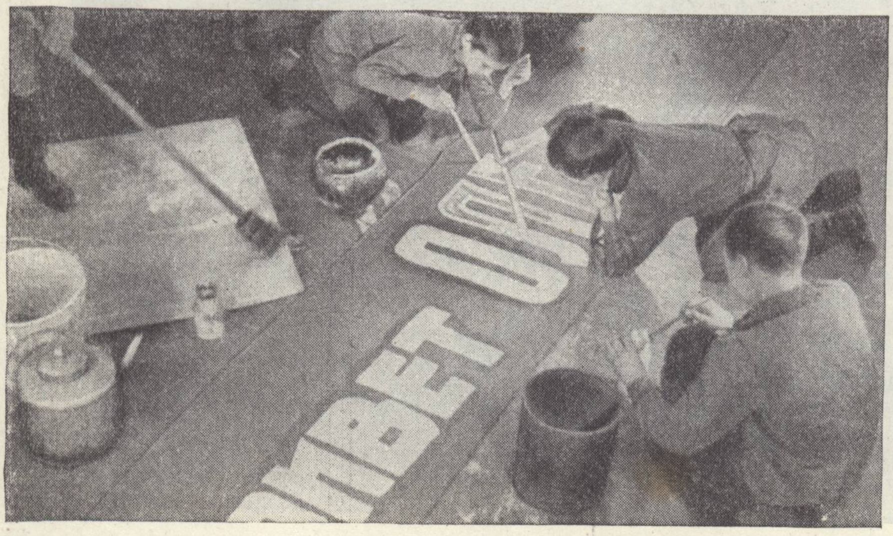
Могу помочь вам в отгадке — здесь представитель пионерского поста на железной дороге.

Пионерские патрули помогали быстрей продвигать грузы на стройку, разыскивали затерявшиеся в пути станки и стальные конструкции. Дóроги они нам были. Покупали мы их тогда за границей. За золото, за наш хлеб и масло.

Эта стальная конструкция идет из Америки — вот почему и вьется над ней звездный полосатый флаг.

Я работал в то время на стройке Магнитки. Помню, как помогали нам ребята всей страны возводить первую в стране комсомольскую домну.

Теперь мы — великая индустриальная держава, и в этой победе есть частица пионерской доблести и труда!

Вот еще одна загадочная картина из истории пионерии.

Что за странный плакат рисуют ребята? Почему на громадном красном по-

лотнище — «Привет Оле»? Какая Оля и почему ее нужно приветствовать?

Из каких времен пионерской истории этот снимок, какую весть доносит он до нас? Из времен жестокой и славной борьбы за коллективизацию деревни. Отчаянно сопротивлялись наши враги, кулаки и подкулачники. Борьба была нелегка. Многие пионеры погибли как славные разведчики будущего, как отважные юные бойцы.

Так погиб в борьбе с кулаками Павлик Морозов.

Оля совершила такой же подвиг. Разоблачила своего отца, спрятавшего кулацкий хлеб. Родные выгнали ее из дома. У смелой девочки, для которой Советская власть была дороже всего на свете, оказалась могучая родня — пионерия.

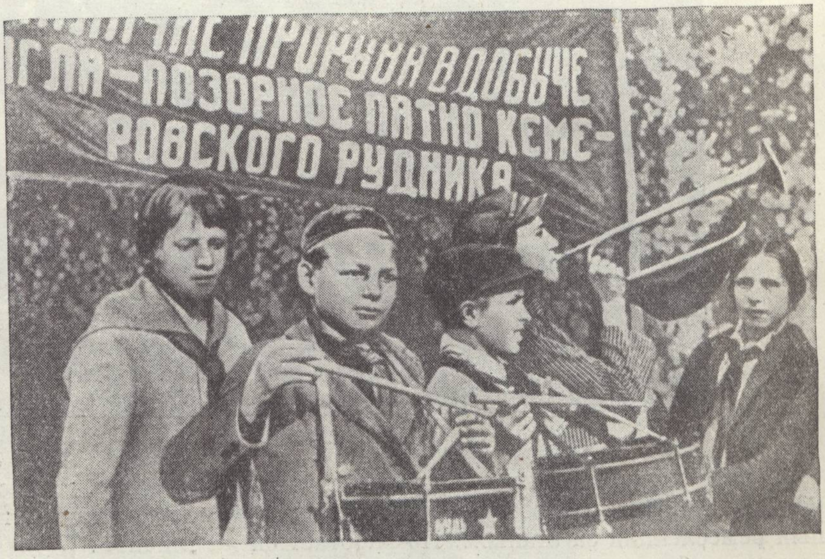
Ребята Казани взяли над Олей шефство, она стала дочерью отряда.

Посмотрите, как торжественно они готовятся к удочерению, как к празднику, поэтому и громадный плакат рисуют с таким необыкновенным лозунгом: «Привет Оле».

Интересно, где сейчас Оля Балыкина? Какова дальнейшая судьба пионерки?

Вот ее портрет. Хорошая девочка!

Тревога, тревога! Бьют барабаны, звучит пионерский горн. Это дети шахтеров Кузбасса подняли тревогу, потому что их родной кемеровский рудник, снабжающий углем Магнитку и Кузнецкий завод, недодал на-гора много вагонеток черного золота. А уголь — это «хлеб промышленности» — так назвал его Ленин.

Пионеры — ленинцы. Они не могут пройти мимо такой большой беды. По завету Ильича они не ждут, когда вырастут большими, чтобы участвовать в борьбе за коммунизм.

Такие потом пошли в ряды доблестных бойцов и отстояли свободу нашей Родины в боях против фашизма.

Хорошие ребята! Надежда отцов. Крепкая опора Страны Советов.

Началась Великая Отечественная война.

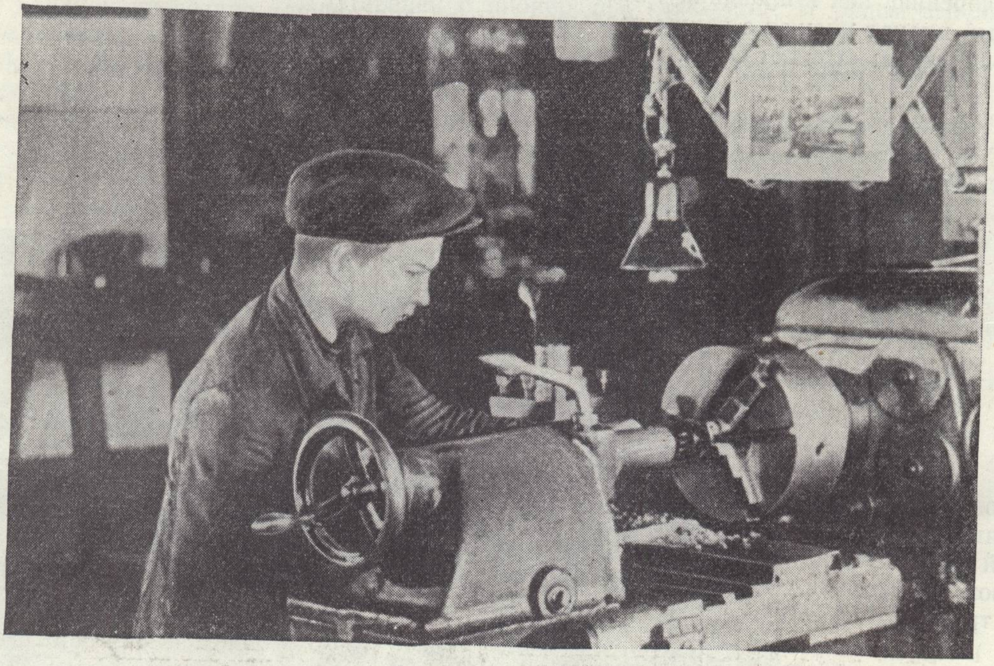
Вместе с отцами, бывшими пионерами и вожатыми, встали на защиту советской Родины и их дети — юные пионеры. Сколько славных имен мы знаем: Леня Голиков, Володя Дубинин, Валя Котик, Марат Казей!..

А скольких имен не знаем!

Вот один из героев, пионер-связист Леня Широков, со своим верным конем. Ничего я о нем не знаю, но стоит взглянуть на его лицо, по выражению глаз чувствуется, как много повидал этот мальчик, как много пережил под пулями и снарядами в суровых боях!

Где, в каком лесу, перед каким новым сражением стоит он со своим верным товарищем, боевым конем? Какое раздумье владеет им? Не знаю, а как хотелось бы знать!

А про этого мальчика могу рассказать больше. Это Витя Петров. На вид обыкновенный ремесленник за станком. Но работает он во время обстрела в осажденном Ленинграде.

За этим самым станком фашистским снарядом убило отца Вити. Сын встал на его место.

Грохот рвущихся снарядов потрясает завод, вздрагивают станки. Но Витя не дрогнет. Спокойно, мужественно его лицо. Все внимание отдано работе. И он сдает продукцию «на отлично».

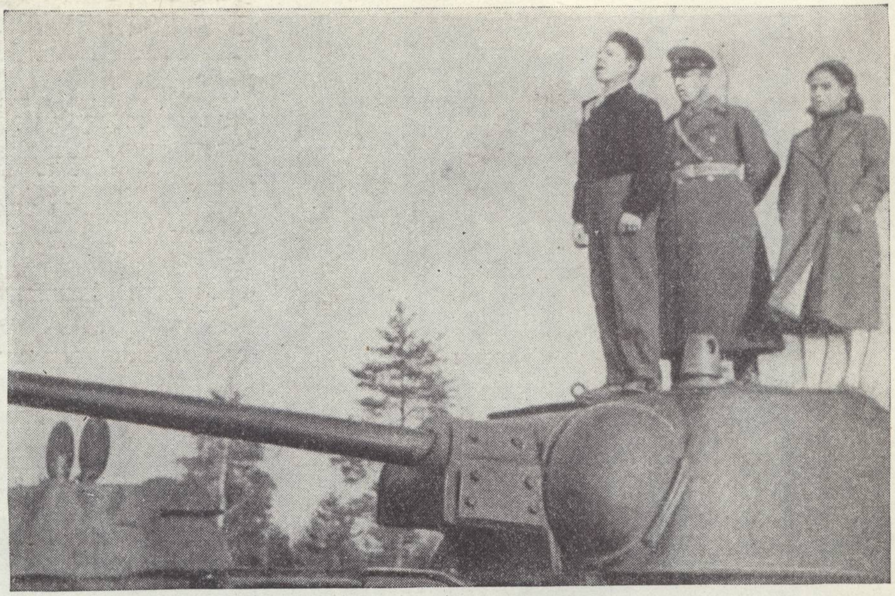
Инженер Виктор Петров работает сейчас на одном из заводов города Челябинска. Если хотите узнать о нем больше, напишите письмо челябинским ребятам. Есть и там красные следопыты пионерской истории. Кому же, как не им, заняться таким интересным поиском?

Немало потрудились ребята в красных галстуках и в тылу. Сколько металла, по куску старой трубы, по железке, было собрано пионерами!

И как почетно было явиться с таким вот пионерским подарком на фронт!

Принимайте, танкисты, новую грозную машину, выкованную из металла, собранного руками ваших сыновей и младших братьев!

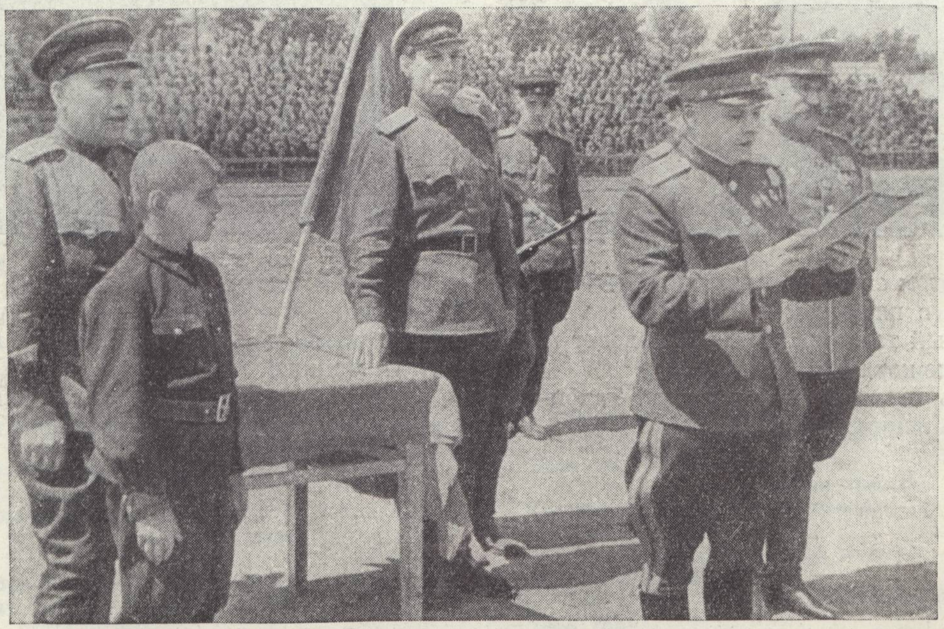
Бейте фашистов!

Неизвестно, на опушке какого леса сделан этот снимок. Но судя по петлицам на шинели танкиста, — в самом начале войны, в самый трудный военный год.

Возможно, и пионер этот сменил потом свою черную куртку на военную шинель и успел еще принять участие в штурме Берлина. Так мне кажется. А может быть, так и было.

И в металле славных космических кораблей Юрия Гагарина и Германа Титова, я думаю, тоже были частицы пионерского металла.

Отлично действовали пионеры в тылу у врага. Взгляните на эту фотографию. При громадном стечении народа у спасенного им полкового знамени стоит пионер Костя Кравчук и принимает награду за подвиг.

Сверкает золотом орден Красного Знамени, учрежденный еще Лениным в годы гражданской войны.

Слава тебе, юный ленинец, награжденный таким боевым орденом!

А на этом снимке — два пионера.

Рядом с пионером Космоса — его красногалстучный товарищ, тот, кто поведет к звездам новые корабли!

Сквозь трудности — к звездам! Таков славный путь ленинской пионерии.

Слава вам всем, юные ленинцы!

С великим праздником вас — сорокалетием Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина!

Радуйтесь, торжествуйте и помните: история пионерии продолжается. И вы творите ее!

Баллада о тополях

Марк СЕРГЕЕВ

В тени их
скрыта школьная ограда.
Они следят
с улыбкой за тобой,
Горнист из пионерского отряда,
Так мастерски
владеющий трубой.
Прикрыв
обоих нас,
как шалашами,
Они стоят
под вешнею грозой...
Послушай:
я их помню малышами,
Обыкновенной
тоненькой
лозой.
Послушай:
в небе стыл рассвет белесый,
Проткнула землю
первая трава,—
За ручки
важно
приведя из леса,
Их посадили мы —
десятый «А».
И ночью, после бала выпускного,
Мы поклялись
сюда опять прийти.
...И вот
мы к тополям
вернулись снова,
Но впятером
из двадцати шести.
Горнист из пионерского отряда,
Послушай:
клятв никто не нарушал.
Ты родился,
должно быть,
в сорок пятом
И, значит,
сорок первого не знал.
А в том году
схлестнулись
с силой сила,
Стояла насмерть
русская земля.
За тыщи верст
разбросаны могилы
Тех,
что сажали эти тополя.

Но,
будто бы друзья мои солдаты,
Стоят деревья
в сомкнутом строю.
И в каждом я,
как в юности когда-то,
Своих друзей
приметы узнаю.
И, кажется,
скажи сейчас хоть слово
Перед шеренгой тополей живой —
И вдруг
шагнет вперед правофланговый
И в трауре поникнет головой.
Как требуют
параграфы устава,
Начни
по списку
называть солдат:
— Клим Щербаков!
И тополь —
пятый справа —
Ответит:
— Пал в боях за Ленинград.
— Степан Черных!
И выйдет тополь третий.
— Вадим Смирнов!
Шагнет двадцать второй.
Нас было
двадцать шесть
на белом свете —
Нас пятеро
с войны вернулось в строй.
Но,
если нам опять прикажет:
— Надо
Идти на смерть,—
родимая земля,
Горнист из пионерского отряда,
Взгляни:
шумят под ветром тополя.
И если в час беды
о нас ты вспомнишь,
Твой горн
тревожно протрубит
подъем,
То мы придем,
горнист,
к тебе на помощь,
Живые или мертвые —
придем!

РЕКА МОЯ АНГАРА

А. МОШКОВСКИЙ

Рисунки О. Коровина.

ПОВЕСТЬ

(Продолжение)

14

Зря я думал, что никогда больше не придется мне спать на голых досках. На третью ночь я опять укладывался на жесткой и гладкой поверхности. Правда, теперь это была не спальная полка третьего класса, а обыкновенный канцелярский стол, обитый дерматином и залитый чернилами, стол самого начальника жилищно-коммунального отдела строительства.

На столе было жестко, только не трясло, и спал я сносно, даже лучше, чем иногда дома на кровати с гибкой сеткой.

На полу стоял чемодан, а в соседней комнатушке, тоже на столах, разместились Борис с Марфой.

Дорогие ребята,

в Сибири, на Ангаре, на Байкале, на Братской ГЭС, я встречал много замечательных людей, мужественных и сильных, тех, кто создает новую Сибирь. Встречал я и ваших сверстников, мальчишек и девчонок. И, когда я вернулся домой, мне очень захотелось как можно правдивее рассказать вам о них. Вот я и написал эту книгу.

Я посвящаю ее вам, ребята, в день вашего славного пионерского праздника.

Анатолий МОШКОВСКИЙ

Заснул я не сразу. Ворочаясь и вздыхая, вспомнил всю суету и суматоху прошедшего дня, шумную пристань, неразбериху и толчею на берегу, напрасные ожидания рейсового автобуса.

Гошка, проводив нас до остановки, бросил в самосвал свой фанерный чемоданчик, на ходу вскочил в грязный от бетона кузов, помахал нам и был таков. А мы остались изнывать на солнце, глотая удушливую пыль проходящих машин.

Городок был маленький, деревянный — ни одного каменного дома. Пахло полынью. На обочине дороги трещали кузнечики, где-то горланил петух. Можете сделать со мной, что хотите, если я вру, но этот городок по сравнению с тем, из которого мы приехали, казался деревней, и только большие сопки у горизонта, налитые синевой хвойных лесов, да широченный плес Ангары напоминали, что здесь Сибирь...

До поселка гидростроителей нас доставила попутная машина. Мы мчались сквозь тайгу. Дорога петляла, падала в низинки, взлетала вверх. Сосны и лиственницы, густо стоявшие вокруг, неохотно уступали машине дорогу, сдвигали стволы, встречали нас то недобрым молчанием, то затаенным шумом и все время норовили хлестнуть веткой по лицу.

Но это им не удавалось: стволы разбегались по сторонам, давая место дороге. Правда, на одном слишком крутом повороте шофер не снизил скорость и машину так занесло, что Марфа едва не вылетела из кузова, но мы с Борисом вовремя ухватили ее за руки.

В поселке Борис сунул шоферу полсотни. Шофер, еще очень молодой, молчаливый, со скучным лицом, тотчас бросился к нашим чемоданам.

Когда машина скрылась в облаке пыли, Марфа вытерла платком виски и шею и устало сказала:

— Мало дал. Дал бы уж сотню.

Борис куснул губу.

— Ничего, он хороший парень.

— Может быть. Только права у него давно отобрать надо.

Я понял: продолжение ресторанной истории. Но эта стычка показалась мне мизерной по сравнению с тем, что случилось через час.

А через час, как утверждали старожилы, нам дьявольски повезло.

Угрюмый и небритый начальник ЖКО после долгого ожидания впустил нас в свой кабинет, оглядел с ног до головы, пропыленных, усталых, худющих, подпер по-старушечьи голову кулаком, тихонько вздохнул и закрыл на мгновение глаза.

Потом негромко, почти шепотом сказал, что, так уж и быть, даст нам комнату в щитовом доме. Комната, правда, не ахти какая — семь квадратных метров, вчера освободилась. Так вот, пусть мы не трезвоним вокруг, а потихоньку вселимся...

И жить бы нам в прочном деревянном доме, если бы не женщина с грудным ребенком на руках.

Она без стука вошла в кабинет, вся в слезах, издерганная, растрепанная, носатая, с худым, плоским лицом, и, даже не поздоровавшись, сразу закричала: когда начальник перестанет обманывать честных людей и переселит ее из палатки в дом; который уж месяц обещает, ведь ребеночек-то у нее больной, бронхит...

— Как только представится возможность,— сказал начальник.

— Я сытая вашими обещаниями! — закричала женщина.— Сами из коттеджа в коттедж переезжаете, а мы рабочая скотинка...— Она быстро положила на бумаги сверток с орущим ребенком и протянула к самому носу начальника ладони в буграх желтых мозолей.

— Не заслужила? Одну комнату на пять метров! У тебя такие мозоли есть? Покажи? Может, есть, да на другом месте...

— Не выражаться! — рявкнул начальник.

Я застыл, не дыша, а у Бориса округлились глаза.

— А вы ей нашу,— вдруг пробормотал он.— Мы как-нибудь так... Ничего...

Начальник резко поднял голову:

— Отказываетесь?

Марфа заерзала на стуле, закусала губы.

— Да нет, не о том он, вы не поняли его...

— Замолчи! — крикнул Борис.— Мы поживем и в палатке. Ничего с нами не сделается. Это ведь и в самом деле возмутительно: бронхит у ребенка...

Начальник внимательно посмотрел на Бориса, стряхнул с папиросы пепел и звучно отчеканил, обращаясь к женщине:

— Хорошо. Завтра я вас переселю. А вы, молодой человек, займете ее место. Все. Можете идти.

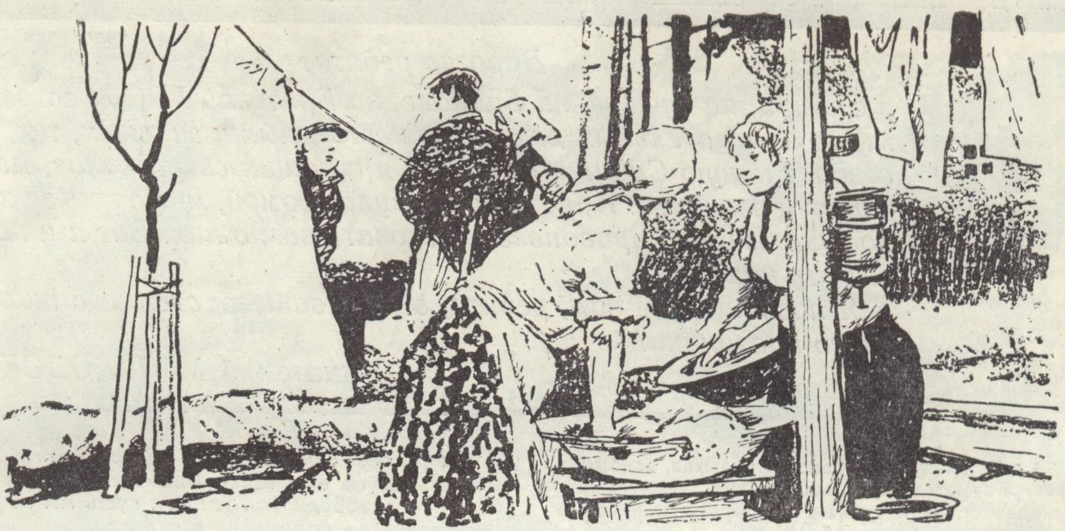
В коридоре Марфа заморгала ресницами.

— Видал, как тут? А ты... Когда тебя наконец научит жизнь?

Борис ничего не ответил ей, только буркнул что-то под нос.

Место в палатке еще не освободилось, и пришлось ночевать в конторе, вот почему я лежал на столе, разглядывая размалеванный под дуб металлический сейф в углу, стволы лиственниц в окне, засыпал и просыпался и думал о своем будущем.

Разбудила нас уборщица, а через час комендант палаточного городка повел нас в свои владения.

Палатки начинались сразу за шоссейкой. Их было много. Может, целая сотня. Стояли они не как попало, а в правильном порядке, кварталами, как дома во всяком уважающем себя городе. И палатки были не временные, не те, которые носят в рюкзаках туристы. Это были большие стационарные сооружения из толстого брезента, с оконцами, деревянными дверями и тамбурами, с оттяжками, туго натягивающими брезент. От солнца и дождей они приняли грязновато-белесый цвет, и я не мог догадаться, какими они были новые.

Мы шли за комендантом возле умывальников, сложенных из камня очагов, белья на веревках. Шли по узкой дощечке среди месива бурой глины и луж.

У одной палатки зеленел крошечный огородик: картошка и два рыжих подсолнуха; у другой пламенел маленький цветничок.

— Девичье царство, видно,— предположил Борис.

— Точно,— буркнул комендант,— цветики, танцульки да слезы — что им еще надобно в жизни?

— Решительно ничего,— охотно согласился Борис, а сам обернулся и состроил нам такую рожу, что у меня закололо в животе и я едва не угодил в лужу.

Но Марфа и бровью не повела.

— Тута.— Комендант остановился у крайней палатки.

Она ничем не отличалась от других. Только находилась ближе к Ангаре.

Две женщины, стиравшие в тазах белье, выпрямились, убрали с мокрых лбов упавшие космы волос и с нескрываемым любопытством принялись разглядывать прибывших, то есть нас.

— Здорово,— грубовато пробасил комендант.— Новых вот привел...

Он дернул дверь. Борис, Марфа и я вошли в темный тамбур, и в нос мне сразу ударила вонь пеленок, запах подгоревшей картошки, а слух резанул визг: к двери через блоки был привязан на проволоке кирпич, плотно закрывавший дверь.

Внутри палатка была разгорожена дощатыми стенками — закуток на семью; ноги упирались в щелястый горбатый пол.

В комнатках — если так можно назвать закутки — слышался говор, всплески смеха.

Комендант открыл одну из дверей и тут же быстро захлопнул.

— Фу ты, сила нечистая, переодеться не дадут!..— раздалось изнутри.— Стучаться надо...

— Ну не кудахтай, не кудахтай,— как можно вежливей сказал комендант.— Ты что незаконно захватила Манькину часть?

— А чего там... Хватит с меня... Пусть и другие душ принимают... Что я, глупая?

Комендант — уже более осторожно — отворил другую дверь, впустил нас, бодро пробасил:

— Располагайтесь. Постельное белье принесет уборщица.

И тотчас скрылся.

Марфа стояла посреди комнаты совершенно неподвижно, и только глаза ее бегали по сторонам. Оконце в маленькой раме запылилось, на полу у стенок — две алюминиевые раскладушки. Потолок из брезента местами прохудился, пропускал солнечный свет, а кое-где был залатан. Пол грязный, давно немытый, в каких-то красных пятнах.

— Так,— сказал Борис, повел ноздрями и еще раз произнес: — Так. Вот мы и в нашей резиденции.

Марфа ничего не сказала. Даже не улыбнулась. Лицо ее оставалось замкнутым и очень строгим.

Вдруг я заметил, как на глазах ее вспыхнула слеза. Она оторвалась и медленно поползла по щеке, оставляя узкий блестящий след, а потом покатилась быстро и исчезла.

— Марфа! — Голос у Бориса дрогнул, он подошел к ней, полуобнял одной рукой за плечи.— Ну зачем ты?.. Ну живут же здесь люди, и мы будем жить. Пойми. Это даже хорошо, что мы начинаем с палатки. Потом будет что вспомнить. Ведь не навсегда же это... Ну? Улыбнись. Да ведь здесь же просто прелесть: естественная вентиляция, ветерок, Ангара под боком...

Прелесть... Я хоть и рвался в Сибирь не меньше Бориса, но не был в восторге от нового жилья и не находил никакой прелести в этих щелястых полах и дырках в брезенте. Но я был мужчиной, а мужчина, как известно, знает, когда нужно говорить, а когда — помолчать. Особенно, когда помолчать.

И я молчал. Мужественно. Убежденно. Честно.

— Отойди.— Марфа отстранилась от брата.— Грязища вокруг какая... Где ведро взять?

— Идите ко мне,— вдруг послышалось из-за стенки.

«Удобно,— подумал я,— как по беспроволочному телеграфу, все слышно, и бегать друг к другу не надо».

Марфа вышла.

— Это вы мне предложили? — постучалась она в соседнюю дверь.

— Заходи, заходи.

Скрипнула дверь, и до моего слуха долетели охи да ахи. Представьте себе, нашей соседкой оказалась та самая худощавая женщина, с которой мы ехали на пароходе и у которой Марфа спрашивала о ценах на говядину, лук и огурцы.

Как старые знакомые, давно не видавшие друг друга, они принялись говорить сразу обо всем. Ну и смешные люди эти женщины. И так как была явная угроза, что они проговорят еще с добрый час, мы с Борисом вышли из палатки и стали слушать, как шумят пороги.

Они хорошо были видны отсюда — белые гривы и черные камни. При каждом порыве ветра шум усиливался, надвигался, повисал в воздухе, и меня вдруг охватило странное чувство: на мгновение мне показалось, что все это во сне: ряды больших палаток, дымки над каменными плитами, развешанное на веревках белье и в двухстах метрах Ангара в яростной пене и реве знаменитых порогов! Неужто это я стою здесь, в самом центре неоглядной Сибири...

У порогов я побывал в этот же день, и произошло это ровно через час после того, как Марфа, звеня ведрами, вышла из палатки и эти ведра подхватил Борис. И, наверное, я не решился бы сам сбегать на берег, если б не Коська...

15

О том, что Коськой зовут толстенького и нескладного мальчонку с пухлым, простоватым лицом, я узнал ровно через три минуты после того, как брат выхватил у Марфы ведра. Мальчонка сидел на табуретке возле каменной плиты и не шевелился: видимо, думал о чем-то.

— Где тут у вас воду берут? — спросил Борис у женщин.

— Коська, покажи,— приказала белокурая рыхлая женщина мальчонке.

— Там,— мальчонка неопределенно махнул рукой,— у пятнадцатой.

Мы с Борисом переглянулись.

— Это палатка с таким номером,— пояснила рыхлая женщина, не переставая тереть белье в мыльной пене в тазу.— Проводи их, сынку.

Коська неловко заэозился на табуретке, вздохнул, подобрал щепку и стал чертить на земле чертеж. Я смотрел на его широкий затылок, круглую стриженую голову, тугие, выпирающие, даже сзади видные щеки и удивлялся: до чего же странный мальчонка! Зад лень оторвать от табуретки...

То, что случилось дальше, очень смутило меня.

Мокрый ком белья звучно шмякнул Коську по голове, и по шее у него потекла мыльная вода. Коська буркнул что-то под нос, спокойно отлепил белье и бросил в таз.

— Увалень!

Вторая женщина, стиравшая белье, молодая, чернявая, с синими каплями пластмассовых серег в ушах, захохотала:

— Ох, Катя, Катя, прибьешь малого!

— Туда ему и дорога. И жалость пропала. Глаза бы не глядели. У-у-у!..

Коська между тем отошел на безопасную дистанцию от женщин.

— Ну, пошли,— сердито сказал он, стирая ногой чертеж на земле.— Найти не могут, маленькие...

Деревянная будка оказалась вблизи палатки с огромной цифрой пятнадцать на брезентовой стенке (на каждой палатке, как выяснилось, был порядковый номер). Мне захотелось самому налить воду, я всей тяжестью тела налегал на рычаг, и в подставленные братом ведра мчалась по трубе веселая шипучая вода.

Коська же стоял в сторонке и молча наблюдал за нами.

Потом, расплескивая на деревянные мостки воду, Борис понес ведра к палатке. Я бежал сбоку. Сзади брел Коська с вялым, скучным лицом.

Марфа уже успела переодеться. Она разыскала где-то половую тряпку и понесла в палатку одно ведро. Борис принялся беседовать со старожилами об их палаточном житье-бытье, а Коська присел на тот же табурет и застыл в прежней позе. «О чем бы с ним заговорить?» Но придумать я ничего не мог. Белые, как у поросенка, ресницы Коськи иногда моргали. Он не то дремал, не то углубленно думал о чем-то.

— Ох и жарища! — сказал он наконец. По его лицу, как от тяжелой работы, бежал пот.— Скупаться, что ли?

— И я с тобой,— тут же сказал я.

— Иди, мне-то что.

Прежде чем попасть к Ангаре, нужно было пересечь заболоченное поле и пройти возле бараков Ангарской геологической экспедиции с уютно белевшими занавесками на оконцах, с цветущими подсолнухами в палисадниках. У стенки лаборатории я увидел груду длинных деревянных ящичков с наклейками, рядом с ними были разбросаны серые каменные столбики.

Я покатал один ногой.

— Это что, Кось?

— Керны.

— А что такое керны?

— Они из диабаза.

— А диабаз?

— Порода такая. Камень.

Прошло немало времени, прежде чем я узнал, что керны — это столбики породы, которые буровые машины взяли со дна Ангары как раз из того места, где через несколько лет подымется плотина гидроузла.

Мы стояли на громадной плите, оглушенные тяжелым гулом воды.

Тот берег темнел, отвесный и скалистый, как стена. Заметив, что я гляжу на него, Коська сказал:

— А знаешь, там похоронен один капитан. Хотел на корабле пройти пороги и погиб. Могила его там.

— Видал ее?

— Откуда!.. Туда не заберешься. От ребят слыхал...— И вдруг Коська перешел на шепот: — А еще знаешь что?

— Что? — Я придвинулся к нему.

— Год назад один плотник — он был выпивши — решил покататься на лодке, ну, его незаметно и снесло на пороги. Целый час греб против течения. А когда выбился из сил, лодку швырнуло об камни...

У меня даже рот приоткрылся.

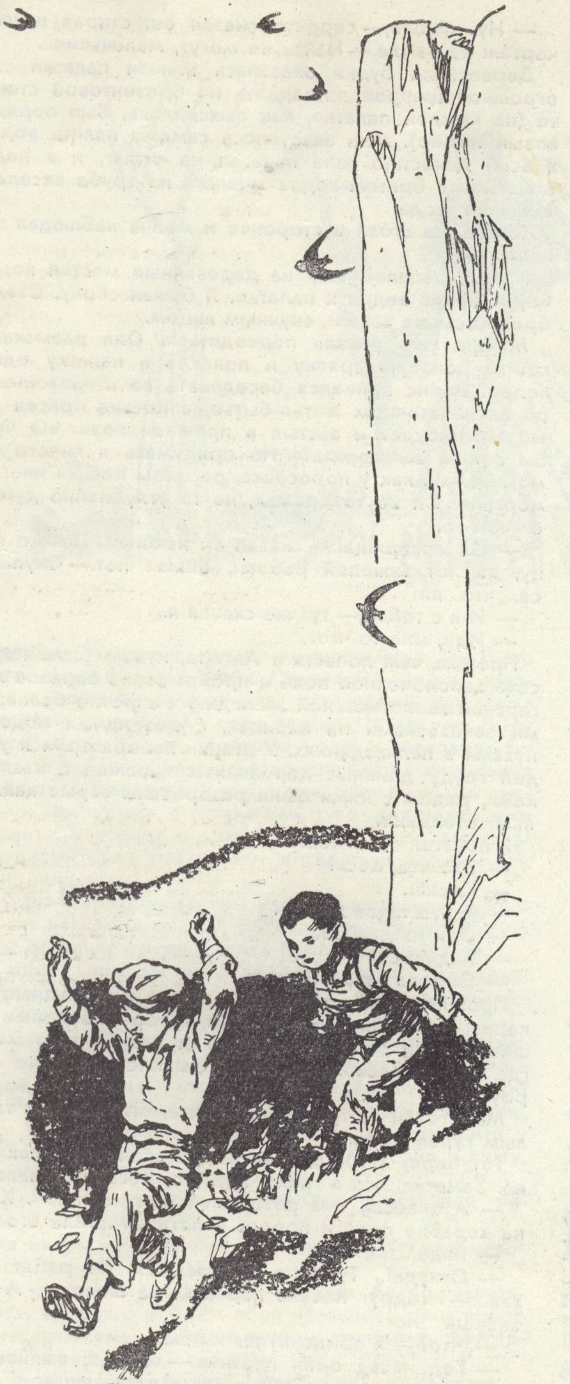
— Ну и что?

— Вдребезги!

Коська знал с десяток страшных историй и рассказывал он их полушепотом, закрывая глаза и выпячивая губы.

Было сыро, пахло болотом и лопухами.

Ветер упал. Я все время машинально отмахивался от мошки и комаров, но как только ветер совсем

утих и мы подошли к воде, туча гнуса навалилась на меня. Мошка заползала под рукава рубахи, лезла за шиворот, проникала в самые узкие и тесные щелочки: комары кусали шею, нос, лоб, руки.

Я махал руками, точно боролся с каким-то невидимым чудовищем, оглушительно хлопал себя по затылку, давал пощечины, приканчивая на себе насекомых. Кожа на руках стала мелко зудеть и чесаться. Казалось, сотни, тысячи насекомых расползлись по всему телу, чешут и царапают его.

Но все-таки самое противное было, когда комары забирались в рот. Я с отвращением и руганью выплевывал их, кривился, морщился и боялся открыть рот. Мошка липла к щекам, забиралась под веки, в ноздри, в уши. Я чихал, втягивая голову в плечи, приподнимал воротник курточки.

Потом махнул Коське: бежим! Раскрыть рта я не рискнул.

Коська расплылся в улыбке, и я подумал: «Толстокожий, такое сало не прокусишь, а мне-то каково!».

Коська шел, особенно не торопясь, а я... Я бежал вниз по берегу, перепрыгивая с плиты на плиту, в одном месте сорвался, в кровь расквасил коленку, обстрекался крапивой, всхлипнул, вытер рукавом слезы и, прихрамывая, побежал дальше.

Скоро плиты кончились, под ногами захрустела галька. Место было ветреное, и гнуса стало гораздо меньше. Здесь Ангара сужалась, на берегу высилась крутая, убегающая в небо скала в рубцах и длинных вертикальных трещинах, выемках и выступах, точно вдоль Левого берега дико и мрачно вставали плотно сдвинутые столбы гигантских обугленных деревьев.

Я отдышался, хорошенько отер с лица и шеи раздавленных комаров, отряхнул рубаху.

— Ничего себе!..

— Приехал бы ты в том году! — бросил Коська.— Солнца не видно было за мошкой, а этот год неурожайный.

И сказал он это даже будто с некоторым огорчением.

А я шел дальше и думал: «Как тут жить? Как привыкнуть к тому, что, куда ни ступи, тебя постоянно жрет гнус? Если здесь так, то как же в тайге?! Зимой, наверное, лучше. Скорей бы уж похолодало!..»

Мы шли к причалу, а над головами с визгом носились тысячи стрижей. Их визг, разноголосый и резкий, оглушал, дробился о скалы, нарастал и откатывался, стремительный, ликующий, но и он не мог развеять мрачные мысли...

И даже когда я увидел над скалой, среди груд камней, на шесте фанерку и прочитал: «В этом месте будет построена величайшая в мире Ангарская ГЭС»,— ничто не шевельнулось в душе, потому что она, эта самая душа, все еще ныла и чесалась от мерзкой мошки...

16

У причала, куда мы скоро спустились, люди ждали переправы на Правый берег, и с той стороны катер уже медленно тащил против течения баржу. Вот он подволок ее к причалу, и стоявший к нам спиной босой мальчишка в подкатанных штанах из чертовой кожи и полосатой тельняшке бросил на причал конец. Парень в мичманке накинул петлю на деревянный столб.

У меня екнуло сердце, кровь прилила к лицу.

— Гоша! — закричал я.— Гошка!

Мальчишка обернулся и совсем не удивился, увидев меня.

— А-а-а, это ты,— сказал он.— Ну, привет. А я тут с батей. Помнишь, говорил? Так сказать, помощник шкипера. Залазь, хочешь? А это что с тобой за поросенок?

— Это не поросенок, это Коська. Сосед по палатке,— пояснил я.

— Значит, в палатке прописались? Нормально. Хочешь прокатиться?

Ах, Гошка, Гошка, разве можно спрашивать о таких вещах!

Я прыгнул на баржу, забыв и Коську и все на свете. Вспомнил я о приятеле лишь тогда, когда полностью нагруженная баржа отошла от причала и катер потащил ее к Правому берегу. Коська сидел у воды на камне и смотрел на нас. Ну и дурацкий вид у него был! Мне почему-то хотелось показать ему язык.

— Чего связался с ним? — спросил Гошка.— Мешок свинины на ножках, того и гляди хрюкнет. И трус — сразу видно по морде.

— Зато у него отец бурильщик.

— А он будет пивом торговать.

— Ну, чего ты взъелся на него?

Баржа неслась по широкому коридору между таких отвесных скал — прямо дух захватывало! Местами скалы разрезались распадками, заросшими кустарником и деревцами, на вершине маячили одинокие сосны, а подальше, насколько хватал глаз, тянулась тайга, густая и дикая...

Гошкин отец, пожилой, крепкий человек, с седой щетиной на щеках, стоял на корме, широко расставив ноги, у огромного штурвального колеса. Он перекладывал его с правого борта на левый и зорко наблюдал за катером, тащившим баржу, за туго натянутым буксирным тросом. Ветер ерошил его волосы, зачесывал назад и бросал на висок, сыпал в лицо острые брызги.

Где-то совсем близко грохнул взрыв.

Я заерзал, закрутил головой.

— На карьере,— успокоил меня Гошка.— Гдей-то ты нервы испортил?

— Нигде,— сказал я,— у меня нормальные нервы.

— Вижу.

Вообще-то Гошка был прав: никто, кроме меня, и внимания не обратил на взрыв. Парень с мотоциклом, заломив кепку, покуривал и смотрел на тучки. Женщины в деревенских платочках с кошелками в руках ругали снабженцев: приехали из правобережного поселка за маслом, а масло в магазине кончилось.

Где-то в тайге, за скалами, грохнул новый, более сильный взрыв,— у меня прямо-таки сердце сжалось, точно рядом была передовая,— но и этот взрыв не в силах был прервать беседу женщин или вывести из задумчивости парня с мотоциклом, или разбудить прикорнувшего у кормовой каюты рабочего в резиновых сапогах и брезентовой куртке, измазанной землей.

Маленький серый катерок бодро тарахтел мотором, напрягался, натягивая буксирный трос, но усилия его были излишни — Ангара и без помощи мотора несла бы вниз по течению баржу, и от катерка только требовалось направлять ее и отшвартовать к причалу Правого берега, который находился километром ниже левобережного.

Вот Гошка ловко бросил концы, матрос причала набросил их на деревянные тумбы. Женщины сошли на берег и пошли по откосу вверх, продолжая громко возмущаться снабженцами. Мотоциклист с оглушительным, стреляющим треском взлетел на своем двухколесном «ижевце» на откос и, застлав все пылью, исчез. Позевывая, ушел рабочий в брезентовой куртке; лицо его было недовольно: река и катерок слишком быстро доставили его сюда, и он не успел как следует выспаться.

Все ушли. Трудней было съехать на причал полуторке. Она никак не могла преодолеть небольшой барьер — борт баржи, возвышавшийся над причалом. Шофер газовал, скаты крутились как бешеные, буксуя и лохматя дощатый настил.

— Стой, дьявол... Сейчас! — заорал Гошка и помчался на берег, где плотники ставили круглый павильон — ожидалку для пассажиров. Вернулся он с тремя толстыми досками под мышкой.

— Осади! — приказал он шоферу, здоровенному детине с бурыми усиками, и быстро подложил под скаты доски.— Жми!

Машина взревела, въехала на доски, передние концы их приподнялись и уставились в небо. Полуторка умчалась в гору и скрылась за поворотом. Гошка поднял доски с черными квадратиками оттисков резины и понес плотникам.

Пока баржа выжидала у правобережного причала положенное на стоянку время, я бродил по берегу, сидел на горячих камнях, наблюдал, как тягачом вытаскивают из реки катер. Выехав кормой вперед, мокрый и зеленоватый от слизи, катер оперся на специальные стойки. С маленького блестящего гребного винта капало. Из разговоров моториста с механиком я понял: винт бьет, нужно отбалансировать...

— Вовка! — прозвенел голос.

Гошка, пестрый в своей тельняшке, стоял на каюте баржи и махал мне руками.

Катер поволок перегруженную баржу назад. Вот теперь-то ему пришлось потрудиться! Все лошадиные силы его, надрывно воя и тарахтя, преодолевая дикое сопротивление и напор Ангары, на последнем дыхании тащили баржу. У бортов хлюпало, вода стонала у носа, обдавая черные скулы баржи пеной и брызгами.

Но пассажиры и сейчас не обращали внимания на эти героические усилия катера. Девчонки-штукатуры в заляпанных раствором лыжных штанах грызли семечки, плевались шелухой и пересмеивались о чем-то своем. Мужчина в темных очках и накомарнике — белой шляпе с поднятой частой сеткой,— увешанный фотоаппаратами разных систем, возился с одним: открывал, крутил какой-то винт, щелкал затвором.

С жадным любопытством рассматривал я пассажиров. Гошкин отец стоял на руле, и по вздувшимся жилам на его шее чувствовалось напряжение работы. Кассирша, худенькая девушка в выгоревшем штапельном платьице, обходила пассажиров, отрывала с катушки билеты и прятала в сумку деньги.

— А ты чего не берешь? — Она остановилась против меня, бряцая сумкой с деньгами.

Я смутился. У меня не было ни копейки.

— Я катаюсь,— промямлил я, презирая себя за робость,— с Гошкой...

— А-а-а! — протянула кассирша и оставила меня в покое.

В ущелье сдвинутых берегов свистел ветер, зеленая вода ревела и неслась вниз. Впереди, километрах в полутора отсюда, клокотали белые гривы порогов, и катерок, упрямо раздвигая воду, пробивался против течения. Вдруг посередине баржи появился Гошка.

— Эй, вы,— грубо закричал он на девушек-штукатуров.— Семечки за борт: уборщицы по штату не полагается!

— Ты откуда взялся здесь, полосатый? — щуря щелочки глаз, спросила одна, в белокурых кудряшках.— На, полузгай, составь компанию, вкусно.— Она протянула Гошке горсть черных каленых пузанчиков.— Полузгай, начальник переправы.

Гошка непримиримо свел брови. Удар под ладонь, и семечки брызнули вверх.

— Ой, какой жених несговорчивый! — ахнула другая.

— С норовом,— поддакнула третья,— с таким муженьком наплачешься! — прыснула, и все три захохотали.

Гошка налился кровью, как индюшачий гребень. Ноги его стояли широко, как у отца.

— Дуры! — бросил он мрачно.— Через борт бы вас и в Ангару.

Не теряя достоинства, медленно и важно пошел он от них. Девушки вытирали от хохота слезы, смотрелись в зеркальца, прихорашивались. Семечек они больше не лузгали.

На стоянке Гошка позвал меня в каюту. Мы сидели на жесткой лавке у столика, и пока отец ходил что-то выяснять в диспетчерскую — небольшой, стоявший вблизи домик, мы с Гошкой за обе щеки уплетали свежий ржаной хлеб. Запивали по очереди холодным синеватым молоком из горлышка бутылки, брали с газеты нарезанную кружками колбасу и ели. Ух, как было вкусно!

Много есть было неловко: не мое. Молоко я старался пить маленькими глотками и пытался пропустить очередь, но Гошка требовал: «Глотай!» — и мне поневоле приходилось брать бутылку. Я долго жевал один кружок колбасы и не решался прикоснуться к другому, пока не следовала решительная команда: «Нажимай». Ну что тут поделаешь, еще стукнет! И я нажимал.

И опять продолжалась работа: Гошка бегал по причалу, помогал вкатывать на баржу машины, грузить бочки с горючим, ящики, распоряжался и повелевал, бросал концы, наводил порядок, вмешивался в споры, издевался и хохотал. Он и меня не оставлял без работы: то прикомандировал к одному подвыпившему рабочему («Гляди в оба, а то за борт свалится»), то гонял к плотникам, строившим ожидалку, за спичками (у отца кончились), то позволял и даже приказывал брать в руки штурвальное колесо на барже.

После обеда явилась вторая смена, и отец ушел в поселок. Но Гошка не торопился. Жгло солнце. Свежий тес причала приятно пахнул смолой, отдавал речной сыростью и мокрыми камнями. Прямые лучи уходили в воду, освещали позеленевшие валуны и мелкую гальку, тонкие стебли водорослей, прибитых течением ко дну.

— Ох и жарища! — простонал я.— Напиться бы,— и посмотрел на домик диспетчерской.

— Айда,— сказал Гошка.

Мы пошли по берегу, огибая диабазовые глыбы, перескакивая с валуна на валун в тени нависшей каменной стены. Кое-где мы выходили из прохладной тени, и тогда опять нестерпимо хотелось пить.

Гошка на ходу стащил с себя старенькую, в масляных пятнах тельняшку, и я чуть не ахнул, увидев его грудь, спину и руки. У него было тело мужчины: загоревшее, оно окрепло от работы, плечи были в бугорках мускулов, на животе и груди тоже вспухли узлы мышц.

— Сбрасывай и ты,— сказал Гошка.— Подзагорим заодно.

— Как-нибудь потом.

Признаться, мне было просто стыдно стаскивать с себя рубаху, настолько белое, худенькое и жидкое было у меня тело, ни один мало-мальски стоящий мускул не прорезался еще.

Гошка обвязал тельняшку вокруг пояса и шел впереди, отмахиваясь от редких комаров, а я ковылял по камням сзади в рубахе и кепке.

Случайно я кинул взгляд на скалу и увидел на ней красной краской выведенный якорь с двумя перекрещенными палочками и цифры

VII

1895
25

— Гош, видел? Кто это нарисовал?

— Цифры? — равнодушно спросил Гошка.— Матросы. Провели через пороги корабль, вот и написали. В тыщу восемьсот девяносто пятом...

Я смотрел на эту дату и не верил. Выходит, давным-давно, еще в том веке, проходили сквозь эти грозные пороги суда. И люди, чтоб оставить память об этом, писали на скале краской. Надписей было много. Оказывается, и в одиннадцатом и в пятьдесят первом году проходили здесь пароходы, и на каменной стене белели имена капитанов и членов команд.

Но прочесть каждую надпись не успел: Гошка не ждал, и я бросился вслед за ним.

Меж камней синими огоньками цвел знакомый мышиный горошек, путались в ногах лебеда и лопухи. В глубоком распадке, рассекавшем скалу, огромными букетами росли крупные сибирские ромашки: там, откуда я приехал, они поодиночке раскачивались на тоненьких стебельках, здесь же только нагнись, и в руках у тебя целая охапка.

— Вот тут дорога пройдет,— сказал Гошка,— а там, где диспетчерская, будет плотина...

Слабое журчание ручейка отвлекало меня от мыслей. Вода бежала тонкой струйкой откуда-то сверху, из распадка, проложив в камнях и песке узкое ложе, собиралась в маленьком прозрачном озерке у подножия большого валуна. На дне озерка ясно виднелись желтые и рыжие песчинки, темные и гладкие камушки.

Гошка, как заправский спортсмен, упер ладони в землю, опустился на согнутых руках и, не касаясь туловищем земли, бесшумно втянул губами несколько больших глотков. Потом так же ловко приподнялся на руках, встал и вытер мокрые губы.

Я даже не попытался повторить его движения. Я, как все смертные, встал на коленки, неловко изогнул позвоночник и, вымочив нос и щеки, кое-как напился. От воды ломило зубы, такая она была холодная. (Я пил и пил, и мне казалось, что с каждым глотком внутрь вливается свежесть, и поднялся я на ноги куда легче и быстрей, чем опускался.)

— Двинули обратно?

— Двинули.

Когда опять проходили у надписей на скале, Гошка сказал:

— Скоро снова писать будем... Возьму ведерко с краской и напишу...

И я сразу вспомнил то, о чем Гошка говорил на пароходе в штурманской рубке: с братом и дедом он пойдет через пороги.

— А когда, Гош?

— Скоро.— Гошка шел, не вынимая из карманов рук.

— Как бы и мне, а?

— Тебе? Не выйдет...— Гошка насупился.— Думаешь, из похвальбы расписались они на скале?

Я молчал.

— За полвека считанные единицы прошли...

— Ну хоть скажи, когда,— попросил я.— Смотреть буду.

— Это можно. Сообщу дополнительно.

Мы вышли на дорогу. Солнце близилось к закату, и машин на дороге было маловато. Гошка стал голосовать. Он это делал не стоя у обочины и не махая просительно рукой, как Борис, когда мы ехали в поселок. Он решительно выходил чуть не на середину дороги, требовательно поднимал обе руки, уверенный, что никто не посмеет проехать мимо.

Впрочем, один хитроумный шофер на полной скорости обогнул Гошку и скрылся. Зато второй не ушел от него и притормозил. Гошка небрежно кивнул мне,

(Продолжение на стр. 31).

Большое хозяйство

Живет в Стране Краснозвездных Школ веселый народ. Строит новые города, запускает на орбиту космические корабли, выращивает невиданные урожаи, ходит в далекие походы и совершает еще тысячи замечательных дел.

Каждый день в каком-нибудь уголке Страны обязательно рождается новое Хорошее Дело. Ведь любой отряд Красных Следопытов и любая Краснозвездная Школа — это маленькая Лаборатория Хороших Дел.

По нашей костромской земле идет пионерская весна. Алыми флагами убраны школы, зазеленели аллеи и фруктовые сады, заложенные нашими руками, выглянули первые кукурузные ростки на пионерских гектарах.

Шумно и весело на улицах, во дворах и парках. Около летних эстрад толпятся ребята.

— Выступает пионерский ансамбль песни и пляски! — Это можно услышать в любом уголке нашей области, ведь такой ансамбль есть в каждой дружине.

Октябрятам раздолье, да и мамам спокойнее: малыши хоть и на улице, а в безопасности. Пионеры построили и оборудовали тридцать площадок для игр и сто двадцать спортплощадок. Там уже полным ходом идут тренировки наших спортсменов.

В самые отдаленные уголки нашей области выезжают с гастролями пионерские кукольные театры, их у нас семьдесят четыре. Довольны зрители и пионерскими кинотеатрами.

Вот так и шагают по всей нашей области хорошие пионерские дела!

И нашу костромскую землю по праву можно сейчас назвать одной огромной зоной пионерской заботы, пионерского беспокойства, пионерского действия.

Каждый колхоз, каждая городская улица, каждая фабрика стали зонами действия наших пионерских дружин. Большое у нас хозяйство — целая область!

Ни один детский сад в зонах не обойден пионерской заботой, ни один сигнал о помо-

Вот так — дружно и весело, ловко и задорно — хозяйничают юные костромичи в зонах пионерского действия.

щи не оставлен без внимания боевыми тимуровскими отрядами, ни одна телеграмма не вручена адресату с опозданием, ни одно деревце не погибло в зонах.

По улицам шагают пионерские патрули, в штаб зоны бесперебойно идут донесения пионерской разведки, отряды получают очередные задания, и на карте зоны появляются новые и новые флажки.

Каждый день рождаются хорошие дела!

Интересная жизнь у больших пионерских дружин! Они стали настоящими хозяевами в своих зонах. А раз так — значит, до всего им дело, значит, не должно быть рядом с ними маленьких, слабых дружин, где нет никакой пионерской жизни. Так родились пионерские сводные дружины.

Пионеры 1 117 начальных школ вошли в состав дружин семилетних, восьмилетних и средних школ. А сводные пионерские отряды летом возникают в каждом городе и деревне — везде, где на лето остаются ребята.

Многому научила нас работа в пионерских зонах. Здесь мы готовимся к будущему, учимся быть настоящими хозяевами своей земли, учимся работать и жить для людей.

Мы знаем: нам жить в коммунизме. Но мы не хотим получать наше завтра в подарок. Строить его вместе со старшими, строить сейчас, сегодня — вот наше, пионерское дело!

По поручению пионеров Костромской области председатели районных и городских пионерских штабов городов Костромы, Нерехты, Шарьи, Неи, Мантурово, Судиславля.

Наша новостройка

Город Октябрятск — новостройка и, можно считать, новинка в строительной технике. Во-первых, он создан всего за шесть месяцев. Во-вторых, бригады строителей назывались звездочками. И, в-третьих, построен он из... пластилина!

Чего только не придумывали мы для своих октябрят! Сборы устраивали, концерты. Рисовали с ними, играли. Новый год вместе встречали у огромной елки, сверху донизу увешанной игрушками.

Но нам хотелось еще большего. Хотелось, например, чтоб малыши по-настоящему полюбили свой город. Гордились им. Научились о нем заботиться.

Одних слов здесь мало. И мы решили: построим с октябрятами пластилиновый город. Одна звездочка строит жилые дома, другая — завод, третья — магазин, четвертая, пятая — театр, аптеку, парк.

Когда будем строить Октябрятск, познакомимся с жизнью большого города, с его людьми, с их трудом. И вот одна звездочка, та, что жилые дома строила, отправилась к настоящим строителям, другая — в булочную: посмотрела, как продавцы работают, как хлеб пекут. Третья — в аптеке побывала. Их даже пустили в ту таинственную комнату, где приготовляют порошки и микстуры.

Постепенно, шаг за шагом, выросла главная улица — имени Юрия Алексеевича Гагарина. Посмотрели октябрята — ни одного деревца, скучно. Нет ни автомобилей, ни троллейбусов, ни трамваев — придется новоселам пешком ходить.

Стали октябрята озеленять свой город. Парк заложили. В парке — озеро. Перед театром — сквер. Улицы — аллеи. Помчались по ним разноцветные троллейбусы и автомобили самых современных марок.

Пока строили малыши Октябрятск, они так его полюбили, что им не захотелось с ним расставаться. Мы посовещались и придумали: те, кто строил театр, научатся петь, танцевать, стихи читать так здорово, что можно будет ездить с концертами в красные уголки и детские сады... Те, кто озеленял город, стали опытными садоводами, те, кто строил аптеку, — нашими санитарами, а создатели городского транспорта назубок выучат правила уличного движения.

В честь окончания строительства мы устроили праздник. Наша игра помогла октябрятам полюбить родной город Горький.

Пионеры — вожатые октябрятских звездочек из отряда-спутника семилетки 6-го класса «В» 33-й школы

г. Горький.

(Продолжение, смотри стр. 28).

властно, как хозяин на крыльцо своего дома, ступил на подножку самосвала, хлопнул дверцей, и машина помчалась по дороге, в ту сторону, где приютилась старинная Гошкина деревня — Порог.

«Точно,— подумал я, шагая домой,— начальник переправы...»

17

И трех дней не прожил я в брезентовом городке между тайгой и Ангарой, а уже считал себя едва ли не старожилом.

Я привык к алюминиевой раскладушке, и ее угрожающие покачивания и скрип от малейших движений не пугали больше меня. Я привык к деревянным тротуарам, как громко назывались постланные между палатками доски, и даже к тому, что умываться приходилось на открытом воздухе — у длинного рукомойника, и по утрам от холода кожа на руках и плечах становилась гусиной. Ночью я смотрел сквозь дырки в брезенте на далекие синие звезды, и это тоже не казалось мне странным.

К двум вещам только не мог я привыкнуть: к вонючей керосиновой лампе и отсутствию радио. За лампой нужно было все время наблюдать, чтоб не коптила, не упала со стола, и эта постоянная дотошная бдительность до того осточертела, ну хоть волком вой. Ни попрыгать, ни побороться с Ванюшкой Зарубиным из соседней палатки. Даже учиться делать стойку и то рискованно: собьешь нечаянно лампу, а потом попробуй потуши пожар.

А уж без радио совсем не жизнь. Его в палатке заменяют хныканья Коськи, покрикивания его матери, тети Кати, и беспрестанная болтовня Веры, молодой, чернявой женщины с пластмассовыми сережками в ушах... Единственное спасение — бегство на улицу. Вера, сварливая, шумная, привыкла командовать всеми.

— Живей поворачивайся! — подгоняла она Марфу, поджидая очереди у плиты, и я сам был свидетелем, как Марфа снимала с огня наш суп, и потом приходилось есть недосоленный, пропахший дымом и щепою суп с плохо разварившейся крупой и выкладывать на край тарелки сырые куски картошки.

И все потому, что Марфа торопливо уступала Вере место у плиты.

А был еще и такой случай. Я целый час ползал возле строящегося щитового дома и насобирал три ведра щепок и обрезков, а Вера — представляете себе! — взяла и сожгла их в плите. Когда Марфа робко заикнулась об этом, Вера разыграла искреннее удивление:

— А это были твои дрова?! Ну, откуда же я знала! Я думала, это мой Коля принес. Ну, ты прости...

Я снова взял ведро и вместо того, чтоб поиграть с ребятами в городки, потащился подбирать палочки и щепочки для плиты.

Зато тетя Поля, та самая, с которой мы ехали на пароходе, была совсем другая. В первый вечер, когда мы сидели в потемках, она принесла нам свечку, случалось, давала то соли, то перца, то лаврового листа и вообще взяла шефство над Марфой.

Что касается мужчин, так они все нравились мне.

Дядя Федя, муж Поли, большущий человек в кирзовых сапогах и брезентовой куртке, измазанной ржавчиной и каменной пылью, дольше всех мылся после работы у рукомойника, обстоятельно мылил шею и руки и потом так же долго вытирался вафельным полотенцем, и пока он приводил себя в порядок, маленький остроносый дядя Сережа, Серега, как все его звали, работавший взрывником, юркий и легкий, с насмешливым, плутоватым лицом, успевал не только умыться, но и съесть первое. И ел он быстро и как-то весело, обжигаясь и вскрикивая.

Третий житель нашей палатки, дядя Коля, электромонтер, тоже делал все быстро и ловко, но только как-то тихо, не производя никакого шума: так он и мылся и ел, даже разговаривал как-то бесшумно — ни смешка, ни вскрика. Он был высок и тонок, и с его узкого загорелого лица не сходила спокойная, немного насмешливая улыбка.

Самым мучительным для меня было ожидание Бориса. Без него Марфа не садилась за стол, и я, здорово проголодавшись за день, старался держаться подальше от врытого в землю стола. Но и слоняясь по брезентовому городку, я поневоле вдыхал все запахи готовившихся на плитах супов и щей, глотал слюнки, терпел и поджидал брата...

Увидев его у палатки-магазина, я мчался к столу и кричал Марфе:

— Идет!

Марфа принималась разливать по мискам щи.

Однажды Борис явился, весь искусанный комарами: на щеках темнели пятнышки, на лбу твердели вспухшие шишки, но больше всего пострадал нос: на кончике его краснело несколько ранок. А что касается левого глаза, так он вообще заплыл.

Марфа прямо-таки ахнула:

— Ну и разделали же они тебя! На кого похож...

— Боевое крещение! — крикнул дядя Федя, ломая хлеб; он был бурильщиком, глохнул от работы с грохочущим буровым молотком — перфоратором и первые часа два кричал, как глухой, точно уши были заложены ватой.— У нас, брат, человека испытывают на мошку. Выдержишь — останешься здесь, не выдержишь— ноги в руки и поминай как звали...

— А как удобней брать ноги в руки: вот так или этак? — Борис согнулся и стал примериваться.

Дядя Федя засмеялся. Не отставал от него и Серега, и лишь дядя Коля, читавший за едой книгу «Аку-Аку», на мгновение оторвал от страницы глаза, слабо улыбнулся краешками губ и снова уткнулся в книгу.

Борис за эти дни сильно загорел. Бригада, в которой он работал, тянула через тайгу линию к Ангаре. Монтеры валили лес, расчищали просеки, копали ямы. Ладони Бориса были покрыты кровавыми мозолями, их было много, кожа кое-где была содрана, два ногтя почернели, один был наполовину сорван...

— Ты что, в землекопы нанялся? — спросила Вера.— Тебе платят как чернорабочему...

— Пожалуй.

Вера скривила губы.

— Ты, я вижу, еще такой зеленый. Ну совсем зелененький.

Борис жадно вонзил зубы в хлеб.

— Что правда, то правда.

— А уж устал, небось. Ложку едва держишь.

— Это я-то? — Борис усмехнулся.— Это я-то устал? Да хочешь, я сейчас стол подниму, выдерну из земли и подниму, да еще ты сядешь сверху.

— Как-нибудь в другой раз,— сказал Серега.

— В другой так в другой. Мне что!

Но как только, окончив обед, все пошли по своим закуткам и Борис присел на койку, я увидел, что глаза его стали слипаться, и минуты через три он, не сняв даже облепленных грязью лыжных ботинок, уснул. Одна его рука лежала под затылком, вторая, набрякшая кровью, в опухших венах, свисала вниз, и под глазами углубились тени. Щеки запали, нос

резче выступил вперед. Он не слышал, как Марфа расшнуровала и стащила с него ботинки и поудобней уложила худые ноги на одеяло...

Свободного места на почте не оказалось, и Марфа пошла учиться на моториста в энтомологический участок. Теперь она с вечера готовила еду, утром подогревала, наскоро ела, убегала, и я становился на пять-шесть часов полновластным хозяином комнатушки, одной четвертой части палатки. Но я меньше всего старался сидеть дома. И если Марфа не велела сторожить развешанное на веревках белье или сбегать за продуктами в магазин, жизнь у меня была раздольная!

Что хочешь, то и делай. Хочешь — швыряй палки по городкам, хочешь — бегай с Ванькой купаться на причал Ангарской экспедиции (больше минуты в воде не просидишь!), хочешь — лови у порогов рыбу, хочешь — стреляй из рогатки по воробьям, которых тут не меньше, чем там, откуда мы приехали. Хочешь — вообще ничего не делай, а сиди на бревне, посвистывай да смотри в небо на проплывающие тучки.

Как-то раз Марфа сказала:

— Сегодня поеду самостоятельно.

— Ну-ну,— проговорил Борис, уплетая за обе щеки пирожки с капустой.— А по почте не будешь скучать?

На следующий день она ушла рано, когда Борис еще сладко посапывал на койке. Вернулась она домой часов в двенадцать, усталая, непривычно бледная, вялая — никогда не забуду этого дня. Войдя в палатку, сразу рухнула в постель. Я в это время вырезал из жести винт для моторки.

— Иди погуляй,— сказала Марфа осипшим голосом.

Через полчаса я сунул голову в дверь. Марфа лежала лицом к стенке. Я на цыпочках подошел — глаза ее были закрыты, лицо, как бумага, белое, мокрое, неживое.

Мне словно пробку загнали в горло. С минуту не мог дохнуть. Еще и помрет так!

— Теть Кать,— подбежал я к Коськиной матери, штопавшей вытертые вельветовые штаны.— Теть Кать...— Глаза что-то защипало.— Там с Марфой что-то... Лежит, как мертвая, и ни слова.

Тетя Катя быстро откусила нитку, вскочила со скамеечки и с коричневыми штанами в руках бросилась внутрь, кинув мне:

— Погоди...

Вышла она минут через пять.

— Тошно ей, мутит, голову ломит. Боюсь, отравилась. Рыбу в столовке ела. Это случается. Побегу к доктору, а ты побудь возле нее.

Сгорбившись, стоял я возле койки. Никогда еще не чувствовал я себя таким беспомощным и жалким. А может, она и не жива уже?

Я тронул ее за локоть.

— Марф, а Марф...

Глаза Марфы медленно открылись. Измученно-синие, огромные, блестящие, они остановились на мне.

— Ты потерпи немного, Марфа!..— Я хотел говорить твердо, мужественно, а голос почему-то звучал жалобно и тоненько.— Сейчас врач придет. Сейчас...

Врач не приходил долго, и я сидел на табуретке возле койки и страдал. Никому не желаю просидеть так хоть пять минут! Вот она, Марфа, жена брата и сестра дружка Кольки, та самая Марфа, которую так боялись мы, строители космической ракеты, и чьи приказы беспрекословно выполняли, она неподвижно лежит сейчас в этой дырявой палатке, в самом центре Сибири, и каждую минуту может умереть...

А главное, вот беда: Борис ничего не знает. Попробуй сообщи ему, найди в тайге или где-то на берегу Ангары, где бригада ставит сейчас опоры под линию высокого напряжения.

...После ухода врача выяснилось, что Марфа по неопытности наглоталась ядовитого дыма, предназначенного для мошки, и ей стало плохо.

— На свою же удочку попалась,— полушутя говорила она часа через три, сидя на койке, бледная и

растрепанная, с синеватыми пятнами под глазами.— Кран ядохимикатов на поворотах надо выключать, а то дым так и валит на тебя же. По собственной дурости все.

Она встала с койки и, пошатываясь, шагнула к двери.

— Ты куда? — напустилась на нее тетя Поля.— Не отошла еще, поди?

— Картошку надо чистить. Боря скоро придет.

— Глупая! — цыкнула на нее тетя Катя.— Лежи. Я тебе почищу и отварю.

— Да я уже ничего.— Губы Марфы страдальчески улыбнулись.

— Попробуй! — крикнула тетя Катя.— Полотенцем к койке прикручу! Так огрею! — Она даже замахнулась на Марфу тазом.

И тетя Катя ушла чистить картошку, так хлопнув дверью, что все непрочное дощатое сооружение, обтянутое выцветшим брезентом, задрожало.

Вечером, узнав о случившемся, Борис покачал головой.

— Как нехорошо все получилось, а? Может, найти что-нибудь другое?

Его сразу же поддержала Вера, придя из парикмахерской, где работала мастером.

— Хоть к нам. Уборщица нам нужна.

— Подметать волосы и подносить горячую воду для бритья? — спросила Марфа.

— Хотя бы. У тебя ведь не работа, а отрава. Вредный цех.

— Может, и правда? — спросил Борис.

— А кто же тогда защитит моего мужа от мошки? Вы думаете, мне приятно смотреть на этот заплывший глаз и опухший нос?

— Да,— сказал дядя Федя,— нельзя тебе уходить от мошкодавов, куда же мы все тогда денемся? Заест нас гнус.

18

Проснулся я очень рано, зевнул, потянулся.

Борис уже сидел на койке и зашнуровывал лыжные ботинки.

— А где Марфа? — спросил я.

— Ушла.

Я просто не поверил.

— Вчера помирала, а сегодня ушла? Не могла получить больничный лист! Вот дурочка!

И тут... Ну, об этом я мог бы не рассказывать. Словом, тут Борис дал мне затрещину.

— Не смей так говорить о старших!

— Да я ведь не хотел сказать, что она глупая, она просто имела все права...

— Мыться! — сказал Борис.— Живо.

Я махнул рукой: даже слушать не хочет. И вышел из палатки.

Я нажимал поршенек, намыливал руки, морщился от попавшего в глаза мыла и думал про Марфу: то спокойно сидела на своей почте, взвешивала бандероли, стучала молотком-штемпелем по маркам, дома ползала по грядкам и, вредя «Ракетострою», заставляла нас с Колькой таскать воду на огород, а потом вдруг приехала сюда, в эту дырявую, старую палатку, и теперь ездит на машине с аэрозольной установкой по разбитым дорогам строительства, и вокруг грязь, вонь, пыль, мошка — ничего хорошего, а она вроде и довольна...

Мы быстро позавтракали.

— Не хочешь спать? — спросил Борис.— Ты чего так рано встал? Спи, пока на работу не идти. Все спят.

— Успеется,— сказал я, с некоторой завистью прислушиваясь к посапыванию Коськи за стенкой.

Борис был прав. Когда мы вышли из палатки, было свежо и солнечно, группками шли на работу строители и ни одного мальчишки. А мир без единого мальчишки и девчонки казался странным и немного чужим.

Мы дошли до тайги.

— Со мной не пойдешь?

Я вспомнил, что сейчас монтеры занимаются скучным делом — роют ямы под опоры, валят лес. И тащиться до них нужно пешком километра четыре. Да к тому же я не забыл и про затрещину. Я, правда, не очень гордый, но и не такой, как Коська.

— Не хочется,— буркнул я.

Признаться, куда занятней было ремонтировать с мальчишками у Ангары деревянную лодку.

— Ну, пока! — Борис зашагал по таежной дороге, высокий и сильный, в синей спецовке и лыжных ботинках.

Я потянулся, зевнул, протер глаза и медленно пошел назад по обочине дороги.

Иногда меня обгоняли порожние самосвалы. Но их было мало. Потом одна за другой прошли три машины с какими-то смешными штуковинами в кузовах.

И вдруг я опешил. В последней машине сидела Марфа. Да, да, наша Марфа в ватной стеганке и бордовом платочке, туго стянутом у подбородка, отчего лицо ее казалось круглым, как у игрушечной матрешки.

— Ма-а-а-а-рфа! — закричал я сколько было сил.

Она махнула мне рукой.

«Зовет»,— решил я и со всех ног бросился за машиной, нагнал и внезапно увидел, что Марфа грозит мне кулаком. Но то ли от быстроты бега я плохо соображал, то ли подумал, что Марфа любит только пугать, как бы там ни было, я догнал машину, вцепился руками в задний борт.

— Слезай! — Марфа приподнялась с металлического поворотного стульчика.— Нельзя!

Я подтянулся на руках и перевалился животом в кузов.

И не успел опомниться, как Марфа налетела на меня, втянула в кузов... и отшлепала. Ну, по какому месту, уточнять не буду — сами понимаете...

— Пусти! — завопил я, задергался, захохотал, хотел вырваться, но даже и повернуться не смог в ее руках. Сильнющая же она, оказывается!

Мне стало зверски обидно, и я отчаянно задергался в ее руках.

— Уйди! Боре скажу. Пошла вон!..

Я совсем этого не хотел, но как-то получилось так, что на щеках появились слезы.

Они заливали курточку, руки, капали в кузов. Марфа отпустила меня, посмотрела с презрением и плюнула через борт. Ух, и разозлился же я на нее!

Машины между тем миновали поселок, и по сторонам пошел низкий кустарник. Марфа уже сидела на своем стуле возле движка с длинной трубой, торчавшей, как пулемет. Вместо пламегасителя на конце трубы виднелась железная «шляпа» — сопло.

Я присел на какой-то бидон. Я вдруг подумал, что рев был единственно правильное, что я мог сделать: теперь Марфа не сгонит меня с машины. Жалеет уже, небось, что дралась!

В ушах ревел ветер. Местами машина подпрыгивала на ухабах.

Марфа дернула на себя ручку. Движок застучал, затрясся, и из трубы вырвалось реденькое белое облачко. Остро запахло бензином.

Я зажал нос.

Облачко меж тем пустело, и вот уже по кустам и сырым кочкам поползли плотные ядовитые облака. Утро было безветренное, тихое, и дым, обтекая кусты и травы, стоял долго и очень медленно оседал на мокрые от росы листья и траву, проникая во все поры и закоулки комариного царства.

Так они и мчались, одна за другой, три машины, неся гибель гнусу, его личинкам. Тугая струя дыма упиралась в «шляпу», Марфа поворачивала ее под разным углом, и дым шел в нужную сторону широкой и сильной волной. Иногда в сопло били искры, и тогда Марфа совсем была похожа на пулеметчицу, на Анку-пулеметчицу из старого фильма о Чапаеве...

Когда мы пролетали по новому поселку, волоча за собой хвост дыма, коровы с мычанием, задирая хвосты, удирали от нас, заливались собаки. И только мальчишки не удирали. Зажимая носы и рты, ныряли они в море дыма и махали руками.

Я высунулся из-за борта и помахал им.

— И нас возьми и нас! — как полоумные, вопили мальчишки.

Солнце поднялось выше. Марфа расстегнула ватник. Ее правая рука лежала на рычаге, а левой она подавала условные знаки шоферу: один удар по кабине — ехать медленно, два — быстро, три — как ветер...

На поворотах, где дорога давала петлю, Марфа выключала дым, и он не настигал, не окатывал нас. Если ж иногда задувал ветерок и редкие клочья нападали на машину, Марфа приказывала мне:

— Не дыши!

Скоро бензин в бочке агрегата кончился, и на землю из трубы закапало масло.

Солнце уже стояло над дымчатыми сопками, проснулись поселки, на дорогах появились люди.

Марфа выключила движок и, выгнув спину, протяжно зевнула.

— Боря все съел? — спросила она.

— Все.

— Ну что ж, пора и домой.

Машина стала. Из дверки высунулся шофер, молоденький скуластый Митя.

— Марф, сгоняем на аэродром? Минутное дело.

Марфа сняла платочек, обмахнулась.

— Опять к ней? Ох, и надоедливый ты! А мы с Вовкой тут при чем?

— Да мы мигом,— стал оправдываться Митя,— и я совсем не к ней, просто надо посмотреть, как работают новенькие.

— Ой, какой заботливый стал!.. Ладно, только побыстрому,— сердито сказала Марфа.

— Идет! — пропел Митя.

До аэродрома домчались в пять минут.

У большого зеленого самолета с надписью «Аэрофлот» по фюзеляжу расхаживал летчик. С деревянной эстакады из огромной железной бочки по шлангу в баки самолета бежала ядовитая смесь. На эстакаде стояли девчата и пересмеивались.

Кончив заправку, самолет вырулил на середину поля, заработал винт, и самолет побежал по земле.

— Улетел соколик! — сказала на эстакаде одна белокурая, заслонившись ладонью от солнца.

— Хоть бы покатал когда!..— пожаловалась другая, полногрудая, в замасленном комбинезоне с лямками. Она стояла, широко, по-мужски расставив на высоком помосте ноги, и если бы ветер не рвал на ее голове косынку, она казалась бы на фоне неба статуей.

— Нина,— негромко позвал Митя,— иди-ка сюда.

Девушка посмотрела вниз. Глянул я на ее маленькие, широко расставленные глаза, на лицо в родинках и себе не поверил: как похожа на Гошку! Впрочем, что ж тут удивительного: сам на пароходе говорил, что одна сестра его — «мошкодав».

— Тебе чего? — спросила Нина.

— Сказать чего-то... Сойди.

— Сам подымись! — раздалось сверху.— Вторую бочку вкатывать нужно. Сейчас наш Васечка прилетит. Уж такой прожорливый! Полчаса пыхтишь тут, а он в пять минут опорожнит. Уж не пьет ли сам?

Девчата на эстакаде захохотали.

Митя, уязвленный равнодушием Нины и хохотом остальных, подошел к эстакаде.

— Куриные вы головы, нет того, чтоб мозгами пошевелить. Вон какую технику к нам гонят, а вы так и будете животики надрывать, бочки втаскивать? Чего стоит лебедку поставить?

— А и то правда, девоньки! — посмеиваясь, крикнула Нина.— Теперь, Митенька, без лебедки не приходи, на танцы не приглашай и в тайгу не зови...

Самолет между тем опрыснул белым облаком острова на Ангаре и леса вокруг строительства, завернул назад, и девчата на эстакаде засуетились, вкатывая новую бочку. Марфа бросилась подсоблять им. Когда девчата, перехватывая бочку, меняли руки, она подставляла под железное ребро плечо. Я видел, как от напряжения покраснело у нее лицо.

Митя из самолюбия и пальцем не притронулся к бочке. Мне, говоря по совести, хотелось помочь девчатам, но мужчин было двое — я да Митя,— и не посчитает ли он меня штрейкбрехером?

Нина локтем вытерла лоб.

— Ну и силища в тебе, Марфа, поди, самолет одна покатишь по полю, а? Ведь покатишь? Со всем экипажем...— Нина оглядела ее крепкую фигуру.

— Не пробовала, девочки,— призналась Марфа,— вот сядет — попробую.

Даже рев самолета, шедшего на посадку, не мог заглушить хохота.

— Почаще заворачивай к нам, Марфа! — крикнула Нина.— Вон сколько бочек дожидается.

— Хм-м!..— Марфа покосилась на шофера.— Это, между прочим, от тебя зависит, Нинка. Не очень-то уж ласково встречаешь ты нашу колымагу...

Митя оглушительно хлопнул дверцей и просигналил. Но я понял: без нас не уедет. Не такая, оказывается, Марфа, чтоб с ней не считаться.

Самолет подрулил к заправочной площадке, и, пока к нему протягивали шланг, Марфа по-мужски, за руку попрощалась с каждой девушкой на эстакаде, по наклонному трапу сбежала вниз. Потом встала на скат машины, перевалилась через борт, крикнула: «Давай!» — и, едва я успел зацепиться за кузов, как машина тронулась с места и сразу взяла бешеную скорость, точно убегала от обид.

Дома меня ждала записка: «Завтра приезжай. Будет проводка. Гошка».

(Окончание в следующем номере.)

Пионерские гектары

Великие дела совершаются в каждом уголке Страны Краснозвездных Школ: в больших городах и маленьких поселках, на бескрайних полях и скромных пришкольных участках... Везде, где есть верные друзья, умелые руки и веселая песня.

Богатый у нас колхоз, всего вдоволь. Ведь это о нашем хозяйстве Никита Сергеевич сказал, что оно держится на трех китах — озимой пшенице, кукурузе и горохе. А нашего председателя сейчас знает вся страна. Недавно Василию Михайловичу Кавуну присвоили звание Героя Социалистического Труда.

В нашем колхозе горохом засеяна тысяча гектаров. А во многих колхозах южных областей Украины у него владения маленькие, каких-нибудь пятьдесят га.

Семена там ценятся на вес золота. И мы решили выращивать горох на семена для юга Украины.

Пошли в правление колхоза.

— Стоящее дело, — согласился с нашими делегатами Василий Михайлович. — Дадим вам пятьдесят гектаров. Справитесь?

Мы сразу же приступили к делу. Зимой, пока земля спала, вывезли на участок 700 тонн перегноя, собрали 120 центнеров золы и 30 центнеров куриного помета.

В начале мая, когда земля хорошо прогрелась, десять пионерских звеньев вышли в поле — сеять. Девочки набирали из мешка семена и заправляли сеялки, а мальчики по очереди вместе с механизатором сеяли горох.

А через десять дней появились дружные всходы.

— Ни одного бурьянчика на нашем поле! — решил совет дружины. — Летом зеленые патрули на велосипедах будут объезжать наши пионерские гектары и наблюдать за посевами.

В честь 40-летия пионерской организации мы, юные ленинцы Шляховской школы, даем слово, что обязательство свое наша дружина выполнит! Сдадим в пионерский семенной фонд 150 центнеров гороха! Этими семенами можно будет засеять в 1963 году целых 600 гектаров.

Ребята многих школ Украины и других республик тоже начали выращивать для колхозов семена гороха. Интересно, кто больше вырастит?

Мария Близнюк, председатель совета дружины

Винницкая область,
Бершадский район,
с. Шляховая.

Ариадна ЖУКОВА

Рисунки Г. Саевича.

Мой дворец

Репортаж из самого ближайшего будущего

Произошло необычайное событие. К нам во двор приехал яркий, расписной автобус, битком набитый игрушками. Из автобуса выпрыгнул молодой парень и крикнул:

— А ну, подходи! Даю игрушки напрокат.

Оказалось, это передвижная игротека нового Дворца пионеров.

Мы сейчас же выстроились в очередь, и каждый взял что хотел. Я выбрал конструктор, из которого собирался соорудить марсианскую машину с ногами.

Вдруг к парню из автобуса подошел черноволосый мальчишка, который вчера только появился на нашем дворе, и заговорил с ним, как со старым знакомым.

Когда автобус уехал, я спросил мальчишку, — оказалось, его звали Вовка:

— Откуда ты этого парня знаешь?

— Так он же из Дворца пионеров!

— Ну и что?

— А то! Я знаю Дворец, как свои пять пальцев. Мы в школе целый год для него цветы выращивали.

Я сказал, что еще не видел нового Дворца. И через полчаса мы входили в голубой блестящий вагон метро, чтобы ехать во Дворец.

Станция «Ленинские горы» построена на мосту через Москва-реку. Она почти целиком из стекла. Ничего себе станция. Когда мы вышли из метро, Вовка сказал:

— Вечером я тебе про эту станцию расскажу один секрет.

Мы поднялись на обрывистый берег реки и сразу увидели Дворец — огромный, с прозрачными стенами. Прямо посреди фасада была здоровенная картина, а на очень высоком шесте плескался по ветру алый и быстрый флаг.

Я даже остановился и разинул рот:

— Вот это да!

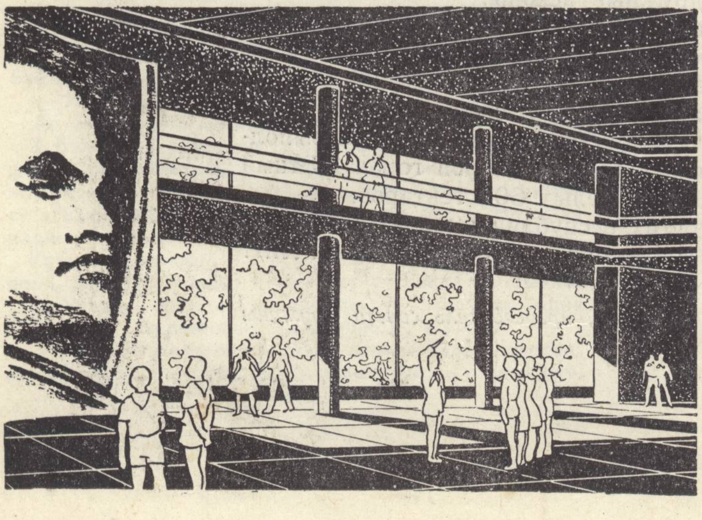
Вовка засмеялся и сказал:

— Это еще что! Вот вечером Дворец весь сияет, а на площади гудит костер. Знаешь, какой костер? Газовый. Газ специально подведен. Огонь синий-синий и гудит. Настоящий пионерский костер двадцатого века!

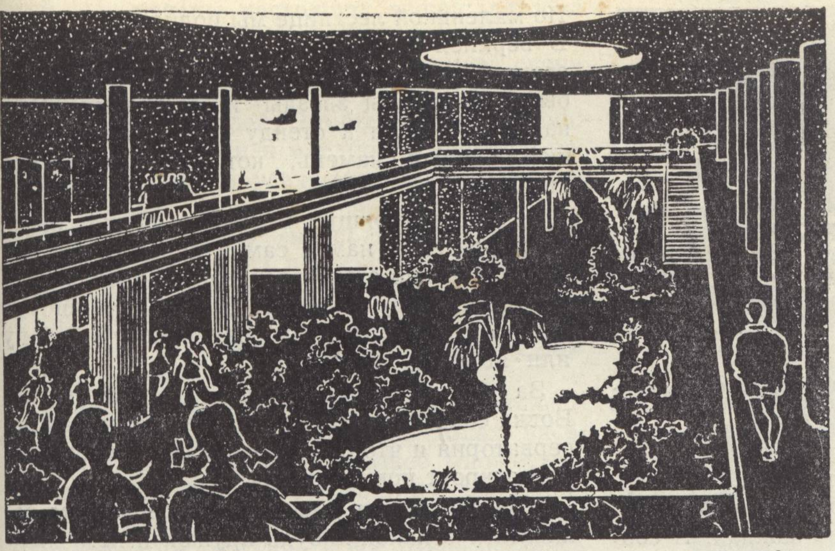
Вовка так и сказал: ...«двадцатого века»!

Мы вышли на площадь Парадов. Она похожа на луг. Вся покрыта ярко-зеленой подстриженной травой. И по ней бегут белые каменные дорожки. Вовка сказал, что здесь проходят торжественные пионерские линейки и может поместиться десять тысяч пионеров. Мне понравилось, что на площади растет трава. Как на даче.

— Ты думаешь, это просто так трава? — сказал Вовка. — Она особая — не вытаптывается. Тут все по плану. Даже инженер такой специальный, дендролог — инженер по цветам и деревьям. И еще случай такой был: стоял тут неподалеку клен.

В этом зале все торжественны и серьезны, потому что этот зал — Ленинский.

Со всех концов света съехались в Зимний сад пальмы, кактусы и диковинные цветы.

Дима. И еще художники про каждого мальчика и про каждую девочку целую историю придумали. Так им легче было работать. Вот, например, мальчик с золотыми бровями — физик. Видишь, какой он мрачный и серьезный. Наверное, изобретает что-нибудь. Его Леня зовут. Только художники никому об этом не говорят. Пусть каждый выдумывает про них что хочет. Так интереснее.

— А если я хочу сделать свою марсианскую машину или модель планера, куда мне идти?

Толстый, ему уже 60 лет. Инженер специальную подпорную стенку поставил, чтобы клену было легче расти. А один бульдозерист наехал и сломал клен. Так тут такой скандал поднялся, что ой-ой-ой! Или вот, видишь, перед Дворцом стоят дубы? Инженер потребовал — и из-за этих дубков весь Дворец построили на несколько метров южнее, чем раньше думали, чтобы дубки не рубить. Здесь даже внутри сад — Зимний! Пальмы, кактусы, бананы. Из Африки и из Южной Америки. Хочешь, покажу?

— Лучше расскажи мне что-нибудь про эту картину, — сказал я, — а потом пойдем смотреть, где делают машины.

Я сразу решил, что марсианскую машину лучше всего делать здесь.

Про картину Вовка сказал, что она сделана из разноцветных камней. Что разноцветные камни вовсе не камни, а специально сваренное стекло — смальта. И варят эту смальту одиннадцати тысяч разных оттенков. Называется это мозаика. Мозаика на Дворце здоровенная — сорок метров длиной и семь высотой.

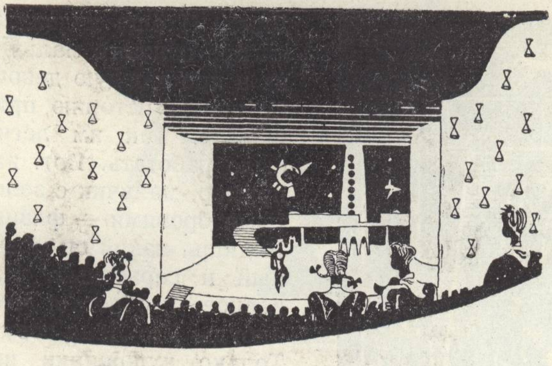
На картине ребята сидят у костра, а вокруг разные люди — рабочий, студент, строительница. И знамя полощется по ветру. А на знамени Ленин.

— Знаешь, как художники этих ребят полюбили? — сказал мне Вовка. — Прямо как детей родных. Даже имена им придумали. Вот эта девочка, что руки закинула, — Уля. А это узбечка Зухра. Паренек в белой шляпе — Махмуд. Тот, который повернулся боком. —

Вовка прямо захлебнулся от восторга. Он сказал мне, что только теперь для юных техников начнется настоящая жизнь. Никаких игрушек, довольно! В судомодельной мастерской — настоящий бассейн для испытания моделей. Авиамодельная лаборатория высоченная — в два этажа. Наверху висят разные планеры и самолеты, а внизу, под ними, работают изобретатели. Модели висят, чтобы изобретатели вдохновлялись. Пришел, посмотрел и подумал: «Эх, хорошо бы сделать еще лучше!» Придумал новую конструкцию — идешь в чертежную мастерскую: там ребята помогут тебе сделать чертежи, как на настоящем заводе. А потом строй. Есть специальные склады с материалами, покрасочная,

Здесь будущие знаменитые конструкторы клеят свои первые самолеты из дерева и папиросной бумаги.

Пионерский театр: актеры — пионеры, декораторы — пионеры, костюмеры — пионеры и зрители — тоже пионеры.

комната для испытания моторов. Мастерские — столярная и слесарная — огромные, как стадионы, по 500 метров каждая. И сборочный цех в 300 метров. В этом сборочном цехе будут собирать мотороллеры, легковые машины, катера, байдарки, яхты — через годполтора во Дворце пионеров будет своя автоколонна и свой малый флот.

— Представляешь, прийти в школу, — сказал Вовка, — и этак небрежно кинуть: «Сегодня по моему проекту начали строить вертолет!» Здорово! Жаль только, что насчет вертолетов пока ничего не известно: не разрешают ребятам летать. Но мы надеемся.

Мы обошли с Вовкой все лаборатории и мастерские, посмотрели на новенькие блестящие станки и на большие модели «ТУ-104» и «ИЛ-18», сделанные ребятами еще в старом Доме пионеров специально для нового Дворца. Заглянули в архитектурно-строительную лабораторию, где на стенах висели фотографии и чертежи. Ребята там собирались построить маленький город Пионерск. И еще большой тир, потому что строители тира не построили — забыли, что ли.

Потом мы попали на фабрику игрушек. Здесь ребята могут научиться делать сто интересных игр для своей школы и для своего двора.

— Подожди, я тебе сейчас покажу такую штуку! — сказал Вовка.

Мы вошли в низкий вестибюль, на черном полу которого были выложены из плиток большие желтые звезды и огромный страшный рак. Красные глаза рака сверкали. Вот это да! Мы шли, словно по сказочному небу!

По маленькой лестнице мы поднялись наверх. В верхней комнате небо встало перед нами стеною: на черной блестящей перегородке были выложены звезды и созвездия. Вовка подвел меня к стенду и показал небольшой черный камень, который лежал под стеклом.

— Это настоящий метеорит. Может быть, он прилетел к нам с самой далекой звезды. Я обязательно стану звездолетчиком и когда-нибудь привезу в подарок Дворцу что-нибудь замечательное. Ну, там, марсианскую собаку или ящерицу с Венеры.

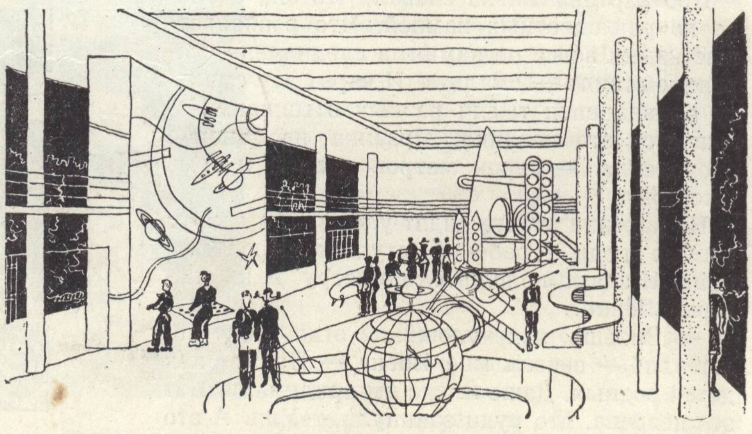
За черной стеной оказался планетарий. Вовка сказал, что тут есть еще настоящая обсерватория и что он, Вовка, в этой обсерватории откроет новую звезду.

Мне захотелось немедленно, сейчас же записаться в какой-нибудь кружок и немедленно, сейчас же начать новую интересную жизнь.

Я не стал откладывать дела в долгий ящик. Мы пошли с Вовкой, и я записался в планетарий и в авиамодельный кружок. Мне хотелось записаться еще в автомобильный и судомодельный, но Вовка сказал, что для начала хватит.

Когда мы шли мимо зала аттракционов, я предложил покататься с горки. Мы катались до тех пор, пока я не набил на лбу две здоровенных шишки.

Потом мы обошли всю правую половину Дворца. Она называлась «Крыло игр». Здорово было в комнате октябрят, стеклянной, как аквариум. Октябрята суетились так, что у меня просто зарябило в глазах. Мы стали все разглядывать: кукольный городок, зоопарк, парк культуры и отдыха и много заводных машин. Все игрушки были ровно в де-

А это зал аттракционов. Такие игры наши мамы и папы видели только во сне.

сять раз меньше настоящих вещей: автобус в десять раз меньше настоящего автобуса, слон в десять раз меньше настоящего слона и человечки тоже ровно в десять раз меньше настоящих людей. Это было очень удобно: все куклы влезали в машины, входили в игрушечные дома и усаживались на игрушечную мебель.

Но больше всего мне понравился «Шкаф переодеваний»: влез в шкаф маленький рыженький мальчик, а из шкафа вылез индеец с красной маской на лице и пером в волосах. Или повар. Или космонавт. Кем хочешь, тем в этом шкафу и станешь.

В зале тихих игр меня поразили головоломки. Головоломки лежали на столах, висели на стенах. Их было великое множество. Можно было войти в эту комнату десятилетним пионером, а выйти столетним дедом с длинной седой бородой, и все равно остались бы головоломки, которые ты не решил.

Дело шло к вечеру, а мы все ходили и ходили по Дворцу.

Посмотрели большой концертный зал, пионерский театр, лабораторию кинолюбителей, где можно снимать и печатать настоящие игровые фильмы. Сад непрерывного цветения, где цветы подобраны так, что будут цвести с ранней весны до поздней осени.

Я, наконец, сдался. Я сказал:

— Вовка, смотри, как уже темно. Мне здорово влетит дома.

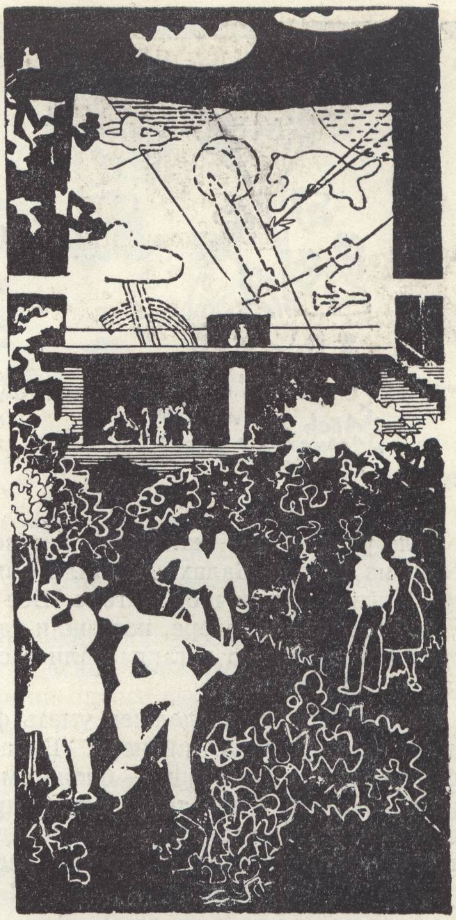
— Ладно, — сказал Вовка, — вот влезем еще на крышу, посмотрим сверху на Москву и пойдем.

На крыше Дворца оказалось очень интересно. Она была плоская. Там стояли скамейки, тенты, какой-то художник забыл свой мольберт. Как три огромных глаза, светились три купола над Зимним садом, сделанные из оргстекла, словно кабина самолета. Мы посмотрели через купола на Зимний сад, поглядели на огромную Москву, всю в огоньках, и, усталые, медленно полезли вниз.

В метро я спросил Вовку:

— Ну, какую тайну собирался ты мне сказать про эту станцию?

— Такую, — ответил Вовка. — Эта станция ночью точь-в-точь как звездолет: стеклянные стены, чернота за ними, миллион огоньков, похожих на незнакомые звезды. Как будто мы уже летим из космического путешествия и везем Дворцу в подарок марсианскую собаку и ящерицу с Венеры.

Интересно работать в Саду непрерывного цветения.

Дома мама сказала:

— Если ты еще раз посмеешь так поздно прийти домой...

Но я ее перебил:

— Не сердись, мамочка. Пожалуйста! Я был занят очень важным делом: я смотрел Дворец пионеров. Мой дворец.

И мама сразу перестала сердиться.

Фотоаппарат — в дорогу

Каждый житель Страны Краснозвездных Школ мечтает в будущем покорять космос, открывать белые пятна на картах, узнавать неизведанное. А всякому путешественнику нужно уметь фотографировать, чтобы рассказать людям о том, что увидишь в полетах и походах.

Их было ровно сто — мальчиков и девочек, пионеров из города Балахны. Жили они на берегу Волги в палаточном лагере. Все пионеры, побывавшие в лагере, получили звание инструкторов и осенью организовали в своих школах фотокружки.

— Каждый школьник должен уметь фотографировать! — решили пионеры Балахны. Кем бы ты ни стал в жизни — биологом, инженером, токарем, — это тебе всегда пригодится. А тем, кто мечтает стать космонавтом, научиться фотографировать просто необходимо.

Полтора года назад в городе было всего несколько фотокружков. А сейчас они есть в каждой школе, в каждом интернате. Руководят ими пионеры-инструкторы.

В Правдинском детском доме восемь кружков! Каждый кружок выпускает свою фотогазету.

На пятой городской фотовыставке — 450 лучших фотографий наших ребят. А 36 работ отправлено в США на выставку творчества советских школьников.

Пионеры-инструкторы Аля Макарова, Галя Дурыничева, Коля Барыгин, Витя Зайцев.

г. Балахна.

«На съемке». Фото Игоря Мерзлякова, ученика 6-го класса г. Балахны.

Ребята как ребята

Л. ФРИДМАН

Думаешь, что же в них особенного? Ребята как ребята! Такие же и в других городах: бегают по улицам, о чем-то шумят на сборах, поют песни, собирают лом, сажают деревья. Мальчишки и девчонки, как всюду.

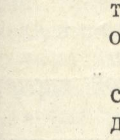
Но почему же называют их город Горловку пионерским городом? Почему на зданиях горловских школ горят красные звезды? Почему — хоть весь город обойдите — вы не встретите ни одного скучающего пионера? Все деловитые, все спешат куда-то. А как же? Вон сколько дел! На шахте сегодня дают повышенную добычу угля — надо устроить концерт для рабочих. На машиностроительном заводе субботник по уборке двора — туда бегут пионеры с носилками и метлами. В детском саду ветер разбил окно — двое мальчишек уже шагают по переулку со стеклом и замазкой.

Всякое дело — их дело. Что бы ни происходило в городе — крупное событие или маленькое, — во всем обязательно участвуют пионеры. А зайдите в школы — не увидите ни единого двоечника. Разве что случайная какая-нибудь двойка проберется в дневник к оплошавшему человеку.

И еще не увидите вы в Горловке отряда без вожатого. А вожатый чаще всего — шахтер, боевой, веселый человек. Не увидите вы и шахты без пионерского уголка, без пионерской стенгазеты на самом видном месте, где все шахтеры прочитают.

Вот какие они, горловские пионеры. О них с утра начнешь рассказывать — до вечера не кончишь. И все интересно. Да, впрочем, судите сами...

Про чай, который остыл

В проходной завода сидят две девочки из школы № 5 — смирно сидят, хотя сразу видно, что в общем хохотушки. Но завод есть завод, вахтер дядя Андрей очень строгий. Молчит и молчит. О чем думает? Кто знает! Но вот дядя Андрей хмуро глянул на часы. «Сейчас прогонит!» — думают девчонки. А он подошел к телефону и позвонил.

— Это что, — говорит, — сборочный? Мне Овсянникова Анатолия. Да. Пока перерыв, пусть забежит в проходную: люди тут к нему. Давно сидят. Видно, дело важное...

Дело и правда было важное. Девчонки пришли позвать гостей на день рождения своего отряда. Три года отряду исполнилось. Три года, как ребята стали пионерами. Кого приглашают обычно в день рождения? Ну, ко-

нечно, близких друзей. А самый близкий друг отряда — слесарно-сборочная бригада Овсянникова. Это бригада коммунистического труда. А отряд пятого «Б» — «спутник семилетки». Вот и дружат два передовых коллектива. Вместе по субботам в походы ходят. Вместе смотрят кино. Члены бригады часто заглядывают в школу, иной раз и на урок придут, посидят. Как тут у вас, друзья, с учением? Не отстаете, часом? Не позоритесь?

Нет, ребята не позорятся, здорово учится пятый «Б»!

А какой ты в работе, пятый «Б»?

Вот, пожалуйста: тополя посажены, расставлены посты в зоне. И книги распространяют ребята и спортплощадку построили, да не для себя только: носятся на ней мальчишки-футболисты со всей улицы. И металла собрали много, а по сбору бумаги они первые.

А умеешь ли ты веселиться, отряд пятого «Б»?

Ого! Еще как! Да вы сами посмотрите, когда будет школьный утренник, а еще лучше, когда придет отряд в молодежное общежитие завода.

В общем, крепкая дружба у отряда с бригадой. И, конечно, на отрядный день рождения пришли в гости к пионерам все молодые слесари, вся бригада в полном составе. Пришли нарядные, в праздничных костюмах, побритые, наутюженные. А когда отряд встал на линейку, рабочие сняли свои пиджаки и были на линейке в полной пионерской форме, потому что если вожатый коллективный, это ведь дела не меняет. Закон есть закон!

Потом ребята своих друзей за стол усадили, а на столе печенье (сами пекли) и пироги (тоже сами!). И песни новые сами разучили, да так, что каждую пришлось на бис повторять. Даже чай остыл. Ну да не в этом дело!

БОЛЬШОЙ СОВЕТ БОЛЬШОЙ ДРУЖИНЫ

Городской пионерский штаб. Он решает, какая дружина в городе лучшая. Он решает, кого послать на областной пионерский слет в Донецк. И контрольный пионерский пост на заводе, где из пионерского металла строят сорок угольных комбайнов к пионерскому сорокалетию, тоже выставлен по решению штаба. Штаб — как совет дружины, только в этой дружине пионеры не одной школы, а целого города. Дружина дружин. И штаб ими руководит. У штаба свои связные — быстроногие мальчишки, которые мигом слетают в любую школу и передадут пакет. А на пакете надпись: «Срочно. Несекретно. Прочитать громко на сборе актива». Соберутся активисты и прочитают, например, такое: «Вчера в третьем интернате ребята сажали деревья. Под одним деревом зарыт почтовый ящик. Ребята из шестого «В» положили в него письма, которые решили прочитать через 20 лет. Вырастет дерево, станут взрослыми ребята, но они все равно соберутся всем отрядом и прочитают, о чем мечтал каждый из них давно-давно, еще в школе. Интересно придумано? Расскажите об этом у себя в отрядах».

И подпись: «ГПШ» — Городской пионерский штаб.

И вот уже в другой, в третьей, в четвертой дружине ребята пишут о своих планах, близких и далеких, о своих мечтах, о том, какие они люди и что бы им хотелось сохранить всегда в своем характере, а от чего они стремятся избавиться. Пишут начистоту, без утайки: письма-то адресованы прямо в коммунизм.

Городской штаб не только шлет послания в дружины, очень часто члены штаба сами приходят туда. Четверг — день рейдов. Сегодня четверг. В какую дружину придут? Заранее этого никто не знает, и дружины наготове. Придут — все увидят, ничего не пропустят. И новую стенгазету прочитают от строчки до строчки. И карту зоны всю разглядят. Появились

ли на ней новые значки? Много ли дел успели сделать пионеры этой дружины?

Остановили четвероклассника в коридоре:

— Мальчик, сколько твой отряд лома собрал? Не знаешь? Как же так? Ты хоть бы у ребят спросил!

А в блокноты запишут: «С двухлеткой не все хорошо». И правильно запишут, потому что пионерская двухлетка — это не только общая работа, это еще и общий интерес к делу, общие для всех радости и огорчения, соревнование, борьба. Каждый должен знать, как идут дела. Каждый. А вот ведь мальчишка не знает. Плохо!

Ворчит председатель:

— Нашли у кого спрашивать! Это же Юрка, он у нас самый неактивный!

— А вы думали, пионерские дела только для активистов придуманы? — ласково спрашивает Марина Володина.

Председатель умолкает. Чего ж тут спорить? Ох, и въедливые люди в штабе! Вон Саша и Катя отправились по отрядам, с ребятами разговаривают, рассматривают отрядные уголки. А в четвертом «А» как раз сегодня заседает совет отряда. Лида, командир штаба, туда пошла, уселась на последней парте, слушает. А ребята пробирают Володьку.

— Совсем ты, Володька, заврался! — говорят ему. — Ну зачем тебе понадобилось рассказывать эту дурацкую историю про дятла? Ведь мы тебе поверили, побежали к вожатой рассказать про такой удивительный научный факт. И вся школа над нами смеялась.

Дело в том, что Володька сказал ребятам, как он летом видел в лесу дятла, у которого было сотрясение мозга. «Да, да, настоящее сотрясение, в тяжелой форме! — кричал Володька. — Попробовали бы сами так головой целый день постукаться».

Володьке поверили. А он, оказывается, все выдумал.

— Ну зачем? — возмущались ребята. — Тебе-то от этого какая польза?

— Да никакой, — пожимает плечами Володька. — Просто придумал, ведь складно получилось: вы же поверили. Это и не совсем вранье. Это так, фантастика.

Разводят руками ребята.

— Что с ним делать? — спрашивают они Лиду.

— Знаете что? — предлагает Лида. — Пошлите его в октябрятскую группу сказки малышам рассказывать. Пойдешь?

— Пойду, — соглашается Вовка. — Рассказывать я люблю, особенно про зверей про всяких. Вот, например, у меня в аквариуме карась живет — ну до чего умный карась! Чужой к нему подойдет — он отвернется. А меня увидит — улыбается и хвостом виляет...

— Вот здорово, ребята! — кричит в восхищении Витя. — Давайте пойдем прямо сейчас к Вовке смотреть того карася!

— А карася дома нет, — невозмутимо отвечает Вовка. — Он в больнице лежит. У него от холодной воды ревматизм получился.

Ребята хохочут. А Лида говорит:

— Вы только малышам объясните, что Вовка — сказочник. А то он им нарассказывает небылиц, они еще поверят.

Куличи с бумажными розами

Потеплел асфальт на тротуарах. Терриконы словно ближе к городу подступили: это воздух прозрачнее стал. Уже и листочки на тополях с гривенник, уже и мальчишки пальто забывают дома. Весна! Она и сама-то по себе праздник. А тут и Первомай и пионерское сорокалетие. Потом каникулы, лагерь...

А вот Лешка в лагерь не ездит. Лешка — вообще-то парень ничего, только слишком смирный и бабке своей ну во всем подчиняется. Не велит бабка на сбор идти — не идет, пока ребята не вытянут. Не позволяет бабка в лагерь ездить — сидит все лето в городе. А прошлой весной под пасху понес Лешка в церковь беленький узелочек с куличом. Валерка, председатель, увидел.

— Ты чего? Не ходи!

Но Лешка отвел глаза в сторону и сказал:

— Бабушка велела.

И пошел, не оглядываясь.

Вот какие дела. Неважные дела. Пионер Лешка в беде. Думай, отряд, как вызволять Лешку. Думай, да побыстрее. Листочки уж с гривенник. Скоро пасха.

Вот они потянулись по городу, бабушки с беленькими узелками, а из узелков розы: ядовито-малиновые, нахальные. Вроде безобидные с виду старушки. Но одна цепко ухватила за руку девчонку, другая — мальчишку. Идем-идем, нечего! И те идут, как дураки. Алешка тоже идет. Нехотя, а идет. Боится он свою бабку.

Вдруг на всю улицу гром барабанов. Вторя им, затрубили горны. Звонко, голосисто: колоколов не слыхать. И шагают в строю пионеры — лица ясные, галстуки вьются, и знамя на ветру размахнулось крылом. Вот они как идут! Не согнешь, не сломишь! Народ улыбается. Мальчишки и девчонки позабыли про бабушек, про куличи. Глаз не сводят с отряда, а нога сама к маршу приноравливается.

Поднял Лешка голову, смотрит на знамя, смотрит на Лиду-знаменосца. Хорошо она знамя несет, красиво, гордо. Вот бы ему, Алешке, так!

Остановился отряд. И вожатый Володя заиграл на аккордеоне. Поют ребята хорошую песню, старинную пионерскую «Взвейтесь кострами». Они поют, а прохожие подпевают. Тоже ведь, небось, пионерами были! Может, эти взрослые по делу шли, может, кто и в церковь. Шли, да не дошли. Тут остались, с пионерами. Потому что интересно, жаль уходить. И развернулось на площади веселье. Еще откуда-то ребята понабежали. В карнавальных костюмах: кто клоуном нарядился, кто чертенком. Фокусы показывают. Даже старушки засмотрелись. Ребята стараются вовсю. Женя Орлов, которому отряд поручил номера объявлять, кричит:

— Не расходитесь, самое интересное будет в конце нашей обширной программы!

Одна шустрая старушка тянет за рукав Зою Гончаренко.

— Милая, а плясать будут?

— Будут, бабуся. Обязательно. Под наш пионерский духовой.

А в сторонке стоит Лешка. Тихо стоит, чтобы бабушка не увидела. Но разве спрячешься? Вон она пальцем манит, на церковь кивает: «Идем, мол, пора». Шагнул было Лешка, а потом махнул рукой и спрятался в толпе среди ребят. Ну ее, бабку! Не пойдет с ней Лешка — и все. Пусть хоть что хочет делает, не пойдет.

Отчего плакал 5 „А“

Шел интернат на прогулку, и когда проходили мимо чужого огорода, один мальчик из пятого «А» отстал от всех — и цап помидор. Ребята не заметили, а хозяин в окошко увидел. Увидел и очень возмутился. Как же так? Воровство! А ведь над третьим интернатом красная звезда горит. Всегда горит — днем и ночью. Значит, правильный народ здесь живет. И вот — пожалуйста.

Хозяин огорода сказал: «Мне не дорог помидор. Но я этого не оставлю из принципа». И он тут же пошел к директору интерната. И еще пошел к старшей вожатой. И всем рассказал про помидор и, конечно, объяснил про принцип. А самое обидное — напомнил насчет звезды. Самое обидное потому, что вся дружина долго боролась за звание «спутника» и теперь это звание носит, и вполне заслуженно, нельзя же в этом сомневаться из-за какого-то несчастного помидора!

Когда пятый «А» вернулся с прогулки, их сразу позвали в пионерскую комнату. Там уже собрался совет коллектива: это не только ребята, но и учителя, и директор, и рабочие с шахты имени Румянцева, и даже сам начальник шахты Василий Антонович Пряхин. Потому что с шахтой дружба, а кто первым даст жару, если что не так? Ясное дело — друзья.

И вот пятый «А» стоит, глаз от пола не отрывает. А хозяин огорода уже в который раз за вечер рассказывает:

— Сижу я, значит, и гляжу в окно, отдыхаю... Дети, вижу, идут. Что ж, думаю, гуляют — хорошо. И вдруг вот этот как схватит помидор — и в карман. Ну, какое ты имеешь право чужой помидор — в карман?

Совет заседал недолго. Все сказали: «История позорная». До этого дня отряд пятого «А» считался лучшим в дружине и держал знамя горкома комсомола. Оно стояло прямо в классе — темно-красное бархатное знамя. И пятиклассники на всех переменах ставили возле него почетный караул.

«Мы отбираем у вас знамя, — решил совет. — Видно, вы до знамени не доросли».

Отряд молчал, никто не спорил, не возражал. Председатель совета отряда Миша Савченко полез в карман за платком. Маруся отвернулась к окну. Валерка и Саша терли глаза. И тут все увидели, что весь пятый «А» плачет. И кто-то выговорил сквозь слезы: «Любое наказание. Только не забирайте знамя». И весь пятый повторил то же самое.

И тут встал хозяин того помидора и сказал:

— Я прошу, не забирайте у них знамя. Нельзя ж смотреть, как переживают дети. Разве б я пошел, если бы я знал такое? Лично от себя вас прошу: оставьте знамя, они больше не будут, это факт.

Знамя у пятого «А» все равно отобрали. А дяденька очень рассердился: «Из-за несчастного помидора такая жестокость». Но Марина, председатель совета, объяснила ему: «Мы не из-за помидора, мы из принципа».

Ходит по городу трамвай

Этот трамвай — пионерский, потому что металл для него собрали ребята. Привезли металл на завод, построили рабочие трамвай и табличку блестящую приделали: «Пионер Горловки». Пошел трамвай по городу: по центральной улице, по окраинам. Прохожие любуются: новенький, блестящий, картинка, не трамвай. Потом привыкли. Входят в вагон, берут билеты, едут кому куда надо. Пионерский трамвай или еще какой — лишь бы возил.

Но однажды снова все убедились, что трамвай все-таки не какой-нибудь, а пионерский. Появилась в вагоне доска объявлений. Объявления на ней такие:

«Пропал вожатый, Коршун Владимир, с шахты «Пятая Глубокая». Не видели его уже месяц. Нашедшего просим вернуть в школу-интернат № 1».

«Меняем маленькую, тесную пионерскую комнату на большую, светлую и просторную».

«Ищу инструкторов по туризму, которых давно обещал прислать во Дворец пионеров комитет комсомола шахты «Ольга».

Городской пионерский штаб».

Прочитают пассажиры, посмеются да и задумаются. Подумают по дороге, вспомнят у себя на шахте, в райкоме комсомола или на заводе. Глядишь, и добились пионеры своего.

Бежит трамвай по улицам. Одни пассажиры вышли, вошли другие, проехали остановки две-три и тоже вышли. Прибыл трамвай на конечную остановку — устал, запылился, и на полу билеты валяются. Но подошли к трамваю ребята. На рукавах повязки с буквами «ДТ» — дежурный трамвайщик. Подметут эти ребята пол в вагонах, стекла протрут, повесят новые объявления, которые принес им утром связной городского штаба. В кабину водителя поставят свежие цветы. Ведь трамвайный круг у них в зоне, здесь хозяйничает их дружина школы № 17. А на другом конце города, где трамвай тоже делает круг, его будут приводить в порядок пионеры школы-интерната № 1. Они тоже подметут полы, обольют из шланга запыленные бока вагонов, протрут стекла, и чистый, веселый, звонкий трамвай снова побежит по городу. Смотрите все: вот он катит, пионерский трамвай, с букетом цветов в кабине вагоновожатого.

***

Выходит — как же? Необыкновенные ребята в Горловке? Вроде бы и да. А все же они самые что ни на есть обыкновенные мальчишки и девчонки, такие же, как ты и твой сосед по парте и те, кто живет с тобой в одном дворе. Точно такие же. А ведь сумели сделать свой город, свою Горловку боевым пионерским городом! Они сумели, и ты сумеешь. Только постарайся, и получится. Вот увидишь!

ПИОНЕРСКИЙ ГАЛСТУК РЭТ

Эльмар ПЛООМ

Рисунки Е. Медведева.

Мне очень нравится эта школа. И всегда, бывая здесь, я невольно вспоминаю годы моего учения, когда меня, деревенского мальчишку, отдали в городскую гимназию. Жил я на квартире у пьяницы сапожника. Учить уроки приходилось, забившись в угол комнаты, в которой густо висел табачный дым и ругань. А еда у меня была — горбушка хлеба да чашка чая...

Но не об этом я собирался говорить. Мне хотелось рассказать историю Рэт, историю веснушчатой тринадцатилетней девочки с каштановой косой. Девочка вбежала в кабинет директора школы-интерната как раз в тот момент, когда я уже собрался уходить. Глаза ее были наполнены страхом. Мне показалось, что она дрожит.

— Что с тобой, Рэт? — спросил директор.

— Она опять здесь! Стоит в воротах школы!

— Бабушка?

Девочка кивнула головой.

Ее худенькие плечи вздрагивали, и она едва сдерживала слезы.

— Не обращай на нее внимания... Иди в свою комнату и читай! Ты ведь у нас молодчина! — сказал директор.

— Я не могу. Она все время просит, чтоб меня вызвали. А я как только подумаю о ней, делается страшно.

— Ну, Рэт! Ты ведь сама говорила, что когда у тебя на шее пионерский галстук, ты ничего не боишься. Что тогда ты такая же сильная, как твой отец. Говорила?

— Говорила.

— Ну, а теперь ступай. Не бойся. Ее не пустят в школу, она уедет вечерним автобусом.

Рэт подняла глаза, улыбнулась застенчиво и виновато и вышла из комнаты.

Директор поднялся и отдернул с окна гардину:

— Смотрите!

У ворот школы стояла женщина, одетая с головы до ног в черное. Старая, но еще сильная и прямая, она казалась совсем неподвижной. Словно призрак из какой-то страшной сказки. А по эту сторону ограды носились неугомонные ребята.

— Это бабушка Рэт,— сказал директор, и гардина с легким шелестом снова закрыла окно.— Если хотите, я расскажу вам историю Рэт.

Случилось это прошлой весной. Тогда я преподавал в Тарту. Как-то погожим солнечным днем мы поехали с пятыми классами в южную часть Вырумаа. Остановились мы в школе, где был хороший музей достопримечательностей нашего края.

Рассматривая экспонаты, я задержался у какой-то витрины в первом зале. Вдруг ко мне подбежала одна девочка и шепнула:

— Рэт плохо...

— Что с ней? — спросил я.

— Плачет.

Я поспешил в другую комнату. У одной из витрин, стояла окруженная испуганными ребятами Рэт. Она плакала и повторяла:

— Отдайте мне этот галстук! Он ведь мой!

Руководитель музея стоял рядом в полной растерянности. Увидев меня, Рэт сказала:

— Я нашла своего отца и мать. Этот галстук мой. Пожалуйста, отдайте его мне!

— Но ведь ты, Рэт, не пионерка,— осторожно сказал один из ее одноклассников.

— Теперь пионерка! — твердо ответила Рэт.

Она смотрела на витрину, где под стеклом рядом с красным пионерским галстуком лежала фотография мужчины и молодой женщины.

Нагнувшись, я прочел вслух печатный текст:

«Яан и Лейда Соосар. Они были убиты бандитами — буржуазными националистами в 1947 году, когда ночью возвращались из города в родную деревню. Их убили за то, что они боролись за Советскую власть, за лучшее будущее своей страны и своего народа. Этот пионерский галстук Яан Соосар купил в городе в день своей гибели. Покупая его, он сказал продавщице: «Это я для нашей маленькой Рэт, ведь мы ее с первых дней жизни растим пионеркой»... Галстук был найден в кармане у Соосара».

— У бабушки дома есть такие же фотографии,— тихо сказала Рэт.

Она получила свой галстук и прижала его к груди. В глазах ее светились гордость и благодарность...

Директор замолчал на минуту. Потом, пытаясь скрыть волнение, он продолжал:

— Оставшись как-то с Рэт вдвоем, я осторожно спросил: — Разве ты раньше ничего не знала о судьбе твоих родителей?

— Знала,— ответила Рэт.— Мне сказали, что они очень плохие люди, что дьявол заманил их на дорогу греха, а отец небесный послал им смерть...

— Кто это тебе сказал?

— Бабушка... Я живу у нее.

— Почему она тебя обманула?

— Не знаю... Бабушка не может простить своей покойной дочери, что она была комсомолкой и ушла из дому с моим отцом. А у бабушки был большой хутор и много слуг. Теперь я должна вместе с нею просить бога, чтобы он вернул обратно хутор и слуг. Если я буду молиться, боженька простит моему отцу и маме все грехи, и они станут ангелами.

— А ты в это веришь? Ты веришь в бога?

— Нет,— сказала Рэт.— Я не верю ни в бога, ни в ангелов.— И грустно добавила: — Если я не хочу молиться и не иду в церковь, бабушка оставляет меня голодной и таскает за волосы. Я даже сплю в кухне на скамейке. А под скамейкой ночью скребутся мыши... И мне нельзя было вступать в пионеры. Но теперь я обязательно стану пионеркой.

— А что же ты скажешь бабушке, Рэт?

Рэт задумалась на мгновение и ответила:

— Скажу, что я дочь своего отца и своей матери.

Вернувшись обратно в Тарту, я весь вечер думал о Рэт и ее завтрашнем дне. Было ясно, что нельзя больше оставлять девочку у бабушки. Мои размышления были прерваны звонком. За дверью на лестнице стояла она сама. На шее у нее был повязан красный галстук. Никогда раньше я не видел Рэт такой. В ее глазах появилось что-то смелое, почти торжественное. Все это было и в ее голосе, когда она сказала:

— Я не отдала ей свой пионерский галстук!

— Кому?

— Бабушке! Она сказала, что я должна сжечь его, или она меня не пустит в дом... Тогда я ушла. Я ходила по городу и теперь... Мне некуда идти...

Она говорила, а сама улыбалась. Скажите, откуда взяла она, эта усталая, голодная и бездомная девочка, такую улыбку? Радостную и смелую. Может быть, она чувствовала и догадывалась, что с нею Родина, забота и любовь всего народа, что все в жизни принадлежит ей?!

— Что же было потом? — спросил я.

— Последние дни учебного года Рэт жила у меня, а лето впервые провела в пионерском лагере. Прошлой осенью меня назначили директором школы-интерната, и я взял с собой Рэт. Она хорошая, умная девочка. Но бабка все-таки не оставляет ее в покое. Конечно, все ее попытки напрасны, но они мешают Рэт, у которой больше нет ничего общего ни с этой женщиной, ни с ее миром.

...Когда я вышел из школы-интерната, мне показалось, что, несмотря на спускавшиеся вечерние сумерки, было как-то особенно светло и тепло. Не потому ли, что за воротами уже не стояла женщина в черном, и не потому ли, что я знал: где-то здесь, среди других детей, бегает веселая девочка в пионерском галстуке? Девочка, которую никто не сможет увести с ее прямой и широкой дороги, дороги в жизнь.

Перевел с эстонского Г. Муравин.

ПОДАРКИ ТЕАТРАМ И ПОДАРКИ ТЕАТРОВ

Знаете ли вы, ребята, что многие детские театры получают подарки к пионерскому юбилею? Вполне понятно, ведь они же **детские, ваши!** Празднуют новоселье: Рязанский ТЮЗ, Московский кукольный театр, Краснодарский кукольный театр...

А САМАЯ БОЛЬШАЯ РАДОСТЬ

у Ленинградского ТЮЗа. Он получает здание, построенное по проекту Александра Александровича **БРЯНЦЕВА,** чудесного друга юных ленинградцев, замечательного режиссера и создателя этого театра.

НОВОСЕЛЬЕ ТЮЗа СОСТОИТСЯ 19 МАЯ

ТЮЗ в этот день покажет в своем новом доме, на новой сцене, новую постановку пьесы «Именем революции».

Само собой разумеется, что **все детские театры** по всей стране **готовят** к пионерскому сорокалетию **подарки своим зрителям.**

Все детские театры страны подготовили

НОВЫЕ СПЕКТАКЛИ,

в том числе «Приключения Кроша», «Капитанская дочка», «Маугли».

И ВЗРОСЛЫЕ ТЕАТРЫ ПРИГОТОВИЛИ ПОДАРКИ!

Театр имени Ленинского комсомола — «Ночное чудо», пьесу про пионера-героя Валю Котика; МХАТ — сказку «Три толстяка»; Театр Моссовета — тоже сказку «Когда часы пробили полночь»; Центральный театр кукол — «Мистер Твистер»; Театр имени Станиславского и Немировича-Данченко — балетный спектакль «Золотой ключик».

Восемь новых спектаклей для детей идет во взрослых театрах Москвы!

Наш театр считается «взрослым». Но сказать вам, ребята, по секрету, все взрослые заранее придумывали, что бы такое самое интересное подарить вам к празднику, к пионерскому юбилею.

И мы тоже придумывали. И решили: подарить ребятам радость. Радость встречи с героем любимой детской сказки, веселым, смелым и отважным Буратино.

Но радость — такая вещь, которую не запакуешь в конверт или чемодан и не отправишь по почте, и поэтому мы приглашаем вас всех на наш новый спектакль — балет «Золотой ключик».

Н. ГРИШИНА, балетмейстер Театра имени народных артистов К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

Буратино
пришел
в балет

Вот он, новый Дворец пионеров на Ленинских горах!
Посмотри внимательно на рисунок, и ты увидишь, сколько увлекательных дел ждет

пионеров в новом Дворце. Тебе еще интереснее будет рассматривать этот рисунок, когда ты прочитаешь в нашем журнале очерк А. Жуковой «Мой дворец».

Рисунок Г. Саевича.

ХОРОШО!

Дружить с солнцем, ветром, водой...

Чувствовать силу и упругость своих мускулов...

Словно на крыльях, мчаться в стремительном беге по гаревой дорожке...

Побеждать в веселой теннисной дуэли, где оружие — ракета и мячик, и в водном поло — игре, достойной Ихтиандра, и в битве мяча против корзины, и во всех видах пионерского четырехборья...

Лето на пороге. Готов ли ты, пионер?

Фото А. Бочинина.

Бабкина выучка

РАССКАЗ

Юрий КАЧАЕВ

Рисунки Н. Цейтлина.

Мальчишки были рослые, а Степка был один. Он сразу смекнул, что драться с двоими не мед пить. Однако держался с достоинством. У одного из нападавших не хватало трех передних зубов. Он-то первым и привязался к Степке.

— Ты лучше не лезь,— сказал Степка Щербатому.— Я ведь тебе и остальные могу выбить. Чем тогда жевать будешь?

Тут Щербатый дал Степке по загривку. Степка засопел, но с места не двинулся.

— Съел?— спросил Щербатый.— А сейчас мы из тебя рамштекс сделаем.

Степка не успел еще поразмыслить, что такое рамштекс, как Щербатый мазнул ему рукой по губам и сам же издал звук:

— Брум! Эх ты, деревня!

Степка засопел еще чаще и, изловчившись, треснул Щербатого по уху. Щербатый отлетел в сторону, а через секунду Степка уже отбивался от четырех кулаков. В это время чей-то голос сказал:

— Надо полагать, это последний раунд?

— Последний,— сказал Щербатый и вытер рукавом нос.— Вы думаете, это я полез? Это он сам полез.

— Вижу. Парень силен, один на двоих задрался.

В голосе мужчины звучала насмешка. Потом он сказал другим тоном:

— Знаешь, Володька, если бы соревнования были через полмесяца, я бы выгнал тебя из команды. Честно.

— Да,— сказал Щербатый,— и проиграли бы сельским.

— Ты пуп,— вздохнул мужчина.

— Чего-о?

— Пуп земли, вот чего.

Мужчина повернулся к Степке.

— А ты откуда взялся?

— Из Мариновки. Я на соревнования приехал.

— И куда же ты держишь путь?

— В этот... в тир.

— Ты стрелок?

— Да. Хочу маленько потренироваться.

— Тренер вашей сборной болен,— сказал мужчина.— Так что обе команды тренировать буду я. Пойдем посмотрим, как ты стреляешь.

Мужчина стал подниматься на крыльцо тира. Он был высокий и плечистый, только одна нога у него волочилась и как-то странно постукивала. Следом за ним поплелся Щербатый со своим приятелем. Степка вошел в тир последним и осторожно прикрыл за собою дверь.

В тире было на что посмотреть. Сначала Степка увидел в стояках ровные ряды настоящих боевых винтовок. Они были самые заметные. Рядом с ними мелкокалиберные «тозовки» казались карликами.

А еще на полках тускло и грозно посвечивали револьверы всех систем.

— Закрой рот,— сказал Степке Щербатый.

Не обратив на него внимания, Степка подошел к стояку и потрогал пальцем ствол боевой винтовки. Ствол был холодный и чуть влажный от масла.

— Вот тебе винтовка,— подходя, сказал мужчина и протянул Степке «тозовку».— Бьет хорошо, не беспокойся. Сам пристреливал.

Они прошли на небольшой полигон, обнесенный со всех сторон толстыми бревнами.

— Лежа или как? — спросил Степка.

— Сперва лежа,— сказал мужчина. Он расстелил на земле мешковину и кивнул Степке: — Давай!

Степка достал из коробки патрон и вогнал в ствол.

На противоположной стене висело четыре мишени.

— В какую бить? — спросил Степка.

— В правую крайнюю,— сказал мужчина.

Степка стрелял, почти не целясь. Сухие щелчки выстрелов следовали один за другим. Щербатый стоял рядом и кривил губы. Когда Степка выстрелил в последний раз, Щербатый и его приятель сорвались с места и бросились к мишени. За ними, волоча правую ногу, пошел тренер. Они долго стояли у мишени и о чем-то спорили.

— Брехня! — долетал до Степки голос Володьки.— Подумаешь, десятка изорвана. Этим еще ничего не докажешь!

Тренер подошел к Степке немного смущенный.

— Да, брат,— сказал он.— Кажется, в яблочке восемь пуль. Две попали в девятку. Итого девяносто восемь очков!

— Девяносто восемь очков! — сказал Щербатый.— Да, может, он четырьмя десятку порвал, а остальные — в белый свет, как в копеечку!

Степка молчал.

— Ну, чего молчишь? — крикнул Володька.— Скажешь, я вру?

— Врешь,— сказал Степка и взял винтовку.— Левые мишени чистые. Смотри.

Степка стрелял стоя, три раза, переводя мушку с одной мишени на другую. Все пули попали в десятки.

Тренер подошел к Степке и протянул руку:

— Ну, будем знакомы. Я Андрей Петрович.

Ладонь у тренера была широкая и жесткая.

— Я тоже Петрович,— сказал Степка и засмеялся.— Зовут Степкой. А по фамилии Сбоев.

— Можно вас на минуту? — Щербатый отвел тренера в сторону. Там он что-то зашептал Андрею Петровичу на ухо. Тренер слушал молча и усмехался.

— Попробуй,— сказал он наконец Володьке.— Только не кажется тебе, что это не очень... по-товарищески?

— Подумаешь! — пожал плечами тот.— Да его же никто из сельских не знает.

— Ну-ну, попробуй,— повторил Андрей Петрович и испытующе поглядел на Степку.

— Слушай, ты.— Щербатый подошел к Степке.— У тебя дома ружье есть?

— Ну, есть. Старое.

— А хочешь новенькую централку?

— Ты надо мной не смейся,— сказал Степка.— Я этих шуток не люблю.

— А я и не смеюсь.— Щербатый нагнулся к Степке.— Если будешь выступать за нашу команду, централка твоя. Ну?

— Вы на самом деле? — спросил Степка и посмотрел на тренера.

Андрей Петрович кивнул.

— Володька говорит: сложимся по пятерке и купим. Думай.

Степка молчал. Лицо у него было растерянное и глупое. Он думал. Щербатый подмигнул тренеру: «Клюет!» Но тут Степка поднял глаза, и в них мелькнула откровенная издевка:

— А велосипед купите?

Щербатый опешил.

— Велосипед?! Да ты что, сдурел?

— Ну, а за ружье ребят продавать я несогласный.

Тренер хлопнул себя по коленям и вдруг захохотал так, что Степка испуганно присел. Насмеявшись до слез, Андрей Петрович сказал Щербатому:

— Один ноль в твою пользу, Володенька. И запомни на всю жизнь: продается далеко не все. Эх ты, купчик!

Он по-военному повернулся на каблуках и, не прощаясь, вышел из тира.

* * *

На другой день съехалась почти вся сборная команда сельских пионеров и начались тренировки. За каждым участником соревнований была закреплена своя винтовка.

На первых же стрельбах оказалось, что сельская команда подготовлена слабее. Правда, у нее отдельные результаты были выше, но командное преимущество склонялось явно на сторону сборной города. Тогда же выяснилось, что на личное первенство идут двое: Володька Ельцов из городской сборной и Степка Сбоев из Мариновки.

Пристреляв свою винтовку, Степка больше не тренировался. Зато Ельцов каждый раз изводил столько патронов, что Степка, привыкший дома экономить каждый заряд, однажды сказал ему:

— Брось. А то руки дрожать будут.

Володька свирепо огрызнулся и продолжал палить в мишени. Из тира он всегда уходил последним.

Ребята посмеивались:

— Проигрыша Ельцу не пережить. Конченый человек.

Накануне соревнований, вечером, Степка Сбоев произнес перед своей командой краткую речь:

— Сегодня никакой возни и побасенок. Всем спать. Сейчас я погашу свет.

Команда долго лежала в темноте и молчала. Потом кто-то спросил:

— Степ, а где ты так стрелять навострился?

Степка не отвечал.

— У него отец охотник,— сказал Степкин сосед.

— Ври больше,— отозвался наконец Степка.— Это у меня бабкина выучка. Бабка когда-то первейшим охотником числилась. В войну. Тогда мужиков-то совсем не было. А бабка по двадцать соболей за одну осень добывала. Это для государства чистые деньги, валюта называется.

— Бабка что надо,— вставил чей-то голос.

— Да,— согласился Степка,— она и сейчас меня в узде держит. Если, говорит, человеку тринадцать лет, а он ничего не умеет, даже картошки себе сварить,— значит, такой человек трутень. Плюнуть на него и растереть.— И без всякого перехода Степка добавил: — А теперь спать надо.

* * *

Утро было прохладное и ясное. Такие утра всегда бывают в Сибири в самом конце сентября.

По улицам города уже громыхали тяжелые лесовозы, машины с белыми цистернами, на которых было написано «Молоко», сновали легковые всех мастей, и спешили на работу люди. От нагретых тротуаров пахло пылью и солнцем.

Степкина команда явилась в тир первой. Потом пришли городские ребята и, наконец, судейская коллегия.

— Вон тот, толстый, в очках,— председатель ДОСААФ,— шепнул Степке кто-то из городских.— А эти двое — из райкома комсомола.

— Приготовиться городской сборной! — скомандовал председатель.

Городские разобрали свои винтовки и заняли места.

— Можно начинать,— сказал председатель.

Через секунду вразброд захлопали выстрелы. Скоро городская команда отстрелялась. Ждали одного Володьку Ельцова. Каждый раз он целился так долго и старательно, словно стрелял в яблоко на голове родного брата. Степка видел со стороны его бледное лицо и закушенную губу.

Наконец прозвучал последний Володькин выстрел, и судьи отправились к мишеням. Первым с полигона вернулся Андрей Петрович и, потирая руки, сказал городским ребятам:

— Поздравлять вас еще рано, но результат не плохой: из восьмисот возможных — шестьсот тридцать два очка.

— А у меня? — хриплым голосом спросил Володька.

— У тебя девяносто три.

Володька облегченно вздохнул и покосился на Степку.

Степка почему-то заволновался. Но когда он лег на свое место, когда почувствовал щекой привычный холодок приклада, пришло спокойствие. Патрон в стволе, мушка медленно ползет вверх и будто примерзает под яблочком мишени. Затем плавный, чуть заметный нажим пальца. Хлопки соседних выстрелов слышатся громче, чем свои. И снова, упершись под яблочко, замирает мушка...

Один за другим звучат последние выстрелы. Но никто не встает с места, чтобы не мешать товарищу.

Результат сельской сборной никого не удивил: шестьсот одиннадцать очков. Но когда Андрей Петрович объявил, что Степка Сбоев набрал пятьдесят два очка, ребята не поверили своим ушам. Сбоев — пятьдесят два очка?!

Степка стоял с опущенной головой, и уши у него пылали.

— Что же ты, брат? — тихо, как больному, сказал ему Андрей Петрович.— Волновался, что ли?

— Я не знаю,— еще тише ответил Степка.

А председатель ДОСААФ уже зачитывал результаты.

— Итак, товарищи, по количеству очков городская сборная вышла на первое место. От всей души поздравляю вас!

Все захлопали.

— Личное первенство завоевал Владимир Ельцов, капитан городской сборной.

— Ну, ты не горюй, Степан,— сказал Андрей Петрович. В соревнованиях ведь всякое бывает.

Он взял у Степки винтовку и машинально повертел ее в руках. Вдруг взгляд его стал пристальным и цепким. Потом на лице тренера появилось недоумение.

— Что? —спросил Степка.— Что случилось?

— Номер винтовки. Где ты ее взял?

Степка изумленно уставился на тренера.

— Та-ак, кажется, я начинаю понимать,— сказал Андрей Петрович. Не выпуская винтовку из рук, он быстро прошел к судейскому столу и с минуту в упор разглядывал участников соревнования. Потом медленно сказал:

— Спортсмен не может быть подлым по отношению к своим товарищам. Один из вас знает, о чем я говорю.

Судьи и ребята удивленно смотрели на тренера.

— А в чем, собственно, дело? — спросил председатель.

— Дело в том, что кто-то заменил винтовку Сбоева. Эта винтовка,— Андрей Петрович поднял руку,— эта винтовка лежала в ящике. Она не пристреляна.

Стало очень тихо. Так тихо, что было слышно, как поскрипывал судейский стол.

— Вы знаете, кто это сделал? — спросил председатель.

— Знаю,— сказал Андрей Петрович.— Но пусть этот человек сознается сам.

И опять невыносимое, гробовое молчание.

— Этот человек — Владимир Ельцов.— Голос Андрея Петровича прозвучал, как удар бича.

— А вы видели? — негромко спросил вдруг Володька.— Тогда докажите.

— Я ничего не буду доказывать, Ельцов,— сказал Андрей Петрович.

На Володьку смотрели десятки глаз, и он не выдержал:

— Ребята,— шепотом сказал он.— Я... ведь вы... я никог-да...

Ребята молчали.

Тогда Володька замотал головой и пошел к выходу. Хлопнула дверь. Все зашумели. Только Степка стоял и глядел в пол.

Андрей Петрович положил ему на плечо руку.

— Противно и тяжело, Степан. Я понимаю,— сказал он.— Соревнования мы переиграем. А ему этот урок на пользу. Ты мне веришь?

— Верю,— по-прежнему не поднимая глаз,— сказал Степка.— Только разве в соревнованиях дело... Мне сейчас не до стрельбы.

Горят над городом пионерские звезды

Необыкновенный Город мы не придумали. Он существует на самом деле и на большой карте Советского Союза носит простое, всем известное название — Горловка. А это значит, что любой город нашей страны может стать особенным, необыкновенным, если ребята там отбросят равнодушие, скуку, лень и примутся за дело — настоящее, пионерское!

Пионерский салют всем юным ленинцам нашей Отчизны!

Вместе с нами, пионерами Горловки, славный юбилей празднует весь наш город. Ведь мы дружим с горсоветом и стройуправлением, с рабочими клубами и магазинами. С шахтами и почтой, с домоуправлениями и красными уголками. Дружим и работаем вместе.

По улицам бегут трамваи с пионерскими значками, отправляются в путь эшелоны пионерского металла, зеленеют деревца пионерского парка имени Юрия Гагарина, хорошеют школы, отремонтированные нашими руками.

Во всех делах мы стараемся помогать взрослым. Вместе с ними мы делаем наш город еще краше.

Днем и ночью горят над нашим городом пятиконечные звезды. Их зажгли лучшие дружины — спутники семилетки.

Городской пионерский штаб

г. Горловка.

„Правде" 50 лет

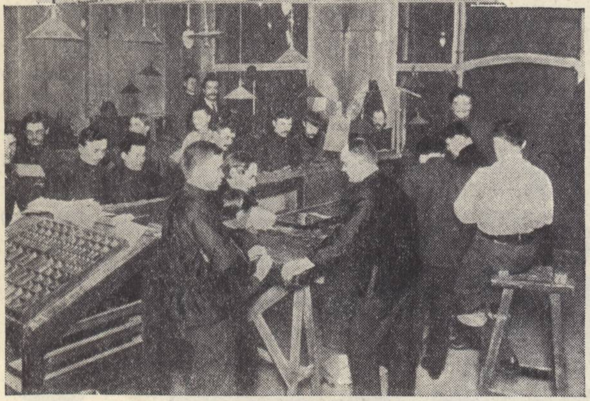

ПРАВДА

Годъ изданія первый.

ЕЖЕДНЕВНАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

ЦѢНА 2 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ „ПРАВДА"

5 мая 1962 года — замечательный день для советской печати, для всей нашей страны. В этот день родилась «Правда». Пятьдесят лет назад — 5 мая 1912 года — вышел в свет ее первый номер.

Выход «Правды» был грандиозным событием. Впервые у русских рабочих появилась своя ежедневная газета. Любимое детище Ленина, большевистская «Правда» призывала на борьбу. Она горячо защищала интересы рабочего класса, и рабочие от всей души жертвовали на ее организацию свою трудовую копейку.

Вы видите здесь первый номер газеты. А вот тесный, небольшой цех, где типографские рабочие, сидя у старинных «касс», набирали статьи первых номеров газеты.

Это были энтузиасты: набирать и распространять «Правду» в те времена было рискованно. Все вы, должно быть, помните страницы из книги В. Катаева «Волны Черного моря», рассказывающие о том, как трудно было Пете и Гаврику разносить первый номер «Правды».

Нередко редакции приходилось даже менять название газеты: то она называлась «Пролетарий», то «Листок «Правды», то «Рабочий», то «Рабочий и солдат».

Только в семнадцатом году «Правда», как вы видите на фотографии, стала продаваться вполне открыто. На полосах «Правды» печатаются первые исторические декреты Советской власти, статьи и речи Ленина.

На фотографии — Владимир Ильич читает «Правду». По его собственным словам, он в тот период писал в газету почти ежедневно.

Всмотритесь в заголовки, которые вы видите на фотографиях: всю историю революции, всю жизнь страны видишь как на ладони, перелистывая страницы «Правды». Она зовет на борьбу с белогвардейщиной, с голодом, с беспризорностью, с разрухой, с тифом, с неграмотностью, с фашизмом. Она зовет на подвиг, рассказывает о победах в труде, в бою, в освоении космоса.

В мае 1945 года вышел десятитысячный номер газеты. На соседней странице вы видите рисунок художников Кукрыниксов. Они изобразили в этот юбилейный день «Правду» в виде поезда-экспресса, сбрасывающего с путей фашистскую нечисть.

В наши дни "Правда" печатается в огромной типографии, оборудованной по последнему слову техники. На фотографии справа — новый наборный цех "Правды"; сравните его с тем, где набиралась газета раньше.

Газета "Правда" — по-прежнему великий организатор народа. С ее страниц мы узнаем обо всем значительном, что происходит у нас в стране и во всем мире.

Славный путь прошла за пятьдесят лет большевистская «Правда». Еще более светлый, широкий путь открывается перед ней впереди.

РАБОЧІЙ и СОЛДАТЪ

РАБОЧИМЪ, СОЛДАТАМЪ и КРЕСТЬЯНАМЪ!

Солдаты, окажите активное противодѣйствіе корниловцу Керенскому! Будьте на сторожѣ!

Желѣзнодорожники, останавливайте всѣ эшелоны, посылаемые Керенскимъ на Петроградъ!

Солдаты, рабочіе, служащіе, въ вашихъ рукахъ судьба революціи и судьба демократическаго мира!

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РЕВОЛЮЦІЯ!

ПРАВДА

КЪ ОРУЖІЮ!

Соціалистическое отечество въ опасности!

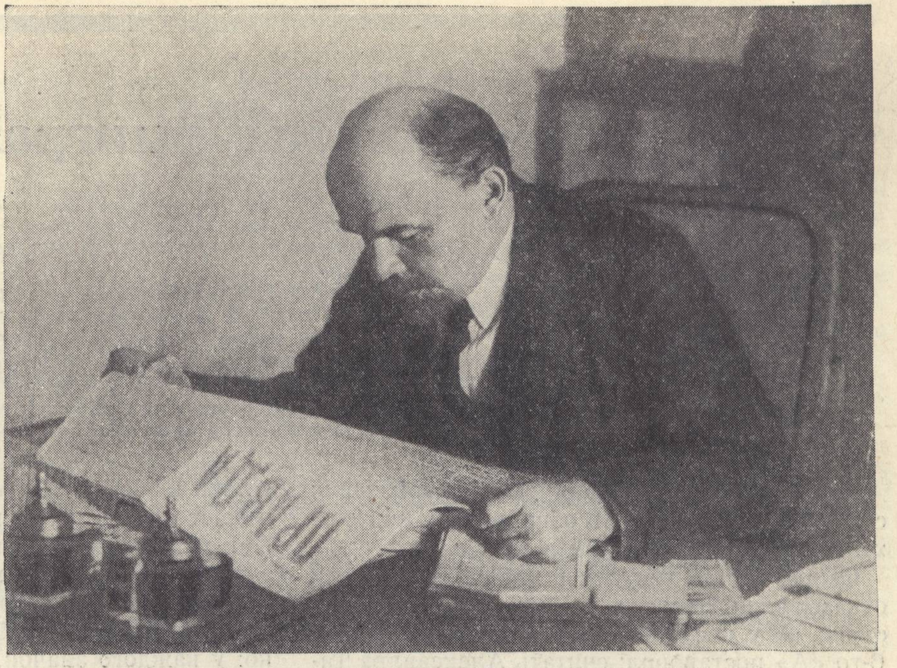
ПРАВДА

На помощь беспризорным детям.

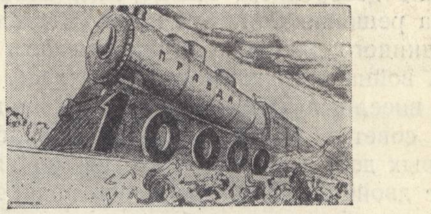
Первое организационное собрание «Друзей детей»

В московской губкомиссии помощи детям.

ВЕЛИКОЕ СОБЫТИЕ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!

ПРАВДА

12

ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК

К КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И НАРОДАМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА! К НАРОДАМ И ПРАВИТЕЛЬСТВАМ ВСЕХ СТРАН! КО ВСЕМУ ПРОГРЕССИВНОМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ!

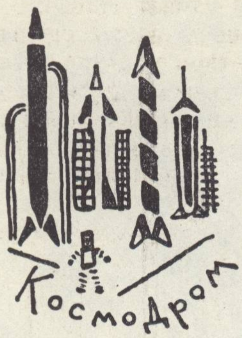
Обращение Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и правительства Советского Союза

майору ГАГАРИНУ Юрию Алексеевичу

Из биографии героя

О ПЕРВОМ В МИРЕ ПОЛЕТЕ ЧЕЛОВЕКА В КОСМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

СЛАВА СОВЕТСКИМ УЧЕНЫМ, КОНСТРУКТОРАМ, ИНЖЕНЕРАМ, ТЕХНИКАМ И РАБОЧИМ—ПОКОРИТЕЛЯМ КОСМОСА!

Как мы выиграли войну

Каждый день с нашего Космодрома выходят на орбиту новые спутники.

Попасть на Космодром мечтает каждый житель Страны Краснозвездных Школ. Но дорога туда нелегкая. Тот, кто вступил на нее, должен преодолеть пустыню Равнодушия, миновать пропасть Эгоизма, пробраться через болото Трусости. Но может случиться, что на пути у самых боевых ребят, смелых и веселых выдумщиков встанет Двойка. Каждый шаг к Космосу завоевывают с боем!

...Шел суд. Прокурор долго произносил свою речь. А защищать обвиняемого никто не хотел. Он стоял надутый и красный.

Сашка всегда тянулся в хвосте: от помощи отказывался, получал двойки и подводил весь отряд. А у нас шла война с двойкой. И суд 6-го «А» постановил: считать Александра Тащенко дезертиром. Пионерская почта доставила решение Сашиной маме. Постепенно из Сашкиного дневника стали исчезать двойки.

А война в дружине продолжалась. В классах висели плакаты «Двойка — наш враг». На советах отрядов разрабатывался план боевых действий. Всем, кто не мог справиться с двойкой сам, выделялось подкрепление.

Итоги сражения объявлялись на общей школьной линейке. Победителю вручался вымпел «У нас нет двоек». Сначала его вручали каждый день, а к концу третьей четверти — раз в неделю.

Учебный год дружина закончила без двоек — так мы выиграли войну.

Но мы не только воюем с двойками. Хороших дел у нас в дружине много!

...— Стекла вставляем! — кричат мальчишки из БПД. Настоящим алмазом они вырезают стекло и вставляют в большую раму. Потом забивают маленькие гвоздики и промазывают стекло. Ремонт надежный!

БПД — это «Бригада полезных дел». Так зовут мальчишек из 5-го «А». Найти их легко: у каждого значок, а на нем — пила и молоток.

Есть свои заботы и у четвероклассников. У них целое хозяйство — книжная лечебница. После уроков они надевают белые халаты и начинают прием «больных»: делают книжкам новые переплеты, стирают кляксы, подклеивают.

Ведем раскопки на Нижне-Гниловском городище, ходим в далекие походы, каждую весну проводим туристские слеты и соревнования — много интересного в нашей дружине. Обо всем не расскажешь. Но хочется сказать о самом главном: вот уже год над нашей школой днем и ночью горит красная звезда. Наша дружина первая в области стала дружиной — спутником семилетки.

Люда Казьменко, председатель совета отряда 7-го класса «А» 61-й школы

г. Ростов

Так интереснее!

На нашей карте только кусочек Дороги Дружбы. Мы нарочно не стали рисовать ее всю целиком: ведь Дружба, как известно, границ не знает. Но каждый, кто вступил однажды на Дорогу Дружбы, скажет: дорога эта самая верная и необходимая в жизни.

Волейбольная команда нашего интерната в областных соревнованиях заняла первое место. В интернате праздник! Это понятно, а вот почему так радуются этой победе ребята из другой школы — Гуменской начальной? Потому, что эта школа стала нашим большим другом. Пионеров там так мало, что и дружины даже не было. Каждый сам по себе. А у нас дружина большая, вот мы и предложили ребятам из Гумени:

— Давайте работать вместе! Так интереснее!

Интереснее вместе отдыхать и веселиться, готовить концерты и спектакли. Интереснее вместе работать на воскресниках и на стройке, ходить в походы.

До сих пор мы вспоминаем наш общий большой праздник в честь 90-летия со дня рождения В. И. Ленина.

У памятника Ленину торжественно принимали в пионеры октябрят обеих школ. Первые пионеры Старого Оскола вручали вымпелы отрядам — спутникам семилетки. А потом все пели любимые песни Ильича. На территории школ и на улице Ленина мы вместе посадили деревья. Это был наш коммунистический субботник памяти Ильича.

Весь день пионеры нашей сводной дружины стояли в почетном карауле у знамени.

Этот день сделал нашу дружбу еще крепче. Когда третьеклассники начальной школы перешли в 4-й класс, мы радовались этому не меньше гуменцев. Ведь это — наше общее пионерское дело!

Совет дружины школы-интерната

Белгородская область,
г. Старый Оскол

Карпаты! Карпаты! В путь дальний зовут!

Край Нехоженых Троп! Ну, конечно, это край романтиков и искателей. Тех, кого манят дороги, кто любит походные песни, привалы у костра, рассветы в лесу.

Нет в этом Крае нытиков, болтунов, лентяев, плохих товарищей. По Нехоженым Тропам шагают люди веселые, энергичные и неутомимые.

На наших самодельных картах линии всех цветов радуги расходятся от Львова в разные стороны. Это маршруты походов.

Изучать природу и богатства Карпат, знакомиться с новостройками семилетки — такое задание получил во время третьей всесоюзной экспедиции наш отряд. Где только мы не побывали! На соляных копях Стебника, на предприятиях-гигантах Николаева и Роздола, на нефтяных промыслах Борислава, в колхозах и совхозах.

Недавно мы были на угольной шахте № 2 Львовско-Волынской кочегарки. Эта шахта — одна из лучших в бассейне. Здесь мы познакомились с настоящими шахтерами. На память они подарили нам шахтерскую лампочку.

Никогда не забудется нам поход в Закарпатье, на озеро Синевир. Мы шли по новому, еще не изведанному маршруту. Последние тридцать пять километров крутого подъема показались особенно трудными. Но вот горы расступились, и впереди блеснула светлая полоска воды. В глубокой чаше покоилось озеро. Вечернее небо отражалось в неподвижной воде. Было красиво, как в сказке. Недаром Синевир называют «Морским оком».

Вечером у костра родилась новая песня.

Карпаты! Карпаты!
Родные Карпаты нас ждут.
Карпаты! Карпаты!
В путь дальний зовут!

Уходить не хотелось. Но у туристов впереди всегда много нехоженых троп!

Экспедиционный отряд средней школы № 9

г. Львов

Дорога на Синевир.

Кадр из фильма «Улица младшего сына»: Володя в каменоломне, под землей, обнаруживает памятку отца.

Вы увидите Володю Дубинина

Лев КАССИЛЬ

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Мы никогда не встречались с Володей Дубининым. Но с того дня, когда впервые увидели на одной из центральных улиц города Керчи табличку с надписью: «Улица Володи Дубинина»,— принялись настойчиво искать встречи со всеми, кто знал славного керченского пионера. Хотелось расспросить о нем как можно подробнее, услышать от Володиных друзей, каким он был в жизни.

Не один год прошел, пока мы выспросили у старших и младших товарищей Володи Дубинина все, что нам хотелось узнать. И вскоре нам самим уже казалось, будто не раз виделись с Володей.

Так была написана много лет назад повесть «Улица младшего сына», в которой мы попытались рассказать о короткой жизни, об удивительных подвигах Володи Дубинина. И хотя нам самим никогда не доводилось видеть Володю Дубинина, мы так подробно узнали чуть ли не про каждый день его жизни в мирное и военное время, так ясно представили себе его, пересмотрев множество фотографий, подробно записав все рассказанное людьми, которые помнили Володю, что обоим нам давно уже не верится: неужели мы не встречались на самом деле с Володей?..

Очень часто мы слышим и от наших читателей: «Вы когда-нибудь видели сами Володю?.. А каким он был?»

И мы понимаем, как важно ребятам узнать подробнее о герое керченских каменоломен, как хотелось бы своими глазами поглядеть на него.

Но Володя Дубинин, как известно, погиб двадцать лет назад. 4 января 1942 года он, когда наши войска уже освободили от фашистов город Керчь, пошел помогать саперам, чтобы скорее размуровать каменоломни, в глубине которых оставались партизаны... И подло припрятанная гитлеровцами мина оборвала жизнь отважного юного разведчика.

Он похоронен вместе с другими героями Старо-карантинских каменоломен.

Художники не раз изображали Володю Дубинина на своих рисунках и картинах. Скульпторы лепили бюсты героя-пионера. Должно быть, каждый школьник тотчас назовет вам Володю Дубинина, узнав его на полотне или в бронзе. Черты его лица,

образ ясноглазого и крутолобого мальчугана знакомы уже миллионам людей и у нас, в Советском Союзе, и во многих других странах. Но ребятам хотелось бы увидеть Володю, увидеть самим, как он запускал свои модели к мирному небу, как в военные дни проползал под колючей проволокой, чуть ли не под ногами у фашистских часовых, чтобы добыть нужные сведения для партизан подземной крепости...

И вот скоро вы увидите все это.

Через двадцать лет после гибели Володи Дубинина мы прошлым летом снова приехали в Керчь. И опять бродили по знакомым уже нам улицам, где когда-то ходил со своими дружками Володя Дубинин, и по той улице, что уже два десятилетия носит его имя.

А город чудесно похорошел и расцвел за эти мирные годы! Огонь Вечной Славы ныне горит днем и ночью над вершиной горы Митридат, куда ведет многоступенчатая лестница, по крутым ступенькам которой, легко перемахивая одну за другой, взбегал с белокрылой моделью Володя Дубинин.

И мы поднимаемся по этой лестнице на Митридат. Жгучее и слепящее июльское солнце палит вершину горы. День безветренный, почти неподвижно пламя в чаше Огня Вечной Славы. В знойную дымку ушел далекий морской горизонт.

И снова, грохая в такт шагу барабанами, ловя солнечные блики раструбами горнов, поднимаются вверх по крутой лестнице, ведущей из города на Митридат, сотни и сотни керченских пионеров.

Поднялись. Выстроились на вершине древней горы... И тогда из белой палатки, установленной близ памятника героям Керчи, выходит мальчик с алым галстуком на груди. И взволнованный шепот стелется по рядам пионеров, выстроившихся на Митридате:

— Володя Дубинин... Вот он!.. Это Володя!

Все сразу узнали его. Да, вот он такой и на портрете, Володя Дубинин!

А он, подняв над головой белокрылую авиамодель, направляется к тому месту, где двадцать с лишним лет назад возносилась над Митридатом рекордная модель Дубинина: «С+С».

И все замерли на Митридате. Показалось, что время повернуло обратно и дало нам увидеть то, что мы так хотели разглядеть сами, когда писали книгу о Володе.

Тишина. И вдруг короткий, приглушенный всхлип. Это не выдержала, горько заплакала Евдокия Тимофеевна Дубинина, мать Володи, которая пришла вместе с пионерами на Митридат. Она тоже мгновенно узнала своего Володю в мальчике,

Съемка фильма в Керчи, на горе Митридат.

который шагает, неся легкую авиамодель над головой.

— Внимание! Начинаем!

Зажигаются спорящие с солнцем мощные осветительные приборы. Слышатся слова последних распоряжений. Щелкают деревянные черные дощечки, на которых написаны белые цифры.

Нет, время не повернуть обратно. На календаре — год тысяча девятьсот шестьдесят первый. Июль месяц. Приехавшая в Керчь из Белоруссии киноэкспедиция снимает цветной фильм «Улица младшего сына» — о жизни и подвигах Володи Дубинина.

Уже больше года работает над этой картиной известный кинорежиссер Лев Владимирович Голуб. Вы должны знать его по давно полюбившимся вам фильмам «Миколка-Паровоз», «Дети партизана», «Девочка ищет отца». Лев Владимирович, умеющий необыкновенно убедительно и тепло воссоздавать на экране образы советских ребят, смелых и сердечных, смышленых и честных, давно уже заинтересовался историей Володи Дубинина. Когда мы написали сценарий для фильма, Голуб принялся искать прежде всего исполнителя роли Володи Дубинина. Хотя будущие зрители фильма никогда не видели в жизни Володю, они все же знают его в лицо и по литературным описаниям, и по портретам, и по фотографиям, и по скульптуре. Значит, надо было найти мальчика, внешность которого напоминала бы во многом облик Володи Дубинина. Но этого было мало! Как создать на экране живой, правдивый образ не знавшего страха, всегда прямодушного, веселого в жизни и серьезного при исполнении своего трудного долга мальчугана? Это способен сделать лишь тот, кто сам хорошо чувствует самое главное в жизни и поступках юного героя, сам наделен какими-то схожими чертами характера.

Долго шли поиски. Голуб ездил в Москву, в Ленинград, в Киев, искал подходящих ребят в Минске, где находится студия «Беларусьфильм», на которой ставится картина. Неутомимо рылся режиссер в альбомах, фототеках, где были собраны фотографии, казалось бы, подходящих мальчиков... Около семи тысяч ребят пересмотрел режиссер, пока не остановил свой выбор на московском школьнике, сыне шофера Саше Корневе.

Когда были сделаны пробные съемки и мы увидели на экране Сашу Корнева, уже одетого и причесанного «под Володю», когда

Вы видите здесь Любу и Сашу Корневых, исполнителей ролей Вали и Володи Дубининых. А эта собака «играет» Бобика, четвероногого Володиного друга.

он зашагал, заговорил с артистом, изображающим партизанского командира, нам тоже поверилось, что мы видим перед собой наконец живого Володю Дубинина...

Оказалась очень подходящей для исполнения роли старшей Володиной сестры, Вали, родная сестра Саши Люба Корнева.

Были тщательно подобраны артисты для других ролей в фильме. И начались съемки. Бывшие керченские партизаны, сестра Володи Валентина, бывшая учительница его Юлия Львовна охотно делились с артистами и режиссером воспоминаниями о Володе. Часто приезжали на съемки бывший партизанский повар дядя Яша Мантой и школьный товарищ Володи Евгений Бычков.

Все боевые сцены, эпизоды из жизни подземной партизанской крепости снимались прошлым летом в знаменитых партизанских каменоломнях близ Керчи. Места эти овеяны высокой и трагической славой. Камни тут хранят память о тысячах героев, которые во время Великой Отечественной войны

не захотели сдаться фашистам, прорвавшимся в Крым, и ушли под землю. Гитлеровцы замуровали все выходы из каменоломен, пустили ядовитые газы в подземелье, но ничего не могли сделать со стойкими советскими патриотами. Храбрецы предпочли погибнуть, но не пустили в каменоломни врага.

Прямо в этих каменоломнях, где во мраке подземных ходов белели кости павших, где лежало старое боевое оружие, изъеденное временем и ржавчиной, шли съемки нашего фильма. И бушевал снова подземный бой, и Володя Дубинин подползал к баррикаде, сложенной из глыб ракушечника, и подносил патроны партизанам... Скатывались вниз с грохотом, рассыпая снопы пламени, бочки с горючим, сброшенные гитлеровцами в каменоломни... Низвергалась с шумом морская вода, которую фашисты пустили под землю, чтобы утопить упрямых смельчаков партизан. Люди по грудь в клокотавшем потоке, неся над собой факелы и оружие, уходили в глубь каменоломен...

И часто во время этих подземных съемок нам начинало казаться, что мы на самом деле вместе с Володей Дубининым находимся в Старо-карантинской подземной крепости, среди храбрых партизан, а там, наверху, над нами, грохочет, пылает война...

Но вот раздавался сигнал окончания съемки. Вместе с усталыми, закопченными артистами и режиссером мы поднимались на поверхность. Ярко и мирно светило южное солнце. Вдали спокойно голубело море. Володя Дубинин снимал матросскую бескозырку и становился Сашей Корневым... Но и при солнечном свете и уже не в партизанском одеянии он оставался похожим на Володю Дубинина.

На улицах Керчи, на взморье, а затем в павильонах Минской студии шли съемки других сцен фильма.

На вершине Митридата снимали торжественные заключительные кадры кинокартины: около полутора тысяч керченских пионеров пришли сюда в тот день, чтобы присутствовать на запуске пионерской ракеты.

А здесь сестра Володи — Валентина с Сашей Корневым в роли Володи.

Прозвучали отрывистые слова команды. И вот над строем пионерских отрядов, над белыми рубашками и блузками, над алыми галстуками, над кумачовыми знаменами взвилась, оставляя струю огня и дыма, легкая, стремительная ракета. Она круто забирала вверх — младшая сестра тех могучих ракет, что подняли в космос Юрия Гагарина и Германа Титова,— маленькая пионерская ракета с надписью на борту «Володя Дубинин».

...Так заканчивается фильм об одном из бесстрашных младших сынов нашей Родины. Картина выходит к сорокалетию пионерии. В эти дни на экранах кино вы увидите Володю Дубинина.

Теперь нам не скажут: «маленькие»!

Мы нарисовали только одно озеро,— разве обо всем расскажешь на карте! Но это озеро стоит многих: ведь там выращено 100 тысяч уток!

Все было очень трудно сначала. В правлении колхоза нас и слушать не хотели. Мы просили: «Разрешите нам уток выращивать!» А ответ один и тот же: «Маленькие вы еще!»

Тогда мы пошли прямо к председателю колхоза Вадиму Федотовичу Резникову. Он у нас Герой Социалистического Труда.

Вадим Федотович нас поддержал, и никто в колхозе об этом не пожалел!

За два года мы вырастили 108 тысяч уток. В прошлом году наши утки были лучшие во всем районе!

Конечно, нелегко все было. Круглые сутки дежурили мы на ферме, пока утята были совсем маленькими. Когда они подросли, перевели их на реку. Вот тут-то и начались настоящие хлопоты!

Кормить уток нужно по часам. А как их собрать всех вместе на «обед» или на «ужин»? Честно говоря, приходилось сначала гоняться за утками по реке на лодке или просто вплавь. Но потом они привыкли к режиму и собирались за 10—15 минут.

На реке у наших питомцев появились опасные враги — водяные крысы. С утра до темноты дежурили мы на воде, отгоняли хищников. Есть у уток еще один враг — гроза. Чуть загремит гром, бежим к летнику — загонять уток в воду, в камыши. Оставишь их на берегу, — собьются в кучи и захлебнутся под ливнем, погибнут.

Этим летом снова будем выращивать уток.

Дружина восьмилетней школы № 4

Краснодарский край,
станица Каневская

БАРС и его маршруты

Места расположения экспедиций обычно не наносят на карту. Но наша карта ведь не совсем обычная. И, как ты, наверное, уже заметил, отмечает все, что здорово задумано и отлично сделано. Вот и появилась на карте Экспедиция Охотников за Тайнами — крупный пионерский центр.

В нашей республике действует БАРС — Боевой авангард разведчиков-следопытов. У нас в школе — 10 отрядов БАРСа.

Мы разрабатываем новые маршруты походов, изучаем флору и фауну нашего края.

Наш школьный туристский лагерь называют кочующим. Каждое лето мы ставим палатки в новом месте. В 1960 году изучали растительность Мальгузарского хребта, и лагерь раскинулся у подножия гор. А в прошлом году мы услышали, что решено озеленить склоны гор в верховьях реки Санзар. И все лето помогали взрослым.

Мы часто бывали на Санзаре, изучали режим вод этой реки, любовались причудливыми скалами — знаменитыми Тамерлановыми воротами. А однажды летом мы обратили внимание на глубокие царапины на камнях. Что это может быть? Похоже на рисунки... Попробовали заполнить углубления разведенным зубным порошком. На черном камне отчетливо проступили контуры рисунков. Присмотрелись — и увидели горных козлов, архаров. Оказалось, рисунки сделаны руками первобытных людей.

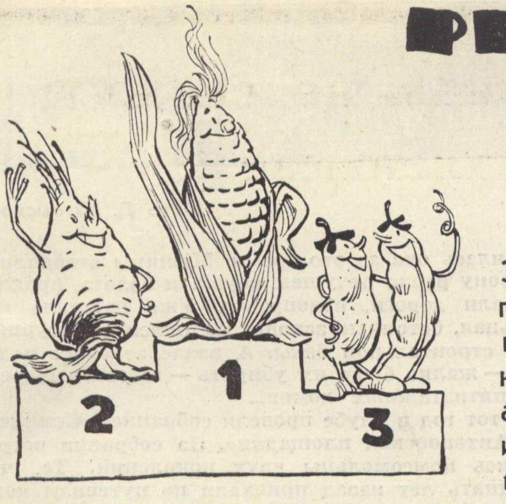
Ученые-историки вынесли нам благодарность. А на Всесоюзном слете юных туристов в Закарпатье нас наградили дипломом.

Благодарностью Академии наук отмечена и другая наша работа — наблюдение за гнездовьями белого аиста.

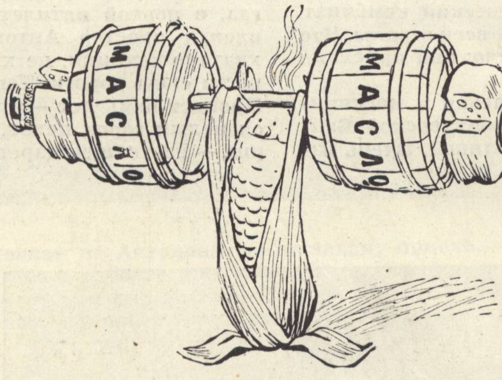
Петя Бобунов, Витя Пружак, Таня Самохина, командиры отрядов БАРСа школы № 2

Самаркандская область,
г. Джизак.

РЕКОРДСМЕНЫ КОРМОВЫХ ЕДИНИЦ

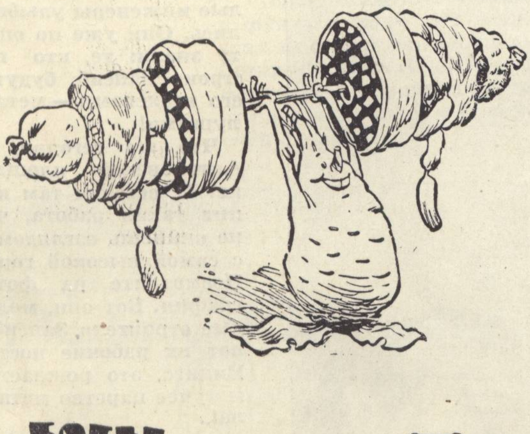

Эти рекордсмены поднимают вес животных, надои молока, а следовательно, изобилие продуктов питания.

КУКУРУЗА

дает с гектара при хорошем уходе 1 200 центнеров зеленой массы. А на поливных землях мастера урожая получают до 2 000 центнеров зеленой массы с гектара.

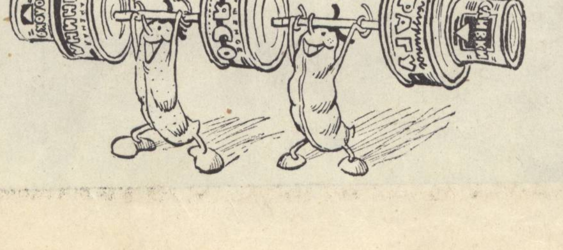

САХАРНАЯ СВЕКЛА

Один гектар сахарной свеклы при урожае 300 центнеров дает 11 250 кормовых единиц. 300 центнеров корней — все равно что 300 килограммов чистого сахара, не считая других питательных веществ.

БОБЫ И ГОРОХ

богаты белками. Кроме того, содержат крахмал и жиры. Эти растения «кормят» даже почву, на которой растут, накапливая в ней азот.

Кукуруза, свекла, бобы, горох, соя. Честь им и место на полях наших колхозов и совхозов!

А на пришкольных участках?

Ну, разумеется, и здесь! Ведь пионеры — во всем помощники коммунистов и комсомольцев! Чтобы стать мастерами урожаев, ребята учатся уже сейчас на делянках пришкольных участков. Учатся, пробуют, узнают, ставят опыты...

На Кубани, в Тимашевском районе, юннаты школы-семилетки № 27 вырастили хороший урожай: 640 центнеров сахарной свеклы в пересчете на гектар. Скажете: на кубанских черноземах это не диво! Но контрольные делянки с таким же черноземом дали урожай вдвое меньший!

А вот вам и не Кубань совсем: в Новгородской области, в Крестецкой школе № 2, юннаты получили 300 центнеров свеклы в пересчете на гектар да ботвы по 450 центнеров.

В совхозе «Гатчинский» под Ленинградом на пяти гектарах совхозной земли хозяева — ребята. Они здесь выращивают растения, которых не было в хозяйствах Ленинградской области,— кормовые бобы.

Словно дремучий лес, стояла летом кукуруза на участке Казачковской школы Тернопольской области. 1 200 центнеров зеленой массы и 95 центнеров зерна получили на гектар ребята. А в Латвии пионеры мадонской школы № 1 вырастили кукурузу высотой в 3 метра 30 сантиметров и собрали 800 центнеров зеленой массы с гектара. И это под хмурым, дождливым небом Прибалтики!

Так пусть зеленым богатырям хорошо живется на всех пришкольных участках! Пусть пионеры, выращивая их, учатся получать от земли тысячи кормовых единиц! Это единицы, которых не стыдно, им все рады!

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Фото Д. Ухтомского.

Про Запсиб можно рассказать много. Можно, например, начать с зеленых палаток. Их разбили у подножия горы, в широкой долине Томи, горьковские комсомольцы. Это было летом 1957 года.

После работы девчата убегали на гору за цветами. Пели песни. Мечтали о походах по тайге, которая начиналась где-то совсем рядом, за горой. Смотрели на голубую ленту Томи. Слева, вдали за рекой, дымили мартены Кузнецкого металлургического комбината. Там раскинулся город. Справа на многие километры тянулись цепочки болот и озер, кусты, огороды, совхозное поле. Это Антоновская площадка, где встанет Запсиб — Западно-Сибирский металлургический комбинат. Его будут строить комсомольцы всей страны. Что ни говори, а горьковчанам повезло: они приехали первыми!..

Через год на горе распевали песни и москвички и бывшие десятиклассницы шахтерской Байдаевки. Они тоже любовались долиной. Очень изменилась она за это время. Машины отводили в сторону русла речушек, осушали болота, прокладывали дороги, водопровод. Уже работала котельная, бетонные заводы, поднялся арматурный цех строительной базы. А возле зеленых палаток — жалко было их убирать — выросли шеренги пятиэтажных домов...

В тот год в клубе провели собрание: «Семилетка Антоновской площадки». На собрании встретились комсомольцы двух поколений. Те, что тридцать лет назад приехали по путевкам комсомола строить Кузнецкий комбинат, сидели в президиуме. Это были руководители Запсиба, известные инженеры. Они рассказали, что еще тогда, в первой пятилетке, проектировщиков привлекал простор Антоновской площадки. Но не хватало техники, не хватало средств, чтобы провести сюда дороги. Теперь машин хоть отбавляй! Пройдет семь лет — и на Антоновской поднимется целый город цехов, заводов-автоматов и фабрик — настоящее царство металла...

Кончилось это собрание совсем неожиданно. В президиум полетели десятки записок. И почти в каждой — вопрос: «Как получить специальность металлурга?» Но никто не удивился запискам: какой строитель не заглядывает в будущее? Только пожилые инженеры улыбнулись. Они уже по опыту знали: те, кто построит Запсиб, будут и его хозяевами — металлургами!

Что же сегодня на Антоновской площадке? О, сегодня там кипит такая работа, что не окинешь взглядом и с самой высокой горы! Посмотрите на фотографии. Вот они, молодые строители Запсиба, вот их рабочие посты. Видите, это рождается могучее царство металла!..

И. ВЕЧНАЯ

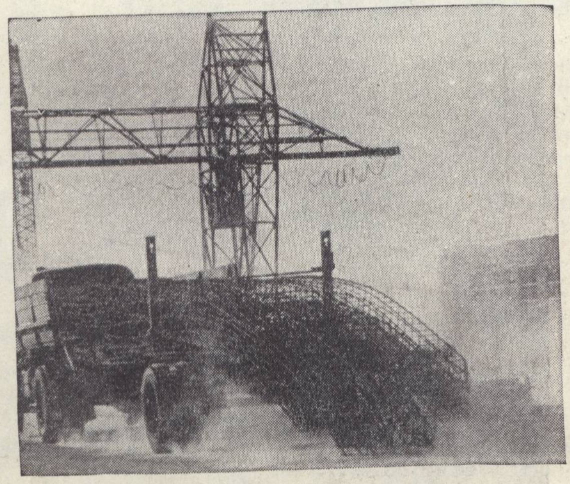

Каждый день в армию строителей прибывает новое пополнение. Этот автобус привез с Новокузнецкого вокзала очередную группу москвичей.

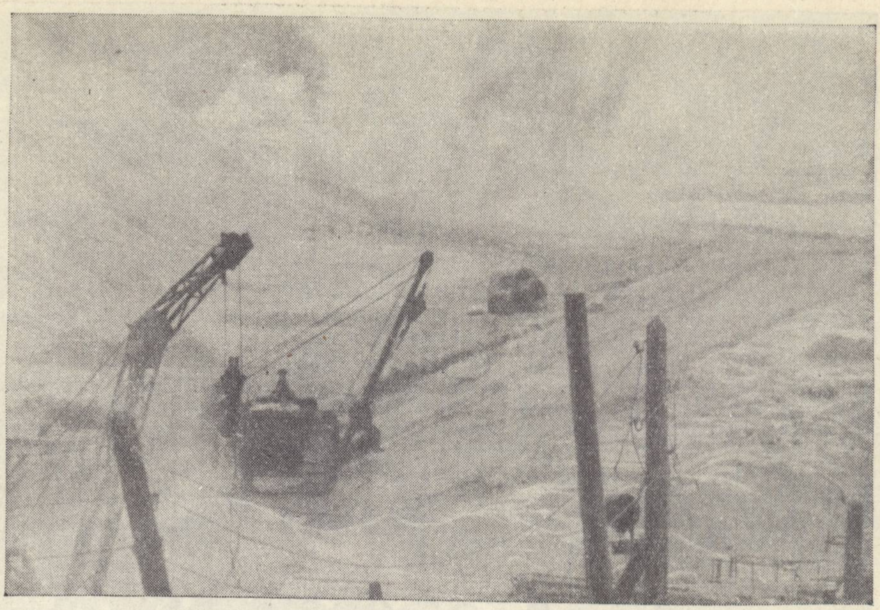

По комсомольским путевкам на Антоновскую площадку приехали пятнадцать тысяч юношей и девушек. Но в рабочее время людей на стройке почти не видно — так много здесь машин и так она велика. И только когда кончается смена, на дороге, ведущей в поселок, машинам приходится посторониться: идут отряды молодых строителей.

Завод железобетонных конструкций. Здесь делают опоры и плиты для стен и фундаментов комбината. От ворот арматурного цеха отъехал грузовик, из кузова которого свисают длинные стальные сетки. Их будут заливать бетоном. Сетки «вяжет» Валя Духанина — лучшая газосварщица Запсиба. Справа от Вали ее ученица и родная сестра Марина. Она недавно окончила в Тамбовской области десятый класс и приехала помогать Вале. Работа у сестер нелегкая. Но им она очень нравится.

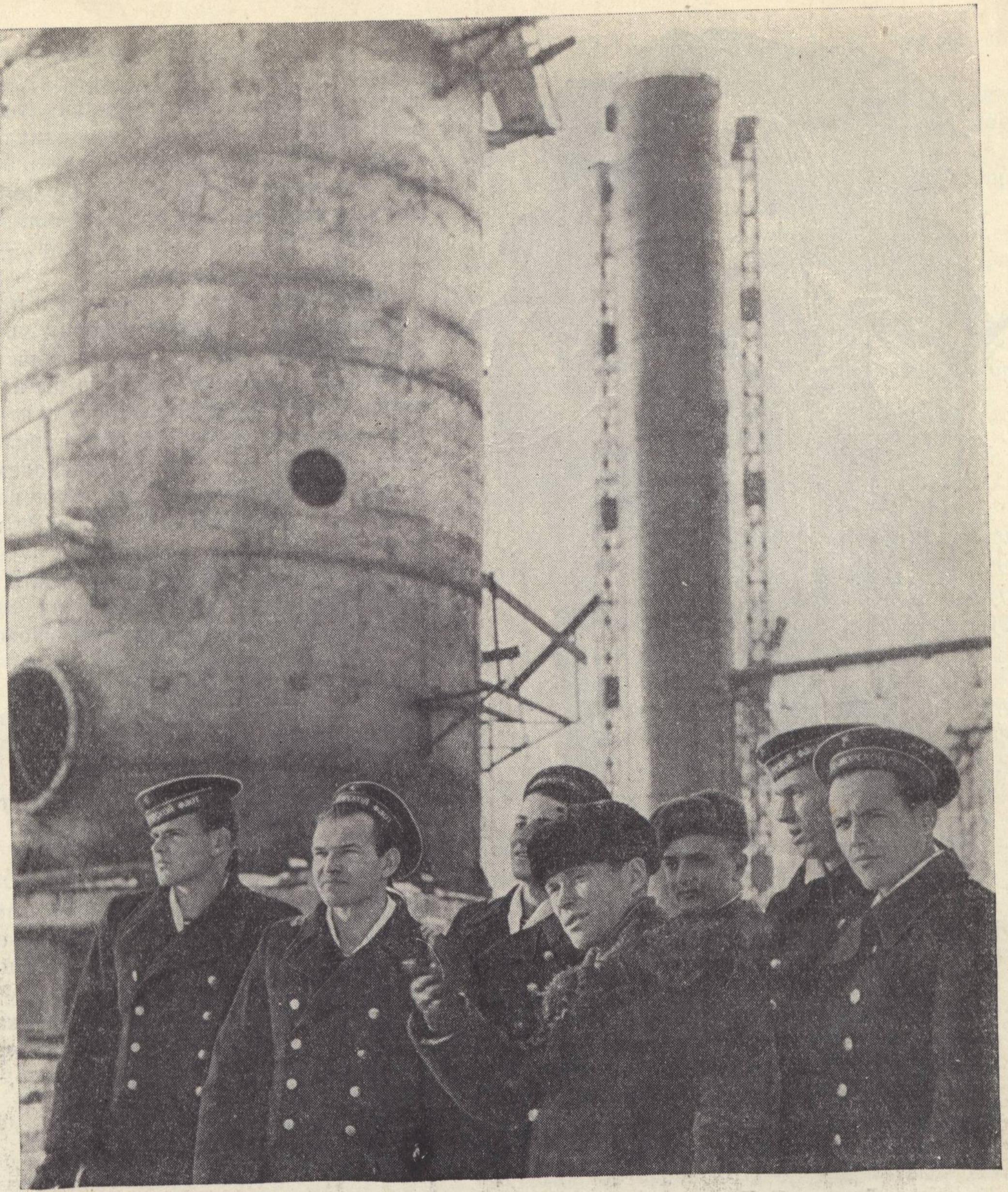
Мороз 30 градусов. Но стройка не останавливается. Грызут мерзлый грунт ковши экскаваторов, плавно качаются стрелы железных грузчиков — кранов. Так готовился котлован под фундамент нового цеха.

Николай Журавлев приехал на Антоновскую площадку с Алтая. Был вначале, как и многие, подсобным рабочим. А теперь он бригадир слесарей-монтажников, командует сборкой башни коксовой батареи.

А это Шура Биндина — штукатур. Она отделывает столовую металлургов. Скоро у Шуры будет и вторая специальность — электрика силового оборудования. Ведь она член бригады коммунистического труда, а там все учатся, овладевают новыми знаниями. Путевку на Запсиб девушка получила в древнем городе Переславле сразу после десятилетки.

Нет, это не палуба корабля, не орудийные башни. Здесь поднимается коксохимический цех. А молодые моряки, которых вы видите на снимке, уже отслужили свою службу на флоте. Демобилизовались и решили испытать свои силы на ударной комсомольской стройке. Они осматривают Антоновскую площадку, выбирают себе работу. Таким ребятам ведь все по плечу! У них крепкие нервы: привыкли матросы к штормам полярных морей. И руки умелые. Каждый либо слесарь, либо электрик, либо моторист. Неспроста им приглянулась работа самых отважных строителей — монтажников-верхолазов!

Жизнь и смерть Гришатки Соколова

ПОВЕСТЬ

(Окончание)

Сергей АЛЕКСЕЕВ

Рисунки П. Павлинова.

НА УРАЛ

Полюбился Хлопуше Гришатка, с самой первой встречи понравился. Мало того, что раздобыл он мальчику полушубок, как-то горсть леденцов принес, потом рубаху синего цвета.

А тут как-то явился Хлопуша с казацкой саблей.

— На, получай!

Разгорелись глаза у Гришатки. Вот это подарок!

— Что?! — закричал Пугачев, увидев у мальчика саблю.— Кто сие баловство придумал?!

— Пусть, пусть позабавится дитятко,— стал упрашивать Пугачева Хлопуша.— Мальчонка же он, государь! Не забижай ты его. Они, мальчонки, все до оружья охотники.

Осталась сабля у мальчика.

Нацепит ее Гришатка, по Берде бегает. Сабля длинная, по снегу волочится.

— Атаман, как есть атаман! — кричат со всех сторон пугачевцы.

Нехватка в пушках, в ядрах и порохе попрежнему не давала Пугачеву покоя. «Эх, Урал, Урал-батюшка, вот бы куда податься,— размышлял Пугачев.— Прямо бы на самые железоделательные и оружейные заводы».

И вдруг нежданно-негаданно явились к Пугачеву с Урала три заводских человека.

— Государь, ждут, ждут тебя на заводах. И пушки и ядра будут. Снаряжай-ка своих людей.

На один из заводов, Петровский, в поселок Авзян, решили послать Хлопушу.

Выслушал Хлопуша царское слово.

— Слушаюсь, батюшка.

— Ну с богом! Ступай.

Хлопуша ушел, однако через несколько минут снова явился.

— Ну что тебе?

— Дозволь, государь, мальчонку с собою взять.

— Какого мальчонку?

— Гришатку, ваше величество.

— Да ты что, в своем ли уме, Хлопуша?

— В своем, в своем, государь. Да отпусти ты его. Ему ж в интерес. Он же мальчонка. Они, мальчонки...

Пугачев рассмеялся. Подумал. Махнул рукой.

— Ладно, быть по-твоему. Забирай Соколова, Хлопуша. Да береги ты его,— добавил строго.

— А как же!

Уехал Гришатка.

Глава четвертая

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОРУЧЕНИЕ

ВЕЧНО ОТДАННЫЕ

На восьмой день к вечеру, проехав с начала пути без малого триста верст, путники приблизились к поселку Авзяну.

— Тут он и будет, Петровский, купца Демидова, наш, стало быть, завод,— сообщил дядя Митяй, один из трех заводских посланцев.

За эти дни отряд Хлопуши вырос до ста пятидесяти человек. То в степи к нему примкнуло сорок человек конных башкир, то, откуда ни

возьмись, появилась целая толпа безоружных крестьян, потом в лесу уже почти у самого Авзяна присоединилось человек пятьдесят углежогов.

Заводской люд встретил Хлопушу торжественно. И не только потому, что он был посланцем царя-императора, но и потому, что сам Хлопуша произвел на всех огромное впечатление.

— Ух, батюшки, да и ты-то порченый! — кричали люди, завидя безносое лицо Соколова.— Видать, и тебе несладко пришлось в жизни.

— Несладко, несладко, работнички,— ответил Хлопуша.— Да что было — прошло, миновало. Нынче все круто в другую сторону. Царь Петр Федорович, долгие лета ему, нынче всех нас, сирых и битых, великий заступник. Ура царю-батюшке!

— Ура! — кричали работники. Собралось их на заводской площади тысячи две. Изможденные, лица в дыму и копоти. Одежка — рвань. Стоят, смотрят воспаленными глазами на огромную фигуру Хлопуши, ловят каждое слово.

Тут же на площади был оглашен манифест Пугачева. Говорилось в нем, что царь-батюшка дарует рабочим людям всякие вольности.

И снова «ура» всколыхнуло воздух.

В общей толпе Хлопуша заметил группу людей, закованных в цепи. Все людишки, как тень, а эти и вовсе: кожа да кости. Не человеки, а слезы.

— Что за народ? — обратился Хлопуша к дяде Митяю.

— Это вечно отданные, батюшка.

— Какие еще вечно отданные?!

— А это те, батюшка, которых вместо вечной ссылки в Сибирь сюда, к нам на завод. До конца своих дней так в цепях им и маяться. Из них многие к тачкам прикованы. Так и спят, так и работают. О, господи!

Нахмурилось лицо у Хлопуши.

— Эй! — закричал.— Кто здесь вечно отданные, выходи-ка сюда!

Загремели люди цепями, потянулись к Хлопуше. Собралось их человек пятьдесят.

— Люди вечно отданные! — забасил Хлопуша.— Мученики и перемученики! — Голос его сорвался, из глаз проступила слеза.— Люди без роду и племени. Отцы и брательники! — Голос Хлопуши снова окреп, понесся могучим гулом: — Быть вам отныне не вечно униженными, быть вам вечно свободными, на веки веков. Эй, кузнец! Поторапливайся! Немедля оковы долой!

Потом Хлопуша устроил суд над управителем Авзяно-Петровского завода. Под одобрительный гул толпы управитель был тут же повешен.

На следующий день Хлопуша стал проверять заводское хозяйство. Велел показать ему мортиры и пушки.

И вдруг выяснилось — исчезли куда-то мортиры. Обыскали весь завод. Нет их.

— Были, были они,—уверяет дядя Митяй.— Как я в ночь проходил, были. Их никак управитель куда запрятал.

— Эх ты, рано вздернули управителя! — сокрушался Хлопуша.

А вечером на Хлопушу свалилась вторая беда. Пропал куда-то Гришатка.

БАДЬЯ

С Гришаткой случилось вот что. Крутился, крутился он возле Хлопуши и дяди Митяя, ходил, ходил по заводу, потом надоело. Пошел он бродить по улицам Авзяна. Тут его и окружили мальчишки.

— Глянь, глянь, шашка висит!

Разговорился Гришатка с ребятами. Саблю достал из ножен. Рубанул залихватски направо, налево.

Разинули авзянские ребята рты.

— Настоящая!

Дивятся мальчишки. Приятно Гришатке.

Не отстают от Гришатки ребята, ходят за ним по пятам.

— А у нас рудники есть,— вдруг заявил кудлатый конопатый мальчишка.— Глубо-о-кие!

Побежали они смотреть рудники. На шахтах в этот день и прошлый работы не было. По случаю приезда посланца от государя прекратил работу Авзянский завод. Подошли ребята к одной из шахт. Большая дыра в землю уходит. Над дырой, как над колодцем, на подпорках большое бревно. На бревне веревка намотана. С другой стороны веревки бадья.

— Это для спуска вниз,— стал объяснять конопатый.— Руда-то, она под землей. Саженей в полсотни. Там ее добывают, потом на завод.

Заглянул Гришатка в дыру — темно, ничего не видно.

— Хочешь, мы тебя враз?..— вдруг предложил конопатый.

Поколебался Гришатка. Да неудобно отказываться. Где же, скажут, твое геройство?

— Хочу!

Залез он в бадью. Стали ребята его спускать. Раскручивается веревка, что намотана на бревне. Придерживают ребята бревно, чтобы не очень оно вращалось.

Вот спустили Гришатку на треть, на половину, на две трети. Совсем немного осталось. И вдруг не удержали бревно ребята. Завращалось оно быстро-быстро. Не ухватишь, не остановишь. Раскрутилась веревка. Бадья внизу о породу — бах!

Обмерли ребята.

— Вытягивай, вытягивай назад! — завопил конопатый.

Стали мальчишки выкручивать из шахты бадью. Торопятся. Выкрутили. Пусто в бадье.

— Побился! Побился!

— Эй, эй, отзовись! — кричат ребята в дыру.— Отзовись!

Тихо. Нет никакого ответа.

Страшно стало ребятам.

— Перестреляют нас казаки! — закричал конопатый.— Повесит Безносый. Тикай по домам — и молчок.

Поразбежались ребята.

ЗАБЫЛСЯ

Страшную ночь пережил Хлопуша. То казалось ему, что Гришатку убили, то, что ушел, заплутал Гришатка в лесу, и там загрызли его волки или медведи.

— Найдется, найдется мальчонка,— успокаивал Хлопушу дядя Митяй.— Тута он, тута. Да куда ему деться? Не провалился же он под землю? Жив, жив, помяни мое слово, жив!

Гришатка и вправду остался жив.

При ударе бадьи о грунт мальчик вылетел из нее наружу, стукнулся головой о какой-то камень и на время лишился сознания.

Когда Гришатка пришел в себя, была уже ночь. Мальчик привстал, пощупал руки и ноги. Боли нет. Кости целы.

Лишь в голове гул и непонятная тяжесть. Гришатка принялся звать на помощь. Никто призыва его не слышал.

Слева и справа от мальчика виднелись какие-то углубления. Это начинались штреки и штольни — специальные ходы, которые вели в глубь шахты. Кругом темно, сыро.

Гришатка подумал и сделал несколько шагов по одному из коридоров. «А вдруг где-то там впереди есть выход?» Коридор то суживался, то расширялся, время от времени его пересекали другие переходы. Гришатка сворачивал то налево, то направо; наконец, он уперся в стену.

Мальчик устал. От сырого и неприятного воздуха голова стала еще более тяжелой, и Гришатка чувствовал, как кровь ударяет в виски. Дышать становилось трудно.

Гришатка не выдержал и присел. Он машинально провел рукой по земле и вдруг натолкнулся на непонятный предмет — что-то длинное, круглое, отверстие в середине. Рядом второй такой же предмет, чуть в стороне третий.

«Так это же пушки, мортиры,— понял Гришатка.— Ах, вот куда запрятал их управитель!»

Мальчик вскочил и помчался назад. Он спотыкался, падал, подымался, снова бежал. Сколько прошло времени, Гришатка не помнил. Он очумело тыкался то в одну, то в другую сторону. Наскакивал на стены, ударялся о какие-то балки и перекрытия. Наконец, полностью обессилевший, он опять опустился на землю. В нос снова ударил едкий, противный запах. Гришатка зевнул и забылся.

ТУТ ОНИ, ТУТ

После бессонной ночи Хлопуша казался чернее тучи. Страшно глянуть, страшно подойти.

Облазили казаки, башкирцы и сам Хлопуша вдоль и поперек весь завод, опросили всех жителей, на конях выезжали в лес и степь. Никаких следов, ни слуху ни духу.

И вот, когда казалось, что все надежды потеряны, в избу к Хлопуше ввалился плечистый, бородатый детина. Бросился в ноги.

— Не гневись, не гневись, батюшка.

— Подымись, работный человек,— произнес Хлопуша.

Детина поднялся.

— Батюшка, сыскался, сыскался твой...— пришедший детина запнулся,— сынок, значит.

Хлопуша вскочил.

— Да где же он, где? Говори!

— Играли, играли мальцы,— заторопился детина.— На руднике, на шахте. Да упустили бадью. А в бадье он, он самый, твой, значит. Мальцы с перепугу молчали. А потом Санька, мой, значит, взял и признался. Я его, батюшка, уже отодрал, батогом, значит. Конопатый он у меня, до баловства дюже пryткий. Не гневись, батюшка.

К руднику Хлопуша мчал с лошадиной прытью, только пятки сверкали. Подлетел, сразу полез в бадью.

— Да куда ты, куда ты, батюшка? — пытался остановить великана дядя Митяй.— Да ты тут постой, тут. Мы без тебя.

— Крути! — крикнул Хлопуша сбежавшимся людям.

Спустили Хлопушу.

— Гришатка! Дитятко! Гришатка! — кричит великан.

Тихо. Нет мальчика.

— Дитятко, родненький сынок! — закричал Хлопуша.

Бросился Хлопуша в подземные коридоры. Следом за ним спустились другие. С факелами. С фонарями в руках. Расползлись люди в разные стороны.

И вот наконец великан различил в полутьме маленький, съежившийся комок — детское тельце.

— Дитятко, дитятко! Родненький... Сынок! — задыхался от счастья Хлопуша. Подхватил он Гришатку на руки.

Гришатка с трудом приоткрыл глаза.

— Дядя... Афанасий...

— Я, я! — заревел Хлопуша.

Потащил он Гришатку к свежему воздуху, к выходу.

— Стой, стой,— прошептал Гришатка.

Хлопуша остановился.

— Мортиры.

— Что мортиры? — не понял Хлопуша.

— Тут они, тут.

— Да ну? — только и молвил Хлопуша.

СИЛА К СИЛЕ

В тот же день мортиры были извлечены на поверхность.

Хлопуша стал торопиться с возвращением назад в Берду, к Пугачеву.

Пушки и мортиры срочно устанавливались на колеса. На телеги грузились ядра. В заводских погребах нашелся и порох.

Пока Хлопуша был занят заводскими делами, наблюдение за Гришаткой он препоручил башкирцу Хакиму.

Уедет мальчик вместе с Хакимом в степь. Учит башкирец Гришатку в седле держаться, ездить шагом, рысью, в галоп.

Гришатка смекалист и ловок. Он уже может и с коня на всем скаку спрыгнуть, и не слететь, если конь вздыбится, и удержаться в седле при конском прыжке через рытвину или канаву.

— Якши, якши,— хвалит Хаким.

Потом Хлопуша отсыпал Гришатке пороху и выдал с полсотни пуль. Казак Ферапонт Узловой соорудил для Гришатки мишени и два дня с утра до самого вечера заставлял мальчика пулять в цель. То из положения «стоя», то с колена, то лежа. А затем с ходу, с коня, как тогда стрелял сам Емельян Иванович. Настреляется Гришатка, прокоптится от дыма и пороха, набьет плечо от ружейной отдачи. Зато радость так и светится в глазах у Гришатки. Теперь не случайно, а как по заказу влетают Гришаткины пули тютелька в тютельку в самое яблочко.

Наступил час отъезда.

Многие из работных людей хотели присоединиться к Хлопуше. Однако он отобрал всего пятьдесят человек.

— Нельзя, нельзя,— отвечал остальным.— У батюшки людишек хватает. Пушек, ядер, ружей у него мало. Вы уж тут потруждайтесь. В сем ваша главная сила. Вы да мы,— добавил Хлопуша.— Сила к силе — двойная сила!

Глава пятая

ВОЛЬНАЯ ПТИЦА

КАР-ГЕНЕРАЛ

Роста малого. Ноги тонкие. Руки тонкие. Большеголовый. Глаза, как у зайца,— в разные стороны. Волосы торчком, с медным отливом. На щеке бородавка, на подбородке — другая. Это Кар. Кар-генерал.

Едет Кар по завьюженной Оренбургской степи. Спешит на выручку к осажденному Оренбургу, к другу своему, генералу Рейнсдорпу.

Разбить и схватить Пугачева — таков приказ генералу Кару.

Мороз. Ветер. Сидит Кар в открытом возке. Засунул руки в дамскую муфту. От мороза и ветра ежится. Растянулись походной колонной солдаты. И им холодно. «Эх, полушубки бы нам, сапоги валеные. Ради чего страдаем?»

Едет Кар, рассуждает: «При одном появлении моем разбегутся злодеи. Войско у меня регулярное. Ружья и пушки. Молодцы гренадеры. Схвачу Пугачева — новый чин и награда».

Вдруг шевельнулся легким облаком снег на горизонте. Впереди, с боков, сзади. Из снега выросли всадники. Криком и гиком наполнилась степь.

Выпрыгнул Кар из санок.

— К бою! К бою! Становись. Стройся. Пушки вперед!

Построились солдаты. Ружья наизготовку. Все ближе и ближе пугачевские конники.

— Ух ты, несметная сила!

— Братцы, погибель пришла! — понеслось в генеральском войске.

— Молчать! За матушку царицу! Из пушек пали! — кричит разъяренный Кар.

Стрельнули пушки. Понеслись ядра и злая картечь в сторону наступающих. Молодцы пушкари, точен солдатский глаз. Да только не дрогнули пугачевцы. На месте погибших — сразу же новые, словно нет никаких потерь.

— Их смерть не берет!

— Их великие тысячи! — зарокотали снова солдаты.

— Бей, пали! Бей, пали! — не унимается Кар. Кричит, а сам нет-нет да на санки свои посмотрит. Кони быстрые, санки легкие. В случае чего спасут они генерала.

Еще ближе придвинулись пугачевцы. Теперь уже не только конные, но и пешие на виду. Движутся, движутся, движутся... Не остановишь рать восставших.

— Отходи, отходи! Отступай, братцы! — понеслось по солдатским рядам.— Сдавайся царю-государю Петру III.

Зашевелилось Карово войско. Врассыпную солдаты. Кто в плен, кто в сторону недалекого леса.

Прыгнул Кар в свои генеральские санки. Эх, эх, пропадай чины и награды!

Отъехал генерал версты три. Остановился, перевел дух. Вдруг невесть откуда появилась ворона. Поравнялась она с генеральским возком, растопырила крылья.

— Кар-р!

— Свят, свят,— закрестился генерал с перепугу и снова плеткой коней. Да так, что дамская муфта из санок вон.

СЛУШАЮСЬ, ВАШЕ СИЯТЕЛЬСТВО!

Ждал генерал Рейнсдорп генерала Кара. Не прибыл на помощь Кар-генерал.

Ждал генерал возвращения Хлопуши. Не вернулся Хлопуша.

Понял губернатор, что колодник его провел.

— Руссишес швейн,— ругнулся.

Стал Рейнсдорп думать о том, как все же покончить ему с Пугачевым.

— Вот что. Позвать ко мне старика Кобылина.

— Явился Кобылин.

— Слушаюсь, ваше сиятельство!

— Хочешь сто рублей серебром и медаль от царицы?

— Желаю, ваше сиятельство.

— Ну и хорошо, собирайся.

— Куда, ваше сиятельство?

— В лагерь к злодею.

Понял старик — зачем, в глазах помутилось.

— Да, я же стар! — взмолился Кобылин.

— Ничего, ничего. Так оно даже и лучше есть.

— Да я и кинжал ему в ребра не всуну.

— Не надо, не надо кинжал. Ты ему яду.

— Яду?! Так стариковские руки мои дрожат.

— Что?! — заревел генерал.— Руки дрожат? Плетей захотелось. О доннер веттер, всыпать ему плетей.

Понял старик Кобылин: выбора нет.

— Слушаюсь, ваше сиятельство!

БОЖИЙ СТРАННИК

Вернулся Гришатка в Берду — новостей целый ворох.

— Ой, что тут было, страсти господни! — докладывала ему Ненила.— Дружка твоего словили.

«Какого это еще дружка?» — подумал Гришатка.

— Ну того самого, что тебя плетками драл, что в водовозах у губернатора.

— Деда Кобылина?!

— Его, его самого. Он царя-батюшку травить собирался!

Рассказала Ненила, что появился старик Кобылин в Берде под видом божьего странника.

— На молебен, все говорил, иду. Из Сибири в далекий град Киев, в Киево-Печерскую лавру. Все за нашего царя-батюшку помолиться там обещался. Я ему еще сухарей на дорогу дала и баранины кус зажарила,— призналась Ненила.— А он, ох, ох, душонка его бесстыжая,

мне же в котелок, где уха для государя варилась, взял и подсыпал отраву.

— Повесили? — поинтересовался Гришатка.

— Нет, нет. Отпустил его государь. Говорит: «Ступай в свой Оренбург. Не имею на тебя зла, потому что человек ты глупый и темный. Иди и подумай». Да еще этому супостату десять рублей пожаловал. Чудной наш батюшка. К людям доверчив.

ПОРТРЕТ

Сидел как-то Гришатка в царевой горнице. Взял лист бумаги, карандаш и стал рисовать портрет Пугачева.

Нарисовал коня, на коне верхом царя-батюшку. Бороду нарисовал, генеральскую ленту, пистолеты за поясом.

Снизу написал: «Царь-государь Петр III Федорович».

Посмотрел Пугачев на портрет, усмехнулся.

— Похож, как есть похож. Мастак ты, Гришатка.— Потом подумал и произнес:— А знаешь, Гришатка, я вовсе не царь.

Вылупил Гришатка на Пугачева глаза: «Ну и шутник батюшка! Право, такое скажет».

— Не царь, не царь,— повторил Пугачев.— А простой казак Пугачев Емельян Иванович. Вот так-то, Гришатка.

Лицо у Гришатки стало глупым-преглупым. Рот по-лягушечьи разинулся до ушей. Не знает, как и принять слова государевы.

— А как же царские знаки? — потянулся Гришатка рукой к груди Пугачева.

— Знаки? — Пугачев рассмеялся.— Так это с прусской войны. Картечины эти царские знаки мне припечатали.

Провалилась под Гришаткой земля. Голова закружилась. Думал, царь настоящий. А тут казак, да к тому еще и простой. Обидно до слез Гришатке. Смотрит мальчик на шапку свою, смотрит на валенки. Выходит, и шапка не царская, не царские валенки.

Бродил в этот день мальчик по Берде, словно в воду опущенный. А вечером под большим секретом рассказал о словах Пугачева Хлопуше.

— Эку новость принес! — рассмеялся Хлопуша.— Вестимо, не царь. Вестимо, Пугачев Емельян Иванович. Стал бы тебе настоящий царь воевать для народа землю и волю. Эх ты, Гришатка!

Смутился Гришатка.

— Царь наш батюшка,—продолжал Хлопуша,— тем и велик, что он сам из народа и что для народа он первый заступник.

— Так, дядя Афанасий, он же не царь.

— Как так не царь?! —оборвал Хлопуша.— Кто сказал, что не царь? Настоящий он царь.

Совсем замутилась Гришаткина голова. Вот так запутал Хлопуша.

— Царь он, доподлинный царь,— повторил Хлопуша.— Только царь не дворянский. Мужицкий он царь. Народом на царство венчан. Вождь он, Гришатка, народный. А сие выше, выше, чем царь. Понял?

— Понял,— произнес Гришатка. А сам подумал: «Выше, чем царь... Эка куда хватанул Хлопуша!»

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ДЕДА КОБЫЛИНА

— Говоришь, отпустил?

— Отпустил, отпустил, ваше сиятельство.

Рейнсдорп хмыкнул. Смотрит он на деда Кобылина. Ой, что-то не так говорит старик. Не может губернатор понять, как это так: злодей Пугачев отпустил вдруг подосланного с ядом к нему человека.

Рассказал Рейнсдорп о возвращении Кобылина своей жене-генеральше, другим генералам и офицерам.

— Да,— призадумались те.— Тут неспроста что-то.

— Ваше сиятельство,— вдруг произнес офицер Гагарин,— а не перекуплен ли ваш Кобылин?

Все повернулись к Гагарину.

— Мысль такую имею,— продолжал офицер,— что прислан он сюда Пугачевым с целью убить вас, ваше сиятельство.

Лицо у Рейнсдорпа вытянулось.

— Что?!

— Ему, наверное, и деньги злодей подсунул.

Бросились обыскивать старика. Нашли у Кобылина пожалованные ему Пугачевым десять рублей.

— Ох, ох! — хватался за сердце Рейнсдорп.— Сквозь строй его, сквозь строй шпицрутенами. Не жалея, до смерти.

Схватили деда Кобылина, содрали до пояса одежонку. Построили роту солдат. Погнали старика под солдатские взмахи.

Сам Рейнсдорп идет тут же, рядом.

— Признавайся! Признавайся! — кричит.

— Нет, нет моей вины,— твердит, изнемогая под ударами, дед Кобылин.— Я ли вам не правдой служил, батюшка Иван Андреевич, ваше сиятельство? Я ли вам не слуга? Пожалей, смилостивись, батюшка!

— Молчать, молчать! Ты не слуга мне. Ты есть вор и разбойник.

Пугачев вывел из укрытия своих казаков и башкирцев. Рванулись они к крепостному валу.

— Пожалей, не губи,— стонет Кобылин.

— Так ему, так ему! Хлестче.

И вдруг встрепенулось что-то в деде Кобылине, рванулся он к губернатору.

— Изверг. Губитель...

Собрал старик последние силы, плюнул в лицо Рейнсдорпу и тут же упал, как подкошенный.

Кончился дед Кобылин.

НА ШТУРМ! НА СЛОМ!

Приказ к штурму был дан неожиданно.

Вечером под Бердой стал подыматься туман. Разлился, разошелся он в разные стороны. Словно кто из огромной бадьи хлестнул молоком по степи.

— Готовьсь! Готовьсь! — понеслось от землянки к землянке, от избы к избе.

Зашевелилось, задвигалось пугачевское войско. Заржали, почуяв скорое дело, кони. Заиграли трубы и дудки. Забегали командиры.

Пользуясь темнотой и туманом, подтянули пугачевцы мортиры и пушки к самым стенам Оренбурга. Пугачев расставлял войска. Конных в засады, пеших на земляные выступы и в овражные пади. Перед пушками приказал из каменных плит выложить защитные стенки. Сам проверил готовность орудий.

Зарумянилось небо, стал голубеть восток. Туман отступал, неохотно потянулся в низины.

— Начинай с мортиров. Пали! — скомандовал Пугачев.

Мортиры навесным огнем выплюнули первые ядра. Залп, второй, третий...

— Так их, так их! Молодцы, детушки!

— Целься! Ура! Ух ты, в дом к самому генерал-губернатору!..

Гремит, захлебывается, рассыпается дробью барабанный бой над стенами крепости. Палит караульная пушка. Переполох и смятение в Оренбурге.

— Не трусь, не трусь! — кричат офицеры.

— Солдаты, равняйсь!

— Канониры, к орудиям!

Тем временем Пугачев вывел из укрытия первую группу своих казаков и башкирцев. Рванулись они к крепостному валу.

— На штурм! На слом! — кричит Пугачев.

«Вьить, вьить!» — встретили их солдатские пули.

«Бах!» — врезалось в самую гущанину ядро.

— Смелей, смелей, детушки,— подбадривает наступающих Пугачев.— Нам ли под пулями гнуться. Нам ли шапки снимать. На штурм! На слом! По-соколиному!

Подбежали наступающие к валу, залегли за откос горы. Передохнули. Дали залп по защитникам. Поднялись в полный рост и с криком двинулись дальше!

Бросился Пугачев в атаку, да с малыми силами. Поняли это оренбургские офицеры. Открыли городские ворота. Стал заходить солдатский отряд в тыл Пугачеву. А сверху, увидев подмогу, подняли такую пальбу, что даже вал содрогнулся.

Ясно Пугачеву, что победы не будет.

— Назад, назад, отходи, детушки!

Отхлынули пугачевцы. Отошли за Яик, в безопасное место.

ЧАСТИЦА КРОВИ НАРОДНОЙ

К исходу дня Пугачев начал новую атаку на Оренбург. На сей раз в конном строю.

— За мной, детушки!

Взяли казацкие кони в карьер. Вмиг промахнули открытым полем.

Вот и ров, вот и вал.

— На штурм! На слом! — кричит Пугачев. И снова градом навстречу картечь, снова несмолкаемым гулом бабахнули ружья.

Ударила пуля Пугачеву в левый рукав — отлетел клок от полушубка, словно перо из птицы. Ударила пуля в правый рукав — обожгла чуть повыше локтя.

— Не трусь, не трусь! — кричит Пугачев.— Дело правое. Смерть не страшна. Слазь с коня. Валом кати на вал!

Однако казаки не успели выполнить приказ Пугачева. Сверху, с вала, посыпались на пугачевцев солдаты. Врезались они в ряды конных, взыграл рукопашный бой.

Заработали казаки саблями. Крошит Пугачев солдат. Не подставляй головы, береги плечи. Удар у Пугачева пудовый. Сабля острая. Раз — взмах, два — взмах. Не шути с государем.

— Емелька! Это Емелька! — кричат солдаты и лезут к отважному всаднику.

— Неразумные! Сирые! — кричит Пугачев.— Так-то своих встречаете? — И снова саблей во весь богатырский мах.

Метнул Пугачев глазами налево — рядом верхом на коне Гришатка.

— Прочь, прочь! — взревел Пугачев.— Откуда ты, дитя глупое? Эй, казаки, оттащить в безопасное место!

Собрался Гришатка отъехать подальше от Пугачева, да вдруг заметил, как из-за крепостной стены высунулось бородатое лицо солдата. Целится солдат прямо в грудь Пугачеву.

— Берегись, берегись, государь!

Сощурил бородатый солдат левый глаз. Момент — и нажмет на ружейный курок.

И вдруг Гришатка что есть мочи ударил коня. Дернул за узду так, что у лошади в губах кровь проступила. Взмыл, привстал конь на задние ноги. Прыгнул вперед, заслонил Гришатка собой Пугачева.

Свистнула солдатская пуля. Ударила мальчика. Выпустил Гришатка из рук поводья. Осел, словно кто к земле потянул. Качнулся и рухнул с коня на снег.

— Гришатка, Гришатка! — закричал Пугачев. Спрыгнул на землю.

Смотрит мальчик полузакрытыми глазами на Пугачева, смотрит, ничего не видит, не слышит. Не дышит Гришатка. Отжил, отгулял свой недолгий мальчишеский век Соколенок.

Расстегнул Пугачев полушубок Гришаткин. Рванул залитую кровью рубаху — у самого сердца рана навылет.

Вдруг что-то зашуршало в руках Пугачева. Потянул он — бумага. Развернул — пугачевский портрет, тот самый, что рисовал как-то Гришатка. Конь. Пугачев. Генеральская лента. Пистолеты за поясом. Снизу надпись: «Царь-государь Петр III Федорович». Только надпись теперь перечеркнута. И вместо старой поверх ее новая — во весь разворот листа: «Пугачев Емельян Иванович — вождь и заступник народный».

ПОЛЕ, ОГРОМНОЕ ПОЛЕ

Поле, огромное поле. Только что вырытая в промерзшей земле могила. На краю ее маленький гроб с Гришаткой. Вокруг огромной толпой притихшие люди.

Выпустил Гришатка из рук поводья. Качнулся и рухнул с коня на снег.

Четверо казаков подымают гроб и опускают его в могилу.

По приказу Пугачева гремит прощальный салют из пушек.

Опять тишина — и вдруг:

— Гришенька, родненький! — взорвал немоту плачущий голос Ненилы.

И следом сотни людей навзрыд:

— Ушел, ушел! Улетел!.. Закрылись очи твои соколиные...

— Детушки, детушки! — перекрыл человеческий плач дрогнувший бас Пугачева. Он пробился к самому краю могилы, поднялся на бугор из отрытой земли.— Неверно. Неверно! Жив он, жив Соколенок! Соколам — вольное небо. Ширь им, простор им и вечность! — Пугачев вскинул руки, простер их вверх, в синеву.— Здесь он, здесь он, наш Соколенок.

Все невольно подняли головы к небу. И хотя не было там ничего, по всем вдруг ясно представилась вольная птица. Она крутилась, махала крылом, издавала призывные крики. Она то взмывала, то падала вниз и манила, манила, манила людей.

А голос Пугачева крепчал и крепчал, наливался медью, гудел, словно колокол в час набата:

— Соколам вечная слава! Соколам жить да жить! Не забудет смелых русский народ! Внуки и правнуки нас не забудут!

Люди притихли. Хлопуша вытер слезу рукавом.

Дозоры Отважных

ЮДП действуют

Безопасность и покой Страны Краснозвездных Школ надежно охраняют Дозоры Отважных.

Из широких школьных окон видны лес, река, озимое поле. Обычный лес, обычная река, обычное поле. Но мы хорошо знаем: там проходит государственная граница и ни днем, ни ночью не спят часовые.

Однажды пришли в школу пограничники.

— Спасибо! От всех бойцов подразделения, — сказал Варлаам Михайлович Кублашвили и крепко пожал руку Васе Дацкевичу.

Старшина Варлаам Михайлович Кублашвили всегда находит время после очередных занятий побеседовать с друзьями — Васей Дацкевичем, Колей Шерстовым и Толей Махначем.

Вася помог задержать нарушителя. Встретил на железнодорожной насыпи незнакомого человека, согласился проводить его к старой крепости, а привел... к пограничникам.

В прошлом году около застав на западной границе в Белоруссии появились первые палаточные городки с необычным названием ЮДП. Юные друзья пограничников — пионеры Гродненской и Брестской областей — проводили здесь свои каникулы. Они помогали пограничникам в службе по охране государственной границы СССР.

В нашей школе теперь три отряда ЮДП. Командиром первого отряда единогласно избрали Васю Дацкевича.

Зимой Варлаам Михайлович Кублашвили учил нас ориентироваться на местности, ходить по азимуту, маскироваться, распознавать следы. Учили мы и телеграфную азбуку.

Летом мы тоже разобьем палатки у заставы и будем ходить в дозоры вместе со своими друзьями-пограничниками. Этой дружбой мы очень гордимся.

Отряд ЮДП школы № 8.

г. Брест.

Ну, вот и закончилось наше путешествие. А ведь, наверное, и ты смог бы стать проводником по нашей карте. И не только потому, что прошел всю Страну Краснозвездных Школ вдоль и поперек. Ты понял, конечно, что карта рассказывает и о твоей жизни, ведь Хорошие Дела есть и у твоей дружины, а Необыкновенным может стать и твой город, твой поселок.

Страна Краснозвездных Школ — это твоя страна! Ждем твоих сообщений о действиях твоего отряда, твоей дружины в этой стране.

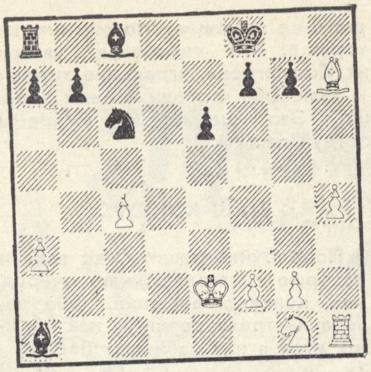

ХОДЫ ПЛЫВУТ ПО ОКЕАНУ

Далеко от Ташкента до американского города Провиденс. И все же настоящими друзьями стали ташкентский школьник девятилетний Эрнест Ким и его сверстник американский школьник Аарон Дэвис.

Прочитал как-то в газете Аарон Дэвис об успехах Эрнеста Кима и решил сразиться с ним в шахматной партии по переписке. Эрнест принял вызов.

И вот уже помчались письма полями, лесами, поплыли через океан. Ребята слали друг другу шахматные ходы, сообщали о своих школьных делах, делились планами на будущее.

Партия была очень интересной. Эрнест перехитрил своего соперника и добился решающего материального перевеса.

Это позиция после 19-го хода белых из этой партии. Белыми играл Дэвис. У советского пионера лишняя фигура, и победа его не вызывает сомнений.

МАТЧ: ПИОНЕРЫ — ТАЛЬ

Многие наши гроссмейстеры и мастера начинали свой спортивный путь в школьных шахматных кружках, в пионерских соревнованиях.

В Ленинградском Дворце пионеров изучали основы теории шахмат чемпион СССР Б. Спасский, гроссмейстеры В. Корчной и М. Тайманов. Гроссмейстер Ю. Авербах — воспитанник Московского Дворца пионеров. В турнирах киевских школьников выдвинулся гроссмейстер Д. Бронштейн.

И сейчас среди юных шахматистов, несомненно, немало ярких, больших талантов. Нужно только неустанно трудиться, и вы, друзья, добьетесь больших успехов. И не бойтесь поражений, они закаляют, многому учат. Смелее проверяйте свои силы во встречах с опытными противниками.

Вот, например, читатели газеты «Ленинские искры» (Ленинград) предложили сыграть матч из двух партий по переписке экс-чемпиону мира, воспитаннику Рижского Дворца пионеров М. Талю.

М. Таль охотно согласился сыграть с ребятами одновременно две партии, одну белыми, другую черными. В каждой партии в течение семи дней делается один ход. Вот как развивались события во второй партии, в которой ленинградские пионеры играют белыми:

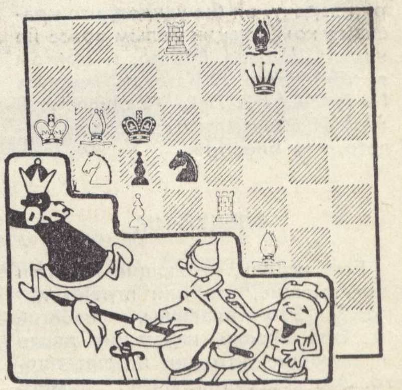
1. e2—e4 c7—c5 2. Kg1—f3 d7—d6 3. d2—d4 c5 : d4 4. Kf3 : d4 Kg8—f6 5. Kb1—c3 g7—g6 6. Cc1—e3 Cf8—g7 7. f2—f3 Kb8—c6 8. Cf1—c4 0—0 9. Фd1—d2 Kf6—d7 10. 0—0—0 Kd7—b6 11. Cc4—b3 Kc6—a5.

Возникла очень острая и сложная позиция. О том, как закончится матч пионеры — Таль, мы расскажем в следующих номерах журнала.

ЗАДАЧА ЛЮБЫ ЕВЛИНОЙ

«Нравится мне путешествовать по стране шаха, решать задачи, разбирать партии,— пишет Люба Евлина из села Новоивановка (Красноярский край).— И еще я научила играть в шахматы свою подругу Галю. Хотим организовать в школе шахматный кружок, но не хватает инвентаря. Как нам быть?

Шлю и задачу, которую сама составила. Пусть ребята найдут ее решение».

Эрнест Ким читает письмо от Аарона Дэвиса.

И не только решение задачи Любы Евлиной шлите, друзья. Дайте ей совет, как наладить работу школьного кружка любителей шахмат.

В этом положении (смотри диаграмму на стр. 77) белые, начиная игру, дают мат в два хода черному королю.

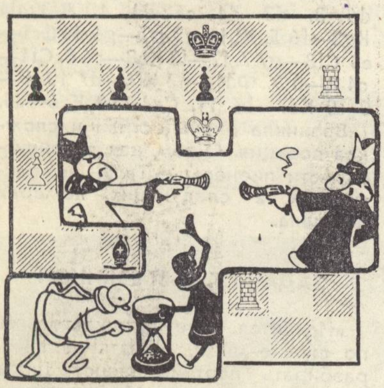
ТЫСЯЧА И ОДНА ОШИБКА

Один мудрец сказал: шахматная партия часто бывает сказкой из тысячи и одной ошибки.

В чем смысл этих слов?

Трудно, очень трудно избегать ошибок в шахматной борьбе. Хочешь научиться играть хорошо, будь самокритичен, находи ошибки, чтобы не повторять их вновь.

Надо всегда тщательно проверять свои шахматные анализы, не увлекаться эффектами.

Это задача, которую прислал московский школьник Сережа Баранов.

Свою задачу Сережа решает так: 1. Лh7—f7 Сс3—g7 2. Лf7—f8+Сg7 : f8 3. Лf2—b2 и четвертым ходом белые дают мат на b8.

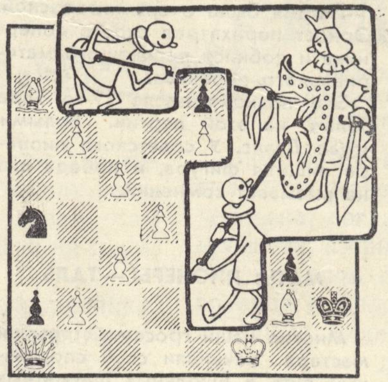
Остроумный замысел. Но если бы Сережа внимательнее проверил задачу, он бы увидел, что красивые комбинации белым вовсе не нужны. Можно просто, и притом в три хода, заматовать черных (1. Лg2 Сg7 2. Лh8 + С : h8 3. Лg8 мат). И в шахматах «не все то золото, что блестит».

СЛЕДУЙ ИМ

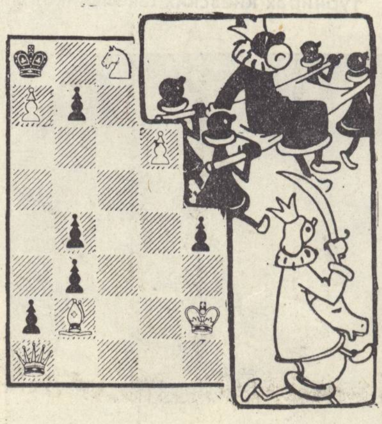
Есть игроки, играющие плохо и полагающие, что они играют хорошо. Это невежды, избегай их. Есть игроки, играющие плохо и знающие, что они играют плохо. Это рассудительные, помоги им! Есть игроки, играющие хорошо и не знающие, что они играют хорошо. Это скромные, уважай их. Есть игроки, играющие хорошо и знающие, что они играют хорошо. Это шахматные мудрецы, следуй им.

НАШ КОНКУРС

Попробуйте решить две задачи, которые составляют наш очередной конкурс решений. Обе эти задачи—трехходовки, и, как обычно, игру в них начинают белые.

Белый ферзь забился в самый угол доски, но ясно, что он играет отнюдь не последнюю роль в предстоящих событиях.

И здесь белый ферзь в углу. Но и в этой задаче во многих вариантах именно он наносит решающий удар.

Чтобы быть участником конкурса, решения надо присылать не позднее чем через месяц после получения журнала.

ДАЙ И НА

Владимир ЛИФШИЦ

Порой вплетаясь в разговор,
Два слова — Дай и На —
У всех народов с давних пор
Звучат как имена.

И должен каждый, кто не глух,
Почувствовать на слух,
Что если б так прозвали двух,
То очень разных двух...

Один из этих двух умел
С улыбкой голодать.
Он в трудный час
Все, что имел,
Спешил другим отдать.

Он верил сердцу своему,
Что билось горячо.
Он пел,— и ласточка к нему
Садилась на плечо...

А этот полон был забот
Лишь о своей судьбе.
Он в трудный час, наоборот,
Все забирал себе.

Что для него твоя беда!
Он сладко пил и ел,
Но не смеялся никогда
И никогда не пел.

Порой вплетаясь в разговор,
Два слова — Дай и На —
У всех народов с давних пор
Звучат как имена.

А кто здесь На
И кто здесь Дай,
Ты сам, читатель,
Угадай!

В ЧАСЫ ДОСУГА

Примите шифрограмму!

			6	К	Ь
1	А	У	7	Р	С
2	Е	И	8	Ж	Щ
3	О	Я	9	Д	Б
4	Л	М	10	З	П
5	В	Г	11	Н	Т

Чтобы ознакомиться с содержанием этого загадочного послания, воспользуйтесь шифровальным ключом. Предупреждаем, однако, что ключ рассекречивает шифр только наполовину, так как каждым из одиннадцати его чисел обозначаются две разные буквы. Придется приналечь на смекалку и самим решать, когда и какая буква больше подойдет по смыслу.

ОТВЕТЫ на задачи, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 4

КАК ЗОВУТ КАЖДУЮ ИЗ ЭТИХ СОБАК?

Возможны два случая перемещения пуделя, поскольку по условиям задачи он должен оказаться не с краю, а между двумя собаками, клички которых — Булька и Драчун. Этими собаками могут быть овчарка и такса или такса и бульдог.

В первом случае пришлось бы допустить, что овчарку зовут Булька, а таксу — Драчун (или наоборот), причем одна из этих собак оказалась бы в середине ряда. Но по условиям задачи в середине ряда в результате перемещения пуделя должна оказаться собака с кличкой Топс. Таким образом, это предположение отпадает.

Остается второй случай: пуделя сажают между таксой и бульдогом, причем пудель оказывается в середине ряда, следовательно, его кличка — Топс. Отсюда следует, что клички таксы и бульдога — Булька и Драчун. Но такса не может быть Драчуном, так как после перемещения пуделя Драчун оказался бы рядом с Грозным, мы же знаем теперь, что новым соседом таксы стал бы Топс. Итак, кличка таксы — Булька, а кличка бульдога — Драчун. По условиям задачи Драчун после перемещения пуделя оказывается в соседстве с Грозным; значит, Грозным зовут фокстерьера, а овчарку — Султаном.

ПРОЧИТАЙТЕ ПОСЛОВИЦУ!

1. Мы видим, что левый и правый квадраты равны — и по величине и по количеству клеток.

2. Наложим правый квадрат на левый: черные кружочки закрывают девять чисел, то есть четвертую часть их общего количества. Если повернуть правый квадрат на 90 градусов по ходу часовой стрелки, то под черными кружочками окажутся девять других клеток с числами; при двух последующих поворотах шифровального квадрата под черными кружочками окажутся остальные восемнадцать клеток с числами.

Так мы отберем числа в определенном порядке.

3. В этой головоломке нет вспомогательных слов, по которым (как, например, в криптограммах) можно было бы установить, какой букве алфавита соответствует то или иное число. Остается предположить, что числа в головоломке являются порядковыми номерами букв в алфавите, что при проверке тотчас же подтвердится. И вы прочитаете таджикскую пословицу «Ласковыми словами и змею из норы выманишь».

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе, В. И. Орлов, В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 04026. Подписано к печати 9/V 1962 г. Тираж 565 000 экз. Изд. № 891. Заказ № 1027.
Форм. бум. 84×108$^1/_{16}$. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена 25 коп.

ПИОНЕРСКИЙ МЕТАЛЛ ШАГАЕТ ПО СТРАНЕ

Ходят мальчики и девочки по улицам, по дворам, стучатся в квартиры, заглядывают на пустыри... Не сосчитать, сколько металла собрано ребятами за четыре пионерских десятилетия! Целые горы, должно быть. Как проследишь переpжавленную кастрюлю в ее новой судьбе, после переплавки? И все же мы видим пионерский металл, видим всюду. Его гулкие шаги слышны по всей стране.

В Свердловске построен электропоезд «Пионерский». Из ворот Миасского автозавода ушла на стройки целая колонна грузовиков с надписью по бортам «Миасский пионер». Трудится на колхозных полях хлопкоуборочный комбайн из лома, собранного пионерами горняцкого поселка Курук, в Таджикистане. Среди льдов Антарктиды верно служит зимовщикам станции Ново-Лазаревская вездеход нежинских пионеров.

В Москве на заводе «Серп и молот» была проведена пионерская плавка. На Ковровском заводе построен пионерский экскаватор, а на Горловском — угольный комбайн. Пионерские рельсы уложены на одном из участков дороги Абакан — Тайшет, а пионерские трубы — в нефтепроводе «Дружба». По Уфе ходит пионерский троллейбус, по Таганрогу — пионерский автобус, по Горловке — трамвай. Даже под землей, в поездах московского и киевского метро, есть вагоны с табличкой «Пионерский».

В гудках тепловозов, в лязге тракторных гусениц и подъемных кранов, в грохоте поездов звучит победная песнь пионерского металла.

